

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ «МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ВЕСТНИК

МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Выпуск (850)

1

ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

Год основания – 1940

Москва
ФГБОУ ВО МГЛУ
2023

1930

2500-347X

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION OF THE RUSSIAN FEDERATION
FEDERAL STATE BUDGETARY EDUCATIONAL INSTITUTION OF HIGHER EDUCATION
«MOSCOW STATE LINGUISTIC UNIVERSITY»

VESTNIK

OF MOSCOW STATE LINGUISTIC UNIVERSITY

SOCIAL SCIENCES

1

Issue (850)

The year of foundation – 1940

Moscow
FSBEI HE MSLU
2023

1930

ВЕСТНИК

МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

выпуск 1 (850)

Печатается по решению Ученого совета
Московского государственного лингвистического университета

Главный редактор
В. К. БЕЛОЗЁРОВ

доктор политических наук, профессор

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Брега А. В.	доктор политических наук, профессор (Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации)
Велес Ривера Ф.	доктор социологических наук, профессор (Латиноамериканский факультет социальных наук, Эквадор)
Гайденок П. И.	доктор исторических наук, доцент (МГЛУ)
Джунушалиева Г. Д.	доктор исторических наук, доцент (Киргизско-Российский Славянский университет, Бишкек, Киргизия)
Касюк А. Я.	доктор исторических наук, профессор (МГЛУ)
Киселев С. Г.	доктор философских наук, профессор (МГЛУ)
Колесников А. А.	доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербургский государственный университет)
Косторниченко В. Н.	доктор экономических наук, доцент (МГЛУ)
Лапинс Вульф	Doctor honoris causa multiplex, доктор политических наук, профессор (WeltTrends Institut für Internationale Politik, Германия)
Лапшов В. А.	доктор социологических наук, профессор (МГЛУ)
Образцов И. В.	доктор социологических наук, профессор (МГЛУ)
Петров А. Ю.	доктор исторических наук (МГЛУ)
Примаков В. Л.	доктор социологических наук, профессор (МГЛУ)
Пророкович Душан	доктор политических наук, профессор (Институт международной политики и экономики, Белград, Сербия)
Саблуков А. В.	доктор социологических наук, доцент (МГЛУ)
Сидорова Г. М.	доктор политических наук, доцент (МГЛУ)
Смирнов А. И.	доктор социологических наук (Институт социологии РАН)
Харичкин И. К.	доктор философских наук, профессор (МГЛУ)

VESTNIK

OF MOSCOW STATE LINGUISTIC UNIVERSITY

Issue 1(850)

Published by the decision of the Academic Council
Moscow State Linguistic University

Editor-in-Chief
BELOZEROV VASILY

Doctor of Political Sciences (Dr. habil), Professor

EDITORIAL BOARD

Brega Alexander	Doctor of Political Sciences (Dr. habil), Professor (Financial University under the Government of the Russian Federation)
Fredy Veléz Rivera	Doctor of Sociology (Dr. habil), Professor (Latin American Faculty of Social Sciences, Ecuador)
Gaidenko Pavel	Doctor of History (Dr. habil), Associate Professor (MSLU)
Dzhunushalieva Gulmira	Doctor of History (Dr. habil), Associate Professor (Kyrgyz-Russian Slavic University, Bishkek, Kyrgyzstan)
Kasiuk Arsen	Doctor of History (Dr. habil), Professor (MSLU)
Kiselev Sergey	Doctor of Philosophy (Dr. habil), Professor (MSLU)
Kolesnikov Alexander	Doctor of History (Dr. habil), Professor (Saint Petersburg State University)
Kostornichenko Vladimir	Doctor of Economics (Dr. habil), Associate Professor (MSLU)
Lapins Wulf	Doctor Honoris Causa Multiplex, Doctor of Political Sciences (Dr. habil), Professor, Professor, Senior researcher in WeltTrends Institut für Internationale Politik (Germany)
Lapshov Valery	Doctor of Sociology (Dr. habil), Professor (MSLU)
Obraztsov Igor	Doctor of Sociology (Dr. habil), Professor (MSLU)
Petrov Alexander	Doctor of History (Dr. habil) (MSLU)
Primakov Viacheslav	Doctor of Sociology (Dr. habil), Professor (MSLU)
Proroković Dušan	Doctor of Political Sciences (Dr. habil), Professor, (Institute of International Politics and Economics, Belgrade, Serbia)
Sablukov Alexander	Doctor of Sociology (Dr. habil), Associate Professor (MSLU)
Sidorova Galina	Doctor of Political Sciences (Dr. habil), Associate Professor (MSLU)
Smirnov Alexander	Doctor of Sociology (Dr. habil) (Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences)
Kharichkin Igor	Doctor of Philosophy (Dr. habil), Professor (MSLU)

ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

Гуманитарная политика Турции в период пандемии коронавируса: общее и частное КОЛЕСНИКОВА М. А.	9
О подвижках в урегулировании конфликта в Йемене КУДРОВ Е. А.	14
О государственных, военных переворотах и работе дипломатического представительства в кризисной ситуации и в посткризисный период (на примере Испании и Украины) МИХАЙЛИН И. В.	18
Энергетический вопрос в предвыборных программах парламентских партий ФРГ СУГОНЯЕВ П. М.	29
Вызовы и угрозы украинского милитаризма для национальной безопасности современной России ЦЫБАКОВ Д. Л., ВАСИЛЕНКО И. К.	37

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Борьба с немецкими диверсантами и украинскими националистами на освобожденной территории Украины в 1943 году ЗДАНОВИЧ А. А., КЛИМОВ А. А.	45
Государственные трудовые резервы СССР в 1940–1950-х годах: жилищные условия и практики воспитания рабочей молодежи ГОРЛОВ В. Н., АРТЕМОВ С. Н.	52
Генезис Индо-Тихоокеанской стратегии Европейского союза (1992–2022) КИТАЕВ Р. В.	60
Педагогическая деятельность комбрига Н. М. Потапова в Московском институте иностранных языков КОРНЕЕВ В. В., ДАНИЛОВА Н. Н.	68
Проблемы комплектования армии в Канаде в разгар Первой мировой войны (по материалам канадской прессы) СИМОНЕНКО Е. С.	76

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Профессиональная субъектность молодых ученых: процесс формирования и анализ компонентов структуры ИВАНЧЕНКО О. С.	83
Реализация аналитических компетенций сотрудниками управления экстренного реагирования Центра управления в кризисных ситуациях МЧС России по г. Москве: разработка стратегий и мер МЕЛЬКОВ С. А., ПОПОВ Д. Н., ЧАЕВИЧ А. В.	91
Панельная, поточная и стихийная онлайн-выборки в социологических исследованиях: методика построения и реализации ПРИМАКОВ В. Л.	99
Проблемы управления соотношением техносреды и экологии мегаполиса в современных условиях (на примере г. Москвы) САБЛУКОВ А. В., СОЛОВЬЕВ С. С.	107
Исследования проблем этничности в рамках конструктивистского подхода СОГОМОНЯН А. С.	113

POLITICAL SCIENCES

Turkey's Humanitarian Policy During the Coronavirus Pandemic:
Universals and Particulars

KOLESNIKOVA M.A. 9

On Progress in the Political Settlement of the Conflict in Yemen

KUDROV E.A. 14

On Coup D'Etats, Military Coup D'Etats and Diplomatic Representation Activities
in Crisis Situation and Post-Crisis Period (Spain and Ukraine Cases)

MIKHAILIN I.V. 18

Energetic Problem in Main German Parliament Parties' Election Programs

SUGONYAEV P.M. 29

Challenges and Threats of Ukrainian Militarism for the National Security
of Modern Russia

TSYBAKOV D.L., VASILENKO I.K. 37

HISTORICAL SCIENCES

The Fight Against German Saboteurs and Ukrainian Nationalists
in the Liberated Territory of Ukraine in 1943

ZDANOVICH A.A., KLIMOVA A.A. 45

State Labour Reserves of the USSR in the 1940s and 1950s:
living conditions and training practices of the working youth

GORLOV V.N., ARTEMOV S.N. 52

Genesis of the EU Indo-Pacific Strategy (1992–2022)

KITAEV R.V. 60

Pedagogical Activity of Brigade Commander N. M. Potapov at the Moscow
Institute of Foreign Languages

KORNEEV V.V., DANILOVA N.N. 68

Problems of Army's Recruiting in Canada at the Height of World War I
(based on the Canadian Press)

SIMONENKO E.S. 76

SOCIOLOGICAL SCIENCES

Professional Subjectivity of Young Scientists: the Process of Formation and Analysis of the Components of the Structure IVANCHENKO O.S.	83
Implementation of Analytical Competences by Employees of the Emergency Response Department of the EMERCOM Crisis Management Center in Moscow: Development of Strategies and Measures MELKOV S.A., POPOV D.N., CHAEVICH A.V.	91
Panel, River and Spontaneous Online Sampling on Sociological Research: Methods of Construction and Implementation PRIMAKOV V.L.	99
Problems of Managing the Ratio of the Techno-Environment and the Ecology of the Metropolis in Modern Conditions (on the Example of the City of Moscow) SABLUKOV A.V., SOLOVYOV S.S.	107
Studies of Ethnicity Within the Constructivist Approach SOGOMONYAN A.S.	113

Научная статья

УДК 327

DOI 10.52070/2500-347X_2023_1_850_9

Гуманитарная политика Турции в период пандемии коронавируса: общее и частное

М. А. Колесникова

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия

kolmaral-1710@mail.ru

Аннотация. В статье анализируются идеологические детерминанты и изучаются основные механизмы реализации гуманитарной политики Турции в последние три года. Несмотря на объективные трудности, связанные с пандемией COVID-19, Турция смогла упрочить свое влияние на международной арене, утвердившись на лидерских позициях в качестве донора гуманитарной помощи.

Ключевые слова: Турция, гуманитарная политика, ОПР, пандемия, ТИКА, коронавирус, Р.Т. Эрдоган

Для цитирования: Колесникова М. А. Гуманитарная политика Турции в период пандемии коронавируса: общее и частное // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2023. Вып. 1 (850). С. 9–13. DOI 10.52070/2500-347X_2023_1_850_9

Original article

Turkey's Humanitarian Policy During the Coronavirus Pandemic: Universals and Particulars

Maria A. Kolesnikova

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

kolmaral-1710@mail.ru

Abstract. This article is devoted to the analysis of ideological determinants and the study of the main mechanisms of the implementation of Turkey's humanitarian policy in the last three years. Despite the objective difficulties associated with the COVID-19 pandemic, Turkey has been able to strengthen its influence on the international arena, gaining a leading position as the humanitarian aid donor.

Key words: Turkey, humanitarian policy, ODA, pandemic, TIKA, coronavirus, R.T. Erdogan

For citation: Kolesnikova, M. A. (2023). Turkey's humanitarian policy during the coronavirus pandemic: universals and particulars. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social Sciences, 1(850), 9–13. 10.52070/2500-347X_2023_1_850_9

ВВЕДЕНИЕ

Крушение биполярной системы предоставило Турции определенную возможность для маневра, подразумевающую одновременно сохранение своего незыблемого членства в НАТО и практическое воплощение элементов самостоятельной многовекторной и прагматичной политики. Приход в Турции к власти в 2002 году Партии справедливости и развития (ПСР) предопределил начало трансформации политического курса страны, что впоследствии отразилось практически на всех направлениях внутренней и внешней политики Турции. Произошедшие изменения проявились в отходе от парадигм идеологии кемализма, прежде всего, от принципа светскости и в закреплении постулатов «умеренного исламизма», ориентированного на дальнейшую исламизацию общества. Усиление исламской составляющей дало возможность турецкому руководству эффективно использовать религиозную карту для решения своих геополитических задач. Отличительной чертой внешнеполитической стратегии стало сочетание идей рыночной экономики и процесса демократизации с идеалами ислама. Одним из положений внешнеполитического дискурса стали элементы неоосманистской идеологии, призванные подтвердить статус Турции в качестве глобального игрока в регионе. Наконец, в риторике и на практике на первый план вышла гуманитарная составляющая, представляемая турецким истеблишментом как «козырная карта» дипломатии Анкары.

Гуманитарное измерение турецкой внешней политики по-прежнему остается в фокусе самого пристального внимания отечественных и зарубежных экспертов. Превратив страну за последние несколько лет из получателя в одного из крупнейших мировых доноров гуманитарной помощи, турецкое руководство активно продвигает тезис о своей «особой модели» официальной помощи развитию (ОПР) и гуманитарном аспекте как детерминанте своей политики на международной арене. Пандемия коронавируса послужила новым «окном возможностей» для закрепления лидирующих позиций Анкары в гуманитарной области на региональном и глобальном уровнях.

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ГУМАНИТАРНОГО ВЕКТОРА ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ ТУРЦИИ

Закрепление идеи о гуманитарной помощи как о неотъемлемой части публичной дипломатии датируется первой половиной 2000-х годов и связывается с утверждением во власти представителей

новой турецкой политической элиты – членов ПСР [Altunisik, 2019]. Основными постулатами «гуманитарно ориентированной политики» становятся ответственность за судьбу простых людей; честный, открытый, равноправный диалог и бескорыстная помощь; неравнодушие к проблемам нуждающихся («Турция – символ свободы в сердцах всех угнетенных»); противодействие экспансии неокOLONIALИЗМА («Турция – не самая богатая, но самая щедрая», «Турция – рука совести в мире»).

На сайте турецкого МИДа отмечается, что «турецкий народ имеет сильные традиции оказания гуманитарной помощи, вытекающие из его истории и культуры. В связи с этим Турция считает оказание помощи странам, переживающим трудные времена из-за стихийных бедствий, войн, бедности и социальных конфликтов, гуманитарным долгом и важным элементом в достижении стабильного международного сообщества» [Turkish Emergency ... 2022]. В данном случае обращает на себя внимание не только ссылка на исторические и культурные традиции, но и такое понимание гуманитарной помощи, которое фактически ставит знак равенства между этой помощью и ОПР [Шерстюков, 2022].

Воплощение нового гуманитарного политического курса подтверждается статистическими данными. Начиная с 2004 года Турция последовательно увеличивала свой вклад в оказание международной гуманитарной помощи. К 2013 году затраты по данной статье расходов возросли почти в 16 раз (с 190,1 млн долл. США до 3 млрд долл. США). С 2013 по 2015 годы Турция занимала в глобальном рейтинге самых «щедрых стран» мира (по данным британской организации Development Initiatives и отчетам ОЭСР) третье место, в 2016, 2020 и 2021 годы – второе, с 2017 по 2019 годы – первое (Anadolu Agency. 27.07.2022). Последние два года Анкара сохраняет лидирующие позиции в списке стран по соотношению объема оказанной гумпомощи к ВВП (5,6 млрд долл. США). При этом уточняется, что в расчет не принимались показатели гумпомощи, предоставленной Турцией сирийским беженцам. В то же время следует учитывать, что реальные цифры, отражающие истинные масштабы поставок, определить достаточно затруднительно, в первую очередь, из-за вовлеченности в данный процесс большого количества субъектов, бюджеты которых не всегда прозрачны [Gungor, 2021].

Хотя география поставок турецкой гуманитарной помощи в последнее десятилетие распространилась далеко за пределы границ не только соседних с Турцией стран, но и регионов с преимущественно мусульманским населением, структура

расходов подтверждает, что определенные тенденции в выборе ключевых партнеров сохраняются. Основной движущей силой гуманитарной политики Турции остается комплекс факторов, в числе которых внутри- и внешнеполитические амбиции правящей элиты, вопросы безопасности, экономические стимулы, стремление к продвижению исламских ценностей. Многие исследования, основанные на количественном анализе ОПР Турции, демонстрируют, что приоритеты Анкары в выборе стран-получателей гуманитарной помощи по-прежнему в значительной степени обусловлены историческими, этническими и религиозными связями с адресатами. Значимым также является уровень торговых отношений с ними: наблюдается закономерная взаимозависимость между количественными показателями объема оказываемой помощи и экспорта турецкого бизнеса в страну-реципиент.

ОСНОВНЫЕ МЕХАНИЗМЫ И «ПРОВОДНИКИ» ГУМАНИТАРНОЙ ПОЛИТИКИ ТУРЦИИ В ЭПОХУ КОРОНАВИРУСА

Пандемия коронавируса стала для Турции, как и для многих других эпицентров распространения COVID-19 на евразийском континенте, настоящим вызовом национальной социально-экономической системе. Пиковые цифры заболеваемости в активной фазе достигали 1,3 млн человек (прирост – порядка 30 000 инфицированных в сутки). Показатели инфляции демонстрировали стремительный рост от 17 % до 70 % в годовом исчислении [Агаев, 2020]. Вместе с тем новые реалии международной эпидемиологической обстановки были использованы турецким руководством как возможность для продвижения и повышения своего авторитета на международной арене за счет наращивания гуманитарной активности.

Уже в первые месяцы пандемии, продолжая следовать декларируемому принципу «всеохватности», Турция стала планомерно расширять географию стран-реципиентов своей гуманитарной помощи. К концу 2020 года в этом списке значилось 80 государств, к 2022 году количество возросло вдвое. При этом характер оказываемой помощи достаточно разнообразен: от прямого финансирования и снабжения медицинскими препаратами, экипировкой, оборудованием до кадровой переподготовки, оказания продовольственной помощи, запуска образовательных программ по производству средств индивидуальной защиты.

В Турецкой Республике Северного Кипра (ТРСК) и Албании были открыты два госпиталя, предназначенные для размещения ковидных больных. В 11 стран осуществлялась поставка вакцин (преимущественно китайского производства – «КоронаВак», «Синофарм»); их получали Босния и Герцеговина, Киргизия, Ливия, Молдова, Северная Македония, Сенегал, ТРСК, Тунис, Туркменистан, Узбекистан, Черногория. За счет пожертвований также были направлены несколько партий вакцин в Албанию, Грузию, Косово, Лесото, Мавританию, Мадагаскар, Мальдивы, Монголию, Намибию, Непал, Палестину. Продолжаются переговоры о признании отечественного препарата – «Турковак» – в 50 государствах мира (*Daily Sabah*. 05.01.2022).

Значительный вклад в осуществление оперативных поставок гуманитарной помощи в разные уголки мира внес главный авиаперевозчик страны «Турецкие авиалинии», который на протяжении практического всего пандемийного периода оставался единственным стабильно функционирующим звеном в мировой транспортной системе.

Турция также содействовала решению вопросов, связанных с оказанием гуманитарной помощи в рамках международных и региональных организаций и интеграционных объединений. В их числе: ВОЗ, Управление ООН по координации гуманитарных вопросов, ЮНИСЕФ, Всемирный банк, НАТО, ОБСЕ, Африканский союз, Исламский банк развития, Карибское сообщество и др.

Основными государственными «проводниками» гуманитарной политики Турции выступают Министерство здравоохранения, Министерство внутренних дел и Министерство иностранных дел. В марте 2020 года в качестве институционального механизма, экстренно реагирующего на чрезвычайные проблемы, связанные с распространением коронавируса, был создан Центр координации и поддержки Министерства иностранных дел.

На неправительственном поле ключевая роль традиционно принадлежит Турецкому агентству по координации и развитию (турецкая аббревиатура – ТІКА). Создававшееся в 1990-е годы как инструмент турецкой «мягкой» силы в тюркских республиках постсоветского пространства, в настоящее время ТІКА осуществляет работу практически во всех уголках мира и имеет официальные представительства более чем в 60 странах – от Средней Азии до Балкан, от Африки до Латинской Америки и Южной Азии. Отличительной чертой ТІКА является то, что оно выступает в качестве связующего звена в триаде «государство – бизнес – гражданское общество». Будучи проводником государственной политики, ТІКА

активно привлекает к реализации своих проектов представителей крупного предпринимательства, а также взаимодействует с различными НПО, организуя масштабные пиар-акции, нацеленные на привлечение внимания обычных граждан к проблемам гуманитарного характера. Такая устойчивая трехсторонняя связь, которая расценивается как неотъемлемый элемент демократического государства, служит козырем в руках турецких политических лидеров, желающих интерпретировать в свою пользу тематику «демократических прав и свобод», в первую очередь, в геополитической игре с евроатлантическими партнерами [Колесникова, 2019].

Значительный вклад также вносит Управление по делам религии (Diyanet). Данная структура, обладая значительным финансовым потенциалом и организационными возможностями, оказывает помощь нуждающимся мусульманам в 149 странах мира. Участвует в направлении и распределении гуманитарных грузов, организации религиозных праздников, оказании материальной и духовной поддержки в зонах конфликтов и бедствий.

В числе других крупных игроков – «Турецкий красный полумесяц», «Фонд защиты прав и свобод человека и гуманитарной помощи».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Гуманитарный компонент внешней политики Турции становится всё более значимым механизмом по упрочению влияния Республики в мусульманском мире и на международной арене в целом. В период правления ПСР именно «гуманитаризм» стал основой новой турецкой внешнеполитической стратегии, нацеленной на преобразование складывающегося постбиполярного международного порядка.

С началом пандемии коронавируса Анкара, несмотря на борьбу с новым типом инфекции в пределах своих государственных границ, смогла в сжатые сроки мобилизовать национальные усилия для реализации шагов по самоутверждению в качестве одного из глобальных гуманитарных акторов. В то же время ее гуманитарная политика сталкивается с рядом сдерживающих факторов. В среднесрочной перспективе – нарастание авторитарных тенденций внутри страны, накопившиеся проблемы в экономике и усиливающаяся поляризация турецкого общества могут в определенной степени «пошатнуть» наработанные за последние годы успехи и, как следствие, оказать негативное влияние на эффективность гуманитарной политики Турции.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Altunisik M. B. Turkey's Humanitarian Diplomacy: The AKP Model // CMI Brief. 2019, September. URL: <https://www.cmi.no/publications/6973-turkeys-humanitarian-diplomacy-the-akp-model>
2. Turkish Emergency Humanitarian Assistance // Republic of Turkey. Ministry of Foreign Affairs. 2022. URL: <http://www.mfa.gov.tr/humanitarian-assistance-by-turkey.en.mfa>
3. Шерстюков С. А. Гуманитарная политика Турции: изменение концептов, масштабов и целей // Мировая экономика и международные отношения. 2022. № 6. Т. 66. С. 102–111.
4. Gungor B. Foreign aid during the COVID-19 pandemic evidence from Turkey // Geneva Graduate Institute. 2021. URL: <https://www.graduateinstitute.ch/library/publications-institute/foreign-aid-during-covid-19-pandemic-evidence-turkey>
5. Агаев М. Накопительный эффект: чем интересна «коронавирусная» дипломатия Турции // РСМД. 2020. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/middle-east/nakopitelnyy-effekt-chem-interesna-koronavirusnaya-diplomatiya-turtsii/>
6. Колесникова М. А. ТИКА как основной инструмент турецкой «мягкой силы» в Африке: материалы Международной научно-практической конференции / под общ. ред. А. Я. Касюка, И. К. Харичкина, Москва, 16–18 апреля 2019 г. М. : МГЛУ, С. 220–224.

REFERENCES

1. Altunisik, M. B. (2019, September). Turkey's Humanitarian Diplomacy: The AKP Model. CMI Brief. <https://www.cmi.no/publications/6973-turkeys-humanitarian-diplomacy-the-akp-model>
2. Turkish Emergency Humanitarian Assistance. (2022). Republic of Turkey. Ministry of Foreign Affairs. <http://www.mfa.gov.tr/humanitarian-assistance-by-turkey.en.mfa>
3. Sherstyukov, S. A. (2022). Gumanitarnaja politika Turcii: izmenenie konceptov, masshtabov i celej = Turkey's humanitarian policy: changing concepts, scale, and goals. World economy and international relations, 66(6), 102–111. (In Russ.)
4. Gungor, B. (2021). Foreign aid during the COVID-19 pandemic evidence from Turkey. Geneva Graduate Institute.

<https://www.graduateinstitute.ch/library/publications-institute/foreign-aid-during-covid-19-pandemic-evidence-turkey>

5. Agaev, M. (2020, June 4). Nakopitel'nyj jeffekt: chem interesna «koronavirusnaja» diplomatija Turcii = Cumulative effect: what is interesting about Turkey's «coronavirus» diplomacy. RSMD. <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/middle-east/nakopitelnyy-effekt-chem-interesna-koronavirusnaya-diplomatiya-turtsii/> (In Russ.)
6. Kolesnikova, M. A. (2019). TIKa kak osnovnoj instrument tureckoj «mjagkoj sily» v Afrike = TIKa as the main instrument of Turkish «soft power» in Africa. *Sovremennaya Rossiya v mirovom politicheskom processe: global'noe i regional'noe izmerenie* (pp. 220–224): The digest of articles of an international scientific conference. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ О АВТОРЕ

Колесникова Мария Александровна

кандидат политических наук
доцент кафедры зарубежного регионоведения
Института международных отношений и социально-политических наук
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Maria Aleksandrovna Kolesnikova

PhD (Political Sciences)
Associate Professor of the Department of Regional Studies
Institute of International Relations and Social and Political Sciences
Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию	16.01.2023	The article was submitted
одобрена после рецензирования	06.02.2023	approved after reviewing
принята к публикации	06.03.2023	accepted for publication

Научная статья

УДК 327

DOI 10.52070/2500-347X_2023_1_850_14

О подвижках в урегулировании конфликта в Йемене

Е. А. Кудров

*Посольство России в Йемене, Эр-Рияд, Саудовская Аравия
koudrov@mail.ru*

Аннотация. В статье проводится критический анализ событий, произошедших в конце 2021 – первой половине 2022 гг. и создавших предпосылки для достижения под эгидой ООН договоренностей о перемирии и последующего движения в сторону политурегулирования в многолетнем вооруженном конфликте в Йемене.

Ключевые слова: Йемен, вооруженный конфликт, Президентский руководящий совет, движение «Ансар Алла», перемирие под эгидой ООН, перспективы политурегулирования

Для цитирования: Кудров Е. А. О подвижках в урегулировании конфликта в Йемене // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2023. Вып. 1 (850). С. 14–17. DOI 10.52070/2500-347X_2023_1_850_14

Original article

On Progress in the Political Settlement of the Conflict in Yemen

Evgeny A. Kudrov

*Embassy of the Russian Federation in the Republic of Yemen, Riyadh, Saudi Arabia
koudrov@mail.ru*

Abstract. This article is devoted to a critical analysis of the events that took place at the end of 2021 – the first half of 2022 and created the prerequisites for reaching an agreement under the UN auspices and further progress towards the political settlement and exit from lengthy armed conflict in Yemen.

Keywords: Yemen, armed conflict, Presidential Leadership Council, Ansar Allah movement, ceasefire under the UN auspices, prospects of political settlement

For citation: Kudrov, E.A. (2023). On progress in the political settlement of the conflict in Yemen. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social Sciences, 1(850), 14–17. 10.52070/2500-347X_2023_1_850_14

ВВЕДЕНИЕ

В конце 2021 года в вооруженном конфликте в Йемене последовала очередная серьезная эскалация общественной напряженности. Но с весны 2022 года возникли процессы, которые актуализировали вопрос запуска переговоров о политурегулировании. В этой связи представляется существенным сфокусироваться на такой проблеме, как новые предпосылки к выходу из длительного вооруженного йеменского конфликта. В первый раз за много лет была достигнута договоренность о временном прекращении огня под эгидой ООН, а президент А. Хади передал свои полномочия руководящему президентскому совету во главе с Р. Аль-Алими. При этом у сторон конфликта сохраняется множество серьезных разногласий, без преодоления которых развитие межйеменского диалога видится невозможным. Основная цель данной работы – проанализировать комплекс событий, произошедших в конце 2021 – первой половине 2022 года и оценить специфику их влияния на дальнейший процесс установления мира в регионе политическими средствами. Методологическая база исследования основывается преимущественно на историко-сравнительном анализе и разных формах сбора эмпирических данных.

ОСТРАЯ ФАЗА ПРОТИВОСТОЯНИЯ

В период с ноября 2021 года по февраль 2022 года движение хуситов «Ансар Алла», контролирующее основную часть территории Северного Йемена, существенно расширило сферу своего влияния, заняв большую часть территории провинции Тихама (на побережье Красного моря) и южнойеменской провинции Шабва. Договорившись с руководством ряда племен Шабвы, хуситы продвинулись по гористой местности этой провинции на юго-восток и перерезали дорогу между г. Атак и стратегически значимым г. Мариб, центром одноименной нефтеносной провинции. Тем самым оказалось нарушено снабжение лояльных международно признанному президенту А. Хади войск у Мариба, возникла угроза их окружения с юго-востока. Был создан риск и для линий коммуникаций между Марибом и расположенными к востоку от него нефтегазовыми предприятиями.

С целью не позволить «Ансар Алла» захватить Мариб Республиканская гвардия Т. Салеха, бригады южнойеменских салафитов «Амалика» и отряды «Сил сопротивления Тихамы» в середине ноября отошли значительно южнее г. Ходейды в район населенного пункта Хейс. После этого силы Республиканской гвардии остались контролировать район

г. Мохи у Баб-эль-Мандебского пролива, а формирования салафитов были переброшены в Шабву, став серьезным подкреплением для истощенных длительными боями проправительственных войск. Однако в результате такой передислокации антихуситских сил обширные территории провинции Тихамы у красноморского побережья, включая окрестности ключевого портового г. Ходейды, были ими полностью оставлены. Весь этот район без сопротивления заняли вооруженные формирования «Ансар Алла» [Eleiba, 2021].

Контрнаступление «Амалики» в Шабве вкупе с массированными авиаударами арабской коалиции [Hamad, 2022] привело к срыву наступления хуситов на Мариб, а вся территория провинции Шабвы была занята лояльными А. Хади силами [Magdy, 2022]. Таким образом, несмотря на значительное территориальное расширение сферы своего контроля, движение «Ансар Алла» не добилося главного – взятия нефтеносного Мариба, что, по преобладающим оценкам, вполне закономерно виделось хуситам поворотным моментом всей семилетней военной кампании против коалиции.

НОВЫЕ ПОПЫТКИ МИРНОГО УРЕГУЛИРОВАНИЯ

После того, как данная острая фаза противостояния завершилась и «на фронтах» сложилась своего рода патовая ситуация, в международных усилиях по поиску взаимоприемлемых решений многолетнего кризиса в Йеменской республике (ЙР) начали появляться значимые подвижки. 7 марта 2022 года в Аммане Спецпосланник Генсекретаря ООН по Йемену Х. Грундберг, в августе 2021 года сменивший на этом посту М. Гриффитса, начал консультации с йеменскими политсилами. Их целью была проработка ооновской «дорожной карты» урегулирования кризиса [UN Special Envoy Grundberg initiates consultations on his framework, 2022].

Хуситы проигнорировали серию встреч в Иордании, поэтому Х. Грундберг был вынужден параллельно с консультациями вести активную «челночную» дипломатию. К концу марта его посреднические усилия, подкрепленные соответствующими шагами со стороны Саудовской Аравии, увенчались частичным успехом. 1 апреля 2022 года спецпосланник уведомил о достижении договоренностей между законными властями и хуситами о прекращении огня на два месяца, начиная со 2 апреля [Statement on the Truce in Yemen, 2022]. Было решено, что по истечении этого срока (т. е. после 2 июня) «затишье» по согласованию сторон может быть продлено на дополнительный срок.

В рамках договоренностей порт города Ходейды открылся для поставок нефтепродуктов, остро необходимых жителям северных провинций Йемена. Из аэропорта города Сана впервые за шесть лет возобновились коммерческие рейсы. В основном по единственному направлению – в Амман. Предусмотренные соглашением о прекращении огня перелеты в Каир, несмотря на достижение сторонами принципиального взаимопонимания по данному вопросу, не удалось сделать регулярными из-за трудностей с обеспечением безопасности и соответствующих требований египетской стороны. По состоянию на середину августа 2022 года по этому маршруту состоялся лишь один рейс, быстрого решения вопроса не прослеживалось.

Другим ключевым для Йемена событием конца марта – начала апреля 2022 года стала организация в Эр-Рияде мирной конференции под эгидой Совета сотрудничества арабских стран Персидского залива с приглашением всех полтисил ЙР. Определяющую роль в организации этих консультаций сыграли Саудовская Аравия и Объединенные Арабские Эмираты, заинтересованные в запуске процесса в направлении урегулирования йеменского кризиса. Представители «Ансар Алла», однако, данное мероприятие, как ранее и консультации в Аммане, проигнорировали.

«На полях» данной конференции произошло еще одно событие, имевшее ключевое значение для последующего развития ситуации в ЙР. 7 апреля Президент А. Хади передал свои полномочия новому коллегиальному органу власти – руководящему президентскому совету (РПС) во главе с председателем Р. Аль-Алими (член партии Всеобщий народный конгресс, в 2001–2008 годы – министр внутренних дел ЙР, затем вице-премьер, курирующий вопросы обороны и безопасности, в 2014–2022 годы – советник А. Хади). Вскоре РПС в полном составе выехал в южнойеменский город Аден, объявленный «временной столицей» Йемена (постоянной столицей Совет по-прежнему считает г. Сана). 19 апреля 2022 года в Адене состоялась церемония присяги РПС.

Несмотря на передачу А. Хади своих полномочий Совету, существенных изменений в подходах законных властей ЙР к конфликту не произошло. Новое руководство в своих программных документах по-прежнему апеллирует к Инициативе ССАГПЗ (2011), итогам Конференции национального диалога (2013–2014) и соответствующим резолюциям СБ ООН.

Важнейшей из последних в РПС считают решение Совета 2216 года, требующее разоружения и фактической капитуляции хуситов. Однако данный подход в последнее время стал выглядеть

все более труднореализуемым, так как движение «Ансар Алла» по итогам семи лет военного противостояния арабской коалиции на деле доказало способность не только удерживать контроль над занятыми территориями, включая столицу Йемена г. Сана, но также постепенно укреплять и расширять свою сферу влияния. Поэтому естественным путем для движения вперед в нормализации ситуации в ЙР все большему числу наблюдателей и участников конфликта стало видеться поддержание и продление объявленного 2 апреля перемирия с постепенным поиском взаимоприемлемых развязок по самым сложным вопросам и прицелом на запуск под эгидой ООН всеобъемлющего политпроцесса.

Такой подход по состоянию на середину августа выглядит наиболее реалистичным, так как режим прекращения огня, при всех многочисленных взаимных обвинениях сторон в его нарушениях, в целом соблюдался. Значимых передвижений сил и изменений линий соприкосновения войск зафиксировано не было. 2 августа 2022 года стороны, хоть и не без труда и с риском срыва «затишья», согласились продлить перемирие на дополнительные два месяца, подразумевая, что за этот срок «стороны активизируют переговоры с целью скорейшего достижения расширенного соглашения о прекращении огня» [Press statement by UN Special Envoy for Yemen Hans Grundberg on a two-month renewal of the UN-mediated truce, 2022]. 4 августа новую пролонгацию приветствовал и СБ ООН [Security Council Press Statement on Yemen, 2022].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, в йеменском вооруженном конфликте, в котором в марте сего года был начат отсчет уже 8-го года острой фазы конфронтации, налицо серьезные подвижки. Конечно, между законными властями ЙР и хуситами сохраняется множество принципиальных разногласий и текущих спорных вопросов, без решения которых дальше двигаться будет невозможно. Среди них – вопросы разблокирования дорог г. Таиза, расширения географии полетов из аэропорта Саны, бесперебойных поставок нефтепродуктов в порты города Ходейды, признания выданных хуситами паспортов, механизмов перечисления зарплат гражданским служащим и пр. Понятно, что до реальной нормализации еще очень далеко, не говоря уж о том, что йеменцам еще предстоит определиться с рамками и целями урегулирования политически проблемной ситуации. Однако тот факт, что в Йемене с начала апреля 2022 года стало меньше перестрелок и столкновений, а авиаудары коалиции и вовсе прекратились, безусловно, есть огромный шаг вперед.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Eleiba A. The Hodeida Withdrawal // Al-Ahram Weekly. 2021, November 21. URL: [http:// english.ahram.org.eg/News/440793.aspx](http://english.ahram.org.eg/News/440793.aspx)
2. Hamad A. Arab Coalition conducts 16 targeted strikes against Houthis in Marib, Hajjah // Alarabiya News. 2022, February 16. URL: <http://english.alarabiya.net>
3. Magdy S. Yemeni government says southern province retaken from rebels // AP News. 2022, January 11. URL: <http://apnews.com>
4. UN Special Envoy Grundberg initiates consultations on his framework // Office of the Special Envoy of the Secretary General for Yemen. 2022, March 7. URL: <http://osesgy.unmissions.org>
5. Statement on the Truce in Yemen // Office of the Special Envoy of the Secretary General for Yemen. 2022, April 2. URL: <http://osesgy.unmissions.org>
6. Press statement by UN Special Envoy for Yemen Hans Grundberg on a two-month renewal of the UN-mediated truce // Office of the Special Envoy of the Secretary General for Yemen. 2022, August 2. URL: <https://osesgy.unmissions.org/press-statement-un-special-envoy-yemen-hans-grundberg-two-month-renewal-un-mediated-truce/>
7. Security Council Press Statement on Yemen // Press Release Security Council. 2022, August 4. URL: <https://press.un.org/en/2022/sc14992.doc.htm>

REFERENCES

1. Eleiba, A. (2021, November 21). The Hodeida Withdrawal. Al-Ahram Weekly. [http:// english.ahram.org.eg/News/440793.aspx](http://english.ahram.org.eg/News/440793.aspx)
2. Hamad, A. (2022, February 16). Arab Coalition conducts 16 targeted strikes against Houthis in Marib, Hajjah. Alarabiya News. <http://english.alarabiya.net>
3. Magdy, S. (2022, January 11). Yemeni government says southern province retaken from rebels. AP News. <http://apnews.com>
4. UN Special Envoy Grundberg initiates consultations on his framework. (2022, March 7). Office of the Special Envoy of the Secretary General for Yemen. <http://osesgy.unmissions.org>
5. Statement on the Truce in Yemen. (2022, April 2). Office of the Special Envoy of the Secretary General for Yemen. <http://osesgy.unmissions.org>
6. Press statement by UN Special Envoy for Yemen Hans Grundberg on a two-month renewal of the UN-mediated truce. (2022, August 2). Office of the Special Envoy of the Secretary General for Yemen. <https://osesgy.unmissions.org/press-statement-un-special-envoy-yemen-hans-grundberg-two-month-renewal-un-mediated-truce/>
7. Security Council Press Statement on Yemen. (2022, August 4). Press Release Security Council. <https://press.un.org/en/2022/sc14992.doc.htm>

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Кудров Евгений Александрович

кандидат политических наук

советник-посланник, временный поверенный в делах России в Йеменской Республике

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Evgeny Aleksandrovich Kudrov

PhD (Political Science)

Minister-counsellor, Chargé D'affaires of the Russian Federation to the Republic of Yemen

Статья поступила в редакцию
одобрана после рецензирования
принята к публикации

12.01.2023
02.02.2023
06.03.2023

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

Научная статья

УДК 327

DOI 10.52070/2500-347X_2023_1_850_18

О государственных, военных переворотах и работе дипломатического представительства в кризисной ситуации и в посткризисный период (на примере Испании и Украины)

И. В. Михайлин

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия

mikhailin.igor@mail.ru

Аннотация: В статье анализируются особенности работы дипломатического представительства в странах, где произошли попытки государственного и военного переворотов. Предметом исследования в совокупности являются провалившаяся попытка военного мятежа в Испании (1981) и государственный переворот на Украине (2014). Сравнение обоих кейсов позволяет оценить международные последствия и воздействие переворотов на отношения этих государств с нашей страной, а также общую специфику дипломатической работы в кризисной ситуации и в посткризисный период.

Ключевые слова: государственный переворот, военный переворот, авторитарный режим, нарушение прав и свобод граждан, деловые связи, кризисная ситуация

Для цитирования: Михайлин И. В. О государственных, военных переворотах и работе дипломатического представительства в кризисной ситуации и в посткризисный период (на примере Испании и Украины) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2023. Вып. 1 (850). С. 18–28. DOI 10.52070/2500-347X_2023_1_850_18

Original article

On Coup D'Etats, Military Coup D'Etats and Diplomatic Representation Activities in Crisis Situation and Post-Crisis Period (Spain and Ukraine Cases)

Igor V. Mikhailin

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

mikhailin.igor@mail.ru

Abstract. The article deals with the specifics of diplomatic representation activities in countries which faced coup d'état and military coup d'état. The study focuses on the frustrated military coup d'état in Spain (1981) and coup d'état in Ukraine (2014). Both cases comparison allows to evaluate international consequences and their impact on these states' relations with USSR (RF) as well as diplomatic activities' general specifics in crisis situations and post-crises period.

Keywords: coup d'état, military coup d'état, authoritarian regime, infringement of rights and freedom of civilians, business-like connections, crises situation

For citation: Mikhailin, I. V. (2023). On Coup D'Etats, Military Coup D'Etats and Diplomatic Representation Activities in Crisis Situation and Post-Crisis Period (Spain and Ukraine Cases). Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social Sciences, 1(850), 18–28. 10.52070/2500-347X_2023_1_850_18

ВВЕДЕНИЕ

2022 год прошел под знаком роста международной напряженности и к осени она стала сопоставимой по своему накалу с пиковым периодом (вторая половина октября 1962 года) Карибского кризиса. Международная напряженность вызвана принципиальной несовместимостью подходов России и коллективного Запада¹ к ключевым вопросам мировой повестки дня, в первую очередь к событиям на Украине.

НЕСОВМЕСТИМЫЕ ПОДХОДЫ РФ И США ПО ГОСПЕРЕВОРОТУ НА УКРАИНЕ

Первый пункт расхождений – отношение к государственному перевороту (февраль 2014 года). Он произошел в форме вынужденной отставки президента В. Януковича под давлением площадных (на мове майданом называется городская площадь) выступлений украинских экстремистов и националистов. Расхождения касаются и не совпадающих оценок действий новых «майданных» властей.

США не осудили госпереворот, более того, со слов В. Нуланд, заместителя госсекретаря Э. Блинкена, стало известно, что американские власти по негосударственным каналам перевели около пяти миллионов долларов в помощь организаторам силового захвата власти. С молчаливого одобрения США новые власти приняли ряд мер, направленных на ущемление прав и свобод русскоязычного населения, выдавливание русского языка из всех сфер украинской общественной жизни и др. Русскоязычные жители Донецкой и Луганской областей отказались признавать законность госпереворота, расценили меры «майданных» властей как дискриминационные и провозгласили создание независимых народных республик в местах своего проживания в административных границах Украины. Проведенные по инициативе самих жителей в ДНР и ЛНР, а также в Запорожской и Херсонской областях референдумы выявили желание подавляющего большинства проголосовавших войти в состав РФ.

Россия расценила госпереворот как антиконституционный, осудила дискриминационные меры украинских властей, признала результаты проведенных с соблюдением всех демократических норм референдумов. Идя навстречу желаниям людей,

президент России и главы ДНР, ЛНР, Запорожской и Херсонской областей 30 сентября 2022 года подписали договоры о принятии этих четырех регионов в состав России. США и их страны-сателлиты не признали результаты референдумов и осудили подписание упомянутых документов.

Обращение официального Киева к руководству Альянса с просьбой задействовать ускоренную процедуру принятия Украины в НАТО и заявление президента В. Зеленского о намерении вернуть стране ядерный статус в России расценили как угрозу национальной безопасности. В этой связи серьезное беспокойство вызвало озвученное 24 октября 2022 года пресс-службой Министерства обороны РФ сообщение о состоявшихся контактах офиса президента Украины с представителями Великобритании по вопросу возможного получения технологии производства ядерного оружия (*Российская газета*, 24.10.2022). После того, как Россия начала специальную военную операцию 24 февраля 2022 года, несколько десятков стран оказались вовлеченными в той или иной форме в военные события на Украине. Государственный переворот на Украине сыграл роль спускового механизма последующих событий, приведших к возникновению нынешнего мирового политического кризиса.

Другой пример. Смена властной верхушки в Тунисе в результате «цветной» («жасминовой», 2010–2011 годы) революции, одной из разновидностей государственного переворота, оказала мощное воздействие на массовые выступления, известные как «Арабская весна» (2010–2012), вызвавшие масштабные изменения в странах Северной Африки и Ближнего Востока. В обоих случаях государственные перевороты стали не только точками отсчета, но и катализаторами последствий глобального и трансконтинентального характера.

Согласно Большому юридическому словарю, «государственный переворот представляет собой насильственное и совершенное в нарушение конституции свержение или изменение конституционного (государственного) строя, либо захват (присвоение) государственной власти кем бы то ни было. Если государственный переворот совершен при решающем участии армии, он называется также военным переворотом»². По мнению автора, это определение было бы более точным, если к нему добавить то, что помимо внутренних сил и внешние круги нередко участвуют в подготовке и осуществлении госпереворота.

¹Коллективный Запад – это группа западных стран во главе с США, координирующих свои подходы по ключевым вопросам мировой повестки дня для противодействия России с целью ее ослабления. Ядро коллективного Запада составляют государства – члены НАТО и Европейского союза.

²Большой юридический словарь терминов и определений. URL: juridical.slovaronline.com

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ПЕРЕВОРОТЫ В МИРЕ И В ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКЕ

Государственные перевороты как часть мирового политического процесса достаточно часто происходят в разных странах. По данным исследования «Ъ Спецпроекты – Все перевороты XXI века» (*Коммерсант*. 30.09.2015)¹, за последние 45 лет произошло почти 200 переворотов. Согласно данному исследованию, самый нестабильный континент – Африка, на страны, расположенные к югу от Сахары, приходится более половины госпереворотов. Азия – третья в этом списке.

На втором – Латинская Америка, она лидирует по другому показателю. Около 70 % всех госпереворотов, по подсчетам исследователей, возглавляли военные или активно в них участвовали, в Латинской Америке этот показатель едва ли не стопроцентный.

В Бразилии в период с 1964 по 1985 годы цивильный костюм президента поочередно примеряли на себя пять генералов. Аргентиной с 1976 по 1983 год правили, сменяя одна другую, три военные хунты во главе с генералами. В Парагвае после свержения в 1954 году гражданского президента во власти на 35 лет утвердился диктаторский режим генерала А. Стресснера.

Начавшийся со второй половины прошлого века поступательный процесс «демократизации мира», под которой принято понимать развитие и усиление демократических институтов и процедур в разных странах, стал постепенно распространяться и на государства Латинской Америки. Хороший пример цивилизованного разрыва со своим диктаторским прошлым подала и Испания.

ИСПАНИЯ КАК ОБРАЗЕЦ ПОСТРОЕНИЯ ПРЕДСТАВИТЕЛЬНОЙ ДЕМОКРАТИИ

К середине 70-х годов прошлого века на политической карте Европы Испания оставалась единственным государством с авторитарным режимом правления. 20 ноября 1975 года Франсиско Паулино Эрменехильдо Теодуло Франко и Баамонде – каудильо Испании, единолично правивший страной в течение 36 лет, скончался.

На первых парламентских выборах (1977) победила партия «Союз демократического центра» и ее лидер Адольфо Суарес возглавил правительство. Он высказывался за постепенное преобразование прежней политической системы и формирование основ представительной демократии

в Испании. В его понимании это должно происходить не в обстановке противостояния между правыми и левыми, а опираться на широкий диалог между различными политическими и социальными силами с перспективой выхода на компромиссное соглашение. Таким соглашением стал Пакт Монклоа, названный по месту его заключения (резиденция председателя правительства в Мадриде), между испанскими властями и политическими партиями, представленными в Генеральных кортесах. Этот документ (сентябрь 1977 года) включал в себя блоки сформулированных в реформаторском ключе политических и экономических вопросов. Согласование положений Пакта потребовало уступок от властей и оппозиции во имя достижения общей цели – стабилизации еще только складывавшегося режима представительной демократии. Пакт Монклоа стал ключевым элементом демократического транзита в Испании. То обстоятельство, что Испания стала первой страной, которая успешно осуществила демократический транзит, несомненно, способствовало повышению ее международного престижа.

Крупным событием международной жизни в Европе стало установление 9 февраля 1977 года дипломатических отношений между СССР и Испанией. О его важности для обеих стран свидетельствовал тот факт, что в течение первых 10 месяцев 1979 года состоялся обмен визитами министров иностранных дел М. Ореха в Москву и А. Громыко в Мадрид, что для того времени было абсолютно беспрецедентным в отношениях между странами с разным общественно-политическим строем. Постепенно формировался дипломатический состав советского посольства в Мадриде. В августе 1979 года его пополнил и автор этих строк.

ТЕРРОРИЗМ, КРИЗИС КАК КАТАЛИЗАТОРЫ ПУТЧИСТСКИХ НАСТРОЕНИЙ

Вместе с тем к началу 1980-х годов во внутриполитической обстановке Испании наметились и негативные сдвиги. Страна вступила в полосу экономического кризиса, что проявилось в обесценении национальной валюты, замедлении темпов развития страны. Параллельно шло снижение жизненного уровня широких слоев населения, безработица достигла наивысшего уровня среди стран Западной Европы. На фоне экономических неурядиц и социальной напряженности активизировалась левая оппозиция, которая дважды в течение 1980 года ставила в парламенте вопрос о доверии правительству. Нараставшая в стране напряженность усугублялась ростом вооруженного

¹URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2821597>

терроризма. Накапливавшиеся трудности подрывали позиции правящей партии СДЦ, в которой наметились центробежные тенденции. В январе 1981 года А. Суарес, совмещавший пост лидера партии с креслом председателя правительства, подал в отставку. Руководство СДЦ нашло замену А. Суаресу в лице высокопоставленного партийного функционера Л. Кальво Сотело.

На фоне ослабления позиций правящей партии активизировались силы, враждебно воспринимавшие демократические преобразования и стремившиеся восстановить авторитарные порядки. К ним, в первую очередь, относились реакционно настроенный генералитет и часть старших офицеров армии и полиции, чьи карьеры были связаны с франкистским режимом. Особое раздражение вызывала у военных неспособность правительства положить конец вылазкам баскских террористов. Недовольство церковной верхушки вызвал подготовленный правительством законопроект о разводе. Негативное отношение к демократическим нововведениям испытывала и часть чиновнического аппарата. Сформировалась, таким образом, критическая масса проблем в связке с недовольством влиятельной части правящего класса отдельными направлениями политики новой Испании.

В физике критическая масса разряжается путем взрыва. В общественно-политической жизни действуют иные формы проявления. В Испании разрядка критической массы сработала таким образом, что страна на 48 часов оказалась балансирующей на тонкой грани между еще не полностью утвердившимся демократическим настоящим и, как тогда многим казалось, безвозвратно ушедшим диктаторским прошлым.

48 ЧАСОВ ИЗ ЖИЗНИ ПУТЧИСТОВ И СОВЕТСКИХ ДИПЛОМАТОВ

23 февраля 1981 года во время процедуры утверждения Л. Кальво Сотело в должности председателя правительства в зал заседаний Конгресса депутатов ворвалась группа жандармов и военных во главе с подполковником А. Техеро Молина. Размахивая пистолетом, он скомандовал присутствующим: «Всем на пол». Одновременно находившиеся в зале члены правительства в полном составе и 350 депутатов, представлявшие исполнительную и законодательную ветви власти, оказались в положении заложников. Так, в Испании начался военный переворот.

Реакционные круги армии и полиции сами в столь агрессивной форме заявили о себе как движущие силы военного переворота. Целями

путчистов были ограничение излишне радикального, по их мнению, характера демократических преобразований (можно согласиться, говорили они, с легализацией политических партий, но без коммунистов), а некоторые из сил поддержки путчистов даже склонялись к восстановлению прежних авторитарных порядков. Ближе к полуночи 23 февраля в здание Конгресса депутатов прибыл заместитель начальника генштаба сухопутных войск генерал Альфонсо Армада. Ему как бывшему наставнику Х. Карлоса в годы его учебы в военном училище отводилась особая роль. Используя свое влияние, он должен был убедить короля поддержать или занять нейтральную позицию в случае положительного исхода военного переворота, в чем мятежники не сомневались. Такая уверенность была вызвана ожиданиями поддержки со стороны США, в случае осуществления мятежниками своих планов. Как пишет в своих воспоминаниях посол Ю. Дубинин со ссылкой на имевшуюся в распоряжении Соцпартии информацию, главарь мятежников предварительно имели контакты с представителями администрации Р. Рейгана [Дубинин, 1999].

После успешного завершения мадридской части военного переворота А. Техеро позвонил по телефону в Валенсию, сказав всего несколько слов: «Всё в порядке, мой генерал». Они предназначались Милансу дель Боску, командующему 3-м военным округом. Получив информацию о событиях в Мадриде, он вывел ночью на улицы города около 2000 военнослужащих и 50 танков бронетанковой дивизии «Брунете», объявил чрезвычайное положение и запретил акции протеста. Административные здания были взяты под прицел танков.

Безоглядная уверенность заговорщиков в будущей нейтральной роли короля, в конечном счете, их и подвела. Услышав по радио о захвате Конгресса депутатов, глава государства потребовал связать его с генеральным штабом сухопутных войск, к телефону подозвали генерала А. Армада. В ходе разговора по тону, некоей отстраненности, контрастировавшей с остротой момента, король интуитивно почувствовал, что А. Армада как-то связан с заговорщиками. Когда А. Армада прибыл в резиденцию главы государства для доклада, по сути, для выполнения известной только ему и заговорщикам секретной миссии, король принять его отказался. Как гарант Конституции он стал готовиться к защите ею же освященного процесса демократических реформ. В час ночи 24 февраля 1981 года главнокомандующий вооруженными силами страны Хуан Карлос I, облаченный в военную форму генерал-капитана вооруженных сил, выступил по телевидению с обращением к нации. Он призвал население сохранять спокойствие.

Гражданским властям и Объединенному комитету начальников штабов было приказано принять необходимые меры для поддержания конституционного порядка в рамках закона. Верховной властью было объявлено, что она не потерпит действия или поведения любого, кто попытается с помощью силы прервать демократический процесс [Немцев, 2011]. Силой убеждения, спокойствием и поддержкой он смог переломить ситуацию, удержав абсолютное большинство военных в казармах. Ранним утром 24 февраля, поняв, что поддержки не будет, А. Техеро стал выпускать заложников из здания Конгресса депутатов и в тот же день сдался властям, на следующий день сдался и Миланс дель Боск. Военный мятеж провалился. Общеизвестно, что именно король Хуан Карлос I сыграл ключевую роль в срыве попытки военного переворота и сохранении Испании на траектории демократического развития.

В сложившей кризисной ситуации¹ посольство продолжило выполнять задачу по информированию руководства СССР о событиях в Испании. Под руководством посла Ю. Дубинина был разработан план работы посольства на период кризисной ситуации. Вечером 23 февраля сразу после известия о попытке военного переворота группе дипломатов было поручено прослушивать сообщения радио, телевидения Испании, радиостанций других стран (смартфоны достались следующему поколению дипломатов – прим. автора). Отслеживались изменения в развитии кризисной ситуации, заявления официальных лиц, реакция ведущих политических партий, профсоюзов. На следующее утро работа по мониторингу быстро менявшейся обстановки была продолжена обработкой утренних выпусков ведущих газет и журналов. Обобщенные оценки передавались одному из старших дипломатов, который работал над проектом телеграммы в Центр.

26 февраля 1981 года после оглашения официальной информации о том, что мятежные части во главе с генералом Милансом дель Боском сложили оружие в Валенсии, в Центр была направлена телеграмма с сообщением о провале военного мятежа. В своей книге воспоминаний Ю. Дубинин сообщил, что после возвращения в Москву он проследил дальнейший путь этой телеграммы и выяснил, что она была разослана всем членам политического руководства страны [Дубинин, 1999].

¹Под «кризисной ситуацией» в самом общем плане принято понимать любое отклонение от привычного режима функционирования системы или отдельного ее элемента, характеризующееся необходимостью принятия нестандартных решений.

Кризисная ситуация стала серьезной проверкой деловых и человеческих качеств дипломатов, всех посольских работников. Как свидетель тех событий могу сказать, что каждый из нас отработал эти критические 48 часов на максимуме своих сил и возможностей.

ВСТУПЛЕНИЕ ИСПАНИИ В НАТО, ПАМЯТНАЯ ЗАПИСКА ПОСОЛЬСТВА СССР

Путч был кратковременным, но путчистам удалось добиться своей главной цели – сдвинуть ось внутриполитической жизни страны вправо. Еще более заметным оказалось его воздействие на внешнюю политику в целом и в частности на решение вопроса о вступлении Испании в НАТО.

18 февраля 1981 года в программной речи в Конгрессе депутатов кандидат на пост председателя правительства Л. Кальво Сотело заявил, что правительство, которое он намерен возглавить, «подтверждает свое атлантическое призвание... и предлагает начать консультации с парламентскими группами...» [Орлов, 2000, с. 73]. Для увеличения числа сторонников этого шага выдвигались разные доводы: укрепление национальной безопасности, рост международного престижа Испании как участницы военно-политического блока Запада. Чтобы объяснить причины атлантического выбора для внешних акторов, приводился и аргумент, согласно которому Испания будет как бы представлять перед Альянсом интересы стран Латинской Америки, тесно связанных с ней в силу общности языка, религии и культуры.

Весной 1981 года еще не оправившаяся от шока, вызванного путчем, общественность наблюдала за скоротечными дебатами по теме «Испания – НАТО». Советские дипломаты постоянно обсуждали натовскую тему, обмениваясь мнениями как во внутрипосольских группах, так и в смешанных форматах. Благодаря открытости изложения каждым своего мнения дискуссии напоминали то, что позднее стали называть «мозговым штурмом». В результате коллективных обсуждений натовской темы в нашем дипломатическом сообществе сложилось мнение, что правящая партия под нажимом преимущественно внешних проатлантических сил, в первую очередь США, форсирует присоединение страны к НАТО и по причине неоправданной спешки недостаточно точно и полно просчитывает международные последствия этого шага.

Также быстро (всего за три месяца) натовский вопрос «прошагал» по всем ступеням

внутрипарламентского согласования, что укрепило политическую оценку взаимоотношений Испании и НАТО. 10 декабря 1981 года 15 министров иностранных дел государств – членов НАТО подписали в присутствии руководителя испанского внешнеполитического ведомства Х. П. Переса-Льорки протокол о присоединении Испании к Североатлантическому союзу (на том этапе только к политической организации НАТО).

Поспешность, с какой был решен вопрос о членстве в НАТО, тем более удивительна, что он расколол испанское общество. Членство в Североатлантическом союзе инициировала правящая СДЦ и поддержал правый «Народный альянс». С критикой этого шага выступали левые партии, социалисты и коммунисты и ориентировавшиеся на них профобъединения, Всеобщий союз трудящихся и Рабочие комиссии. Постепенно в стране сложилось массовое антивоенное движение, его активисты проводили свои выступления под антинатовскими и антиамериканскими лозунгами.

К осени 1981 года перспектива скорого присоединения Испании к НАТО стала приобретать вполне реальные очертания. 7 сентября посольство СССР в Мадриде направило МИД Испании Памятную записку. В документе было признано, что право решать, быть или не быть Испании участницей того или иного союза принадлежит самим испанцам. Вместе с тем было заявлено, что Советский Союз считает себя вправе высказать свою позицию по вопросу о выходивших за национальные рамки последствиях этого шага. Далее в Памятной записке отмечалось, что «блоковая дисциплина, как показывает повседневная практика НАТО, накладывает отрицательный отпечаток на позиции участников этой организации по многим международным проблемам», «влечет повышение уровня противостояния двух военно-политических группировок в Европе» (*Известия*, 09.09.1981).

Высказанные в документе политические оценки наложились на сложившиеся в разных регионах мира острые военно-политические ситуации. В пяти странах Европы с первых месяцев 1983 года во исполнение так называемого двойного решения Совета НАТО началось размещение 579 американских крылатых ракет. С учетом геополитических выгод и укрупнения военного потенциала НАТО вследствие присоединения Испании был нарушен баланс сил в Европе. Противостоявшая НАТО Организация Варшавского договора была вынуждена принять меры по наращиванию своей военной мощи, что и привело, как и отмечалось в прогнозной оценке в Памятной записке, к повышению уровня взаимного противостояния военно-политических группировок.

В 1982 году разразилась война между Аргентиной и Великобританией из-за Фолклендских (Мальвинских) островов, которые каждая из сторон считала своими. Первым сделал ход генерал Л. Галтиери, направивший 2 апреля аргентинские войска для захвата островов. Великобритания ответила морской блокадой. Война завершилась 20 июня 1982 года победой лучше оснащенной в военно-технологическом плане Великобритании. 30 мая 1982 года Испания стала членом НАТО. Казалось, сложились наилучшие условия для выполнения заявленного Испанией намерения представлять в блоке интересы латиноамериканских стран. 3 апреля Испания воздержалась при голосовании в Совете Безопасности ООН по резолюции № 503, содержавшей обращение в адрес Аргентины вывести войска. Во внутринатовских обсуждениях попытки «заступить» за Буэнос-Айрес были жестко пресечены всеми остальными государствами-членами, призвавшими Мадрид соблюдать атлантическую солидарность и дисциплину. Неспособность Испании защитить интересы Аргентины вряд ли способствовала росту ее авторитета в Латинской Америке. Что касается Памятной записки, то можно сказать, что, хотя она и была отклонена официальным Мадридом, а содержавшиеся в ней аргументы не смогли удержать Испанию от вступления в НАТО, данный документ стал первой попыткой нашей страны воспрепятствовать расширению членского состава этого агрессивного блока.

ПЕРВООЧЕРЕДНЫЕ ЗАДАЧИ ПОСОЛЬСТВА ПОСЛЕ ГОСПЕРЕВОРОТА

После госпереворота и провалившегося мятежа в обеих странах усложнились условия, в которых посольства осуществляли деятельность по защите интересов своего государства в стране пребывания. В схожих во многом условиях перед руководителями наших посольств в Мадриде и в Киеве встала общая задача определения круга приоритетных усилий для решения внешнеполитических задач в стране пребывания и нацеливания дипломатического персонала на их безусловное выполнение. В их числе вопросы безопасности.

ВОПРОСЫ БЕЗОПАСНОСТИ

Безопасность является абсолютно необходимым условием нормального функционирования дипломатического представительства в стране пребывания и выполнения дипломатами своих служебных

обязанностей. Безопасность складывается из таких слагаемых, как физическая безопасность, информационная безопасность, психологическая безопасность.

Физическая безопасность подразумевает защиту дипломатических работников, других сотрудников, служебных зданий государства в стране пребывания. До попытки военного переворота и особенно после нее местные спецслужбы своими действиями стремились создать у сотрудников советского посольства ощущение неполной защищенности, некоей урезанной безопасности. В частности, сотрудники местной контрразведки негласно проникали в жилые помещения сотрудников советского посольства для установки прослушивающих устройств (автор удостоверился в этом на примере арендованной им квартиры в Мадриде), осуществляли, особенно этого и не скрывая, наружное наблюдение. Серьезные ограничения, особенно в том, что касается свободы передвижения российских дипломатов по стране, введены после госпереворота на Украине. Вопросы безопасности в наших посольствах курирует специальный сотрудник, поддерживающий контакты с местными органами правопорядка. С учетом особенностей обстановки руководство посольства в Мадриде (так же как это делалось и в Киеве) постоянно напоминало о необходимости проявлять бдительность, самодисциплину, соблюдать правила поведения в стране пребывания. Возрастающее внимание руководства посольства в Мадриде к вопросам безопасности было продиктовано и пониманием того, что провалившиеся заговорщики всегда проводят разбор своих просчетов и нередко возвращаются. Многие страны Африки могут это подтвердить.

Информационная безопасность подрывалась клеветническими кампаниями в испанских СМИ. На их острие фигурировали избитые пропагандистские штампы: природная агрессивность русских; мнимое «завещание Петра I»; миф о «советской военной угрозе», а в наши дни – авторитаризм Путина; использование Россией энергоресурсов и продовольствия в качестве инструмента политического давления и др. После «майданного» переворота руководство Украины и его пропагандистский аппарат, используя как упомянутые штампы, так и собственные мифотворческие фантазии, смогли так переформатировать сознание украинского населения, что превратили страну в «Анти-Россию». До попытки мятежа в Испании пресс-группа посольства отслеживала наиболее злонамеренные статьи, направляла в редакции газет опровержения с указанием искаженных или вовсе выдуманных фактов и во многих случаях добивалась их опубликования. Эта практика

сохранилась и после провала мятежа, но по причине усиления правого уклона добиваться публикации опровержений стало труднее.

На Украине использование той же формы польской работы стало невозможным после закрытия СМИ, заподозренных киевскими властями в отходе от генеральной линии на «очернение» России. Отгородиться от вала негативной информации невозможно, но противостоять ей каждый дипломат может и должен сам, постоянно повышая уровень своей политической и языковой подготовки.

Психологическая безопасность, обеспечиваемая психологической устойчивостью, служит важным показателем физического здоровья дипломата, его способности решать важные служебные задачи. Служебные командировки в страны со сложной политической обстановкой, где иногда совершаются государственные и военные перевороты, постоянное воздействие антисоветской / антироссийской пропаганды, частые стрессовые ситуации на службе негативно сказываются на психологической устойчивости дипломатического работника. В таком состоянии у дипломата рассеивается внимание, он может допускать ошибки в работе со служебными документами, что чревато серьезными последствиями. Все эти трудности, усугубляемые к тому же рестрикциями вплоть до негласного запрета на контакты с российскими дипломатами и враждебностью в обывательской жизни, характерны для работы российского посольства в «постмайданной» Украине.

УКРЕПЛЕНИЕ ОТНОШЕНИЙ СО СТРАНОЙ ПРЕБЫВАНИЯ

Задача всемерного содействия развитию и укреплению отношений со страной пребывания постоянно стоит перед каждым российским дипломатическим представителем. Особую актуальность и значимость эта задача приобретает в странах, где произошел государственный или военный переворот. В каждом конкретном случае она решается на основе комплекса исторических, политических, экономических и иных факторов, влияющих на двусторонние отношения, и, конечно, с учетом новаций, привносимых переворотом.

В советско-испанских отношениях не возникало каких-либо спорных вопросов, правда, за исключением натовской темы. Для демонстрации особого расположения к нашей стране послу Ю. Дубинину была предоставлена возможность выступить 7 ноября 1979 года по испанскому телевидению в связи с национальным праздником СССР.

Как высказалась одна газета, совсем нестрашные Советы (и это на фоне мифа о «советской военной угрозе») пришли в каждый испанский дом. Наши дипломаты в общении со своими деловыми связями разъясняли, как по их просьбе, так и по собственной инициативе, ключевые аспекты советской внешней и внутренней политики. После провала попытки мятежа советское посольство в Мадриде в постоянном контакте с испанской стороной продолжило работать над выполнением договоренностей, достигнутых в ходе перекрестных визитов министров А. Громыко и М. Ореха. Визит в СССР в мае 1984 года, спустя всего три года после путча, главы испанского государства короля Хуана Карлоса I свидетельствовал о том, что этот мятеж не побудил испанские власти отказаться от курса, взятого на развитие отношений со второй на тот момент мировой сверхдержавой, более того, данный визит поднял их на более высокий уровень.

Государственный переворот на Украине углубил начавшееся в 1990-е годы взаимное дистанцирование Москвы и Киева. Усилия нашего посольства по сохранению российско-украинских отношений на минимально приемлемом уровне не встречают понимания официального Киева. После госпереворота в политике Украины резко усилился проамериканский уклон. Со своей стороны, США продолжили, делая это еще более демонстративно, использовать Украину как таран против России, а на каком-то этапе, по образному выражению российского президента, как «факел к распаду нашей страны», который Вашингтоном «очень умело подносился» (*Аргументы и факты*, 08.11.2022). Самое отвратительное преступление киевского режима состоит в том, что за 30 лет распространения антироссийской пропаганды ему удалось перекроить сознание миллионов украинцев и настроить их на враждебное отношение к России. Потребуется не меньше, а, возможно, и больше времени, чтобы переформатировать искривленное сознание украинцев в обратном направлении посредством проведения взвешенной государственной политики и ее дипломатического сопровождения МИД РФ и российским посольством в Киеве. О понимании важности дальнейших усилий по переформатированию сознания украинцев свидетельствует тот факт, что действующие в российских школах программы включены в учебный процесс для начальных классов в новых регионах, вошедших в состав Российской Федерации. Что касается приведенных выше примеров работы посольств в Мадриде и Киеве, то они служат иллюстрацией некоторых важных аспектов информационно-разъяснительной деятельности дипломатического представительства в стране пребывания.

ДИПЛОМАТИЧЕСКИЕ КОНТАКТЫ

Дипломатические контакты являются главным способом получения ценной информации и проверки сведений из других источников. Последствия государственного или военного переворота в большинстве случаев побуждают сотрудника посольства провести ревизию своих дипломатических контактов. По разным причинам сразу несколько местных носителей важной информации могут потерять интерес к деловому сотрудничеству с российским дипломатом. Инициатива прекратить сотрудничество может исходить и от российского дипломата, если он сочтет, что после переворота одна из его деловых связей полностью или частично утратила свои информационные возможности. Работу по доукомплектованию круга носителей информации, конечно, необходимо продолжить, держа при этом в уме повышенный риск заведения новых деловых связей в первые месяцы после переворота. В реальной жизни автор воздержался от заведения новых полезных для сотрудничества знакомств и сосредоточился на проведении деловых встреч с проверенными связями.

ПРЕЗИДЕНТСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ: БОЛЬШЕ БЕЗОПАСНОСТИ, КРИЗИСНЫЕ ШТАБЫ

В августе 2012 года обнародован Указ Президента РФ от 21.08.2012 № 1198 «О внесении изменений в некоторые акты Президента Российской Федерации». Изменения коснулись «Положения о Посольстве Российской Федерации», утвержденного 28 октября 1996 года Указом Президента РФ. Появление в середине 2012 года документа о внесении изменений не было случайным, поскольку по времени оно совпало с «Арабской весной» (2010–2012), когда в результате охвативших 20 стран в двух международных регионах протестных выступлений были вынуждены покинуть свои посты главы четырех государств, еще в трех странах произошла смена правительства. Помимо руководителей высшего уровня, глав исполнительной власти в упомянутых государствах сильнейшему давлению подверглись заграничные представительства многих десятков стран, в том числе посольства и дипломатический персонал Российской Федерации. В сложившихся условиях возникла острая необходимость в принятии дополнительных мер по обеспечению безопасности персонала, зданий, имущества РФ, а также использования новых форм организации и мобилизации сотрудников российских посольств. При разработке изменений учитывался опыт работы наших посольств в кризисных

ситуациях в разных странах, в том числе в Испании. Упомянутые изменения сводятся к следующим:

а) абзац 17 п. шесть изложить в следующей редакции: «принять необходимые меры по обеспечению безопасности Посольства, его сотрудников и членов их семей, организация в установленном порядке деятельности загранучреждений и действий граждан Российской Федерации в государстве пребывания в условиях кризисных и чрезвычайных ситуаций, возникающих вследствие угроз или актов международного терроризма»;

д) дополнить п. 9.1 следующего содержания: «9.1. В посольстве создается постоянно действующий кризисный штаб во главе с Послом, а в его отсутствие – Временным поверенным в делах Российской Федерации»¹.

Согласно дополнениям, предложенным президентом, в консульствах РФ по согласованию с дипломатическим представительством Российской Федерации в странах пребывания создаются отделения таких кризисных штабов. В постоянных представительствах РФ при международных организациях также создаются кризисные штабы или же, как в консульствах, отделения кризисных штабов.

В ходе брифинга 17 января 2022 года официальный представитель МИД России М. Захарова коснулась вопроса о работе созданных на постоянной основе кризисных штабов. В их задачу, входит непрерывный мониторинг и анализ обстановки в странах пребывания, в том числе рисков и угроз безопасности российских граждан, проработка возможных мер реагирования в кризисных и чрезвычайных ситуациях, оперативное оказание помощи россиянам. Она также напомнила, что в МИДе России работает Департамент «Ситуационный кризисный центр», который уже наработал необходимые опыт и инструментарий (*Бельгийская федерация русскоязычных организаций, 17.01.2022*).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Антология государственных переворотов пополнилась в конце 2022 года еще двумя кейсами. 7 декабря полиция Германии арестовала членов ультратеррористической группы «Патриотический союз», замышлявших после свержения нынешнего восстановить монархическое правительство в духе Германской империи. В тот же день в Перу президент П. Кастильо в превышение своих полномочий распустил парламент, но, столкнувшись с общественным недовольством, покинул свой

пост, который заняла вице-президент Д. Балуарте. Государственные перевороты, таким образом, были и остаются достаточно частым и в большинстве случаев серьезным дестабилизирующим фактором мирового политического процесса.

Неприятие Россией государственного переворота на Украине и самого профашистского киевского режима, ответные меры Кремля на санкции коллективного Запада дали импульс развитию целой цепочки мировых кризисов – политического, энергетического, продовольственного. Наместились серьезные сдвиги в системе современных международных отношений. Ускорился процесс возрождения подлинного русского национального самосознания, более остро, чем когда-либо ранее, стала осознаваться общность интересов народов, населяющих РФ. Глава государства уловил эти сдвиги в умонастроениях и сформулировал цели общенационального звучания – объединение русского народа (*ТАСС, 25.12.2022*) и восстановление «Большой» или «исторической России» (*Стенограмма выступления Путина на Параде Победы на Красной площади, 9.05.2022*). Нужно обладать непоколебимой уверенностью в достижимости этих долговременных целей, чтобы обнародовать их в те дни, когда само сохранение России как целостного независимого государства оспаривается оппонентами в лице все еще сильного Запада и полностью зависимой от него Украины. Без его политической поддержки, финансово-экономической помощи и поставок вооружений одна Украина была бы не в состоянии противостоять России.

По поставкам военной техники Украине лидируют США – 18,2 млрд долл. США за неполные восемь месяцев 2022 года. Государство – член НАТО Испания направила Украине несколько партий вооружений, Германия предоставила киевскому режиму вооружения общей стоимостью около 4 млрд евро. В сентябре 2022 года Евросоюз выделил новый транш в сумме более 600 млн евро для поддержки экономики и населения Украины.

Западная военная и финансовая помощь возрастала по мере развития начатой Россией 24 февраля 2022 года Специальной военной операции (СВО). Военно-политическое руководство России поставило перед СВО цели защиты населения Донбасса, демилитаризации и денацификации Украины. Со вступлением Донецкой и Луганской народных республик в состав России, гарантирующим их надежную защиту, первая цель достигнута. За период чуть более 10 месяцев, по оценке министра обороны РФ С. Шойгу, российские войска освободили территорию в пять раз больше той, которую Луганская и Донецкая народные республики занимали до 24 февраля 2022 года.

¹Указ Президента Российской Федерации от 21.08.2012 № 1198.

(Стенограмма заседания коллегии Министерства обороны, 21.12.2022). Поступательно идет процесс демилитаризации Украины. Согласно сводке Министерства обороны РФ с 24 февраля по 15 декабря 2022 года уничтожено более 6 тыс. военных объектов, в том числе свыше 450 пунктов управления и связи. Российскими вооруженными силами перемолото огромное количество вооружений, преимущественно еще советского производства. За неимением вооружений, произведенных на собственных заводах, Украина зависит исключительно от поставок зарубежной военной техники (от «подачек», как выразился российский президент, которые официальный Киев выпрашивает у стран коллективного Запада). Сделан широкий шаг и в реализации цели денацификации Украины. По инициативе России Генеральная Ассамблея ООН 15 декабря 2022 года одобрила резолюцию «Борьба с героизацией нацизма, неонацизмом и другими видами практики, которые способствуют эскалации современных форм расизма, расовой дискриминации, ксенофобии и связанной с ними нетерпимости». Хотя страны коллективного Запада, в том числе Украина и США, голосовали «против», тем не менее, одобрение резолюции 120 государствами – членами ООН будет способствовать усилению в мире нетерпимого отношения к перечисленным негативным явлениям. В сложившихся политических условиях эта резолюция направлена, в первую очередь, против Украины, поскольку многие поименованные в этом документе явления присутствуют во внутривнутриполитической жизни именно этой страны.

Что дальше? По оценкам авторитетных отечественных и зарубежных аналитиков, существуют три возможных варианта развития событий.

1. Военный.

Российские войска и милиция ДНР и ЛНР в результате решительного наступления принуждают Украину к миру и полностью выполняют цели, поставленные перед СВО.

2. Мирные переговоры.

Проведению мирных переговоров препятствует введенный президентом Украины В. Зеленским запрет на переговоры с Россией. Сдерживающим фактором служит и стремление США к максимальному затягиванию военных действий «до последнего украинского солдата» из-за маниакального желания правящей элиты экономически «измотать» Россию. Кроме того, абсолютная несовместимость целей России, с одной стороны, Украины и США – с другой, полностью исключает создание так называемого переговорного пространства, без чего переговоры не имеют перспективы на успех.

3. Военно-силовая развязка.

Такой вариант полностью исключать нельзя. Ключевой вопрос состоит в том, решатся ли Россия и США применить ядерное оружие. Военная стратегия США не исключает превентивного удара по условному противнику. Некоторые отставные военачальники, возрастные политики консервативного толка США высказываются за ограниченное применение ядерного оружия против России. Российская оборонная доктрина предполагает только ответно-встречный удар. В одном из своих заявлений президент В. Путин допустил применение Россией наработок США по обезоруживающему удару.

Интересам России в наибольшей степени отвечает первый вариант. Приемлем и второй вариант при том, однако, понимании, что переговоры будут проведены на устраивающих Россию условиях.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Дубинин Ю. В. Амбасадор! Амбасадор! Записки посла в Испании. М. : РОССПЭН, 1999.
2. Немцев Ю. Один день из истории: 23 февраля 1981 года, Испания // Международная жизнь. 2011, март 01. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/665>
3. Орлов А. А. Испания в системе военно-политических организаций и союзов Запада: обретение «нового лица». М. : ООСТ, 2000.

REFERENCES

1. Dubinin, Yu. V. (1999). Ambahador! Ambahador! Zapiski posla v Ispanii = Ambassador, Ambassador. Memoirs of ambassador in Spain. Moscow. ROSSPAN. (In Russ.)
2. Nemtsev, Yu. (2011, March 01). Odin den' v istorii: 23 fevralya 1981 goda, Ispania = One day in history, 1981, February 23rd, Spain. International affairs. <https://interaffairs.ru/news/show/665> (In Russ.)
3. Orlov, A. A (2000). Ispania v sisteme voenno-politicheskix organizatsiy i soyuzov Zapada = Spain in the system of military-political organizations and alliances of the West. Moscow, OOST. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Михайлин Игорь Викторович

доктор исторических наук, профессор

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Mikhailin Igor Viktorovich

Doctor of History (Dr. habil), professor

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

12.01.2023
02.02.2023
06.03.2023

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

Научная статья

УДК 327

DOI 10.52070/2500-347X_2023_1_850_29

Энергетический вопрос в предвыборных программах парламентских партий ФРГ

П. М. Сугоняев

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
sugonyaevpavel@gmail.com

Аннотация: В статье анализируются энергетические части предвыборных программ немецких парламентских партий. В ФРГ этот вопрос связан с защитой климата и определяется мерами, установленными Зелёным пактом ЕС. В рамках преобразования Европы в климатически нейтральный континент необходимо совершить энергопереход, увеличив долю возобновляемых источников энергии в общей электрогенерации государств ЕС. Целью исследования является анализ и сопоставление подходов к энергетической политике основных политических сил ФРГ

Ключевые слова: Германия, Зелёный пакт ЕС, партии, программы, энергетика, энергопереход

Для цитирования: Сугоняев П. М. Энергетический вопрос в предвыборных программах парламентских партий ФРГ // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2023. Вып. 1 (850). С. 29–36. DOI 10.52070/2500-347X_2023_1_850_29

Original article

Energetic Problem in Main German Parliament Parties' Election Programs

Pavel M. Sugonyaev

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
sugonyaevpavel@gmail.com

Abstract. This article deals with energy parts of German parliamentary parties' election programs. In GFR this question is intertwined with the problem of climate change and is determined by the EU Green Deal measures. In frameworks of turning into climate neutral continent Europe should carry out energy transition increasing the role of renewable energy sources in the EU member states' electricity generation. The main aim of this study is to analyze and compare the main German political powers' attitudes of energy policy.

Keywords: Germany, EU Green Deal, energetics, energy transition, parties, programs

For citation: Sugonyaev, P. M. (2023). Energetic Problem in Main German Parliament Parties' Election Programs. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social Sciences, 1(850), 29–36. 10.52070/2500-347X_2023_1_850_29

ВВЕДЕНИЕ

Энергетический вопрос остро стоит в политической повестке дня в Германии. Помимо соображений внутренней политики отхода от угольной электрогенерации и замещения ее возобновляемыми источниками энергии (ВИЭ) [Erneuerbare Energien, 2022], в Германии ведется планомерный отказ от атомной энергетики. Эта политика мотивируется авариями на атомных электростанциях (АЭС) в Фукусиме в 2011 году и Чернобыле в 1986 году. На время перехода к преобладанию ВИЭ в энергобалансе страны планировалось использовать природный газ [Глушкова, 2015]. С этой целью заключались энергетические контракты с Россией и строились трансбалтийские трубопроводы для прямых поставок дешевого трубопроводного газа, заложенные еще в «золотые» для двусторонних отношений годы канцлерства Г. Шрёдера [Божик 2018]. Однако в результате обострения украинского кризиса и последующего подрыва обеих ниток газопровода «Северный поток» сотрудничество Германии и России во всех сферах, прежде всего, в энергетической, сошло на нет.

С этой точки зрения крайне интересно проанализировать основные позиции относительно энергетической политики Германии, сформулированные в предвыборных программах парламентских партий ФРГ. Конечно, международная обстановка с момента выборов в 2021 году существенно изменилась, но анализ энергетической части предвыборных кампаний крупнейших партий позволит выделить подходы различных парламентских сил внутри Германии, которая является парламентской республикой, где роль партий значительна и закреплена в ст. 21 Основного закона ФРГ: «1. Партии оказывают влияние на формирование политической воли народа... 2. Партии, которые стремятся, судя по их целям или действиям их сторонников, причинить ущерб основам свободного демократического строя или устранить его, или угрожают целостности Федеративной Республики Германии, являются антиконституционными» [Grundgesetz für die BRD, 1949, c. 3].

НОРМАТИВНЫЕ РАМКИ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ ФРГ

Начнем с характеристики внутриполитической ситуации в сфере энергетики. Развитие ВИЭ как части энергетической политики Германии зафиксировано с 2000 года в законе «О возобновляемых источниках энергии» [Erneuerbare-Energien-Gesetz (EEG), 2023], довольно удачном нормативном акте,

обеспечившим ускоренный ввод новых источников энергии посредством обязательного ввода в электросеть экологически чистой энергии и постепенным уменьшением тарифов, стимулировавшим участие новых операторов. Наибольшую пользу на энергетическом рынке извлекли мелкие игроки, что уменьшило зависимость от энергетических концернов, однако привело к парадоксу: при вводе в строй новых мощностей ВИЭ конечная цена электроэнергии для потребителя постоянно росла.

Этот парадокс послужил толчком к принятию в 2011 году спорного решения, получившего название «Плата за продвижение ВИЭ»: произошло переложение постоянно растущего тарифа, идущего на выплату компенсаций компаниям за дорогую зеленую энергетику, на все население Германии [EEG-Umlage, 2022].

В том же году были введены поправки в основополагающий для энергетики Германии закон «Об атомной энергии», вступивший в силу в 1961 году [Gesetz über die friedliche Verwendung der Kernenergie und den Schutz gegen ihre Gefahren (Atomgesetz), 1959]. Эти и последующие поправки обязали вывести из эксплуатации все действующие АЭС Германии к 2023 году.

Важным для развития энергетики Германии документом стал и принятый в 2011 году закон «О мерах по ускорению расширения сетей электропередач» [Gesetz zum Ausbau von Energieleitungen (Energieleitungsausbaugesetz – EnLAG), 2009], положивший начало как расширению электросетевой инфраструктуры для передачи конечному потребителю, так и хранению экологически чистой электроэнергии.

Понятие «углеродного налога» [Мотосова, Потравный, 2014] отсылает к закону «О торговле эмиссионными квотами», принятому в 2004 г. [Gesetz über den Handel mit Berechtigungen zur Emission von Treibhausgasen (Treibhausgas-Emissionshandelsgesetz – TEHG), 2011]. Документ позволил брать под контроль национальные правительства и ЕС промышленные выбросы углекислого газа, торгуя квотами на выбросы газов и налагая штрафы за их превышение.

Немало прений вызвал закон 2020 года «Об энергии в зданиях» [Gesetz zur Einsparung von Energie und zur Nutzung erneuerbarer Energien zur Wärme- und Kälteerzeugung in Gebäuden (Gebäudeenergiegesetz – GEG), 2020]. Документ регулирует необходимую энергоэффективность и обязательное размещение оборудования ВИЭ в новых и старых зданиях, что удорожает как саму жилплощадь, так и арендную плату.

На наднациональном уровне развитие экономики и энергетики ФРГ подчинено «Зеленому

пакту ЕС» или «Европейскому зеленому курсу» [The European Green Deal, 2019], принятому в 2020 году и имеющему целью достигнуть «климатической нейтральности Европы» к 2050 году. Это касается, прежде всего, сфер промышленности и энергетики.

В связи с вышеизложенным уместно перейти к анализу положений предвыборных программ немецких партий, связанных с экологией и энергетикой. В рамках предвыборной борьбы партии для привлечения голосов избирателей должны ориентироваться на основные запросы общества. В этом им помогают социологические опросы населения, прежде всего, посвященные основным проблемам, волнующим избирателей¹. К выборам в 2021 году самой насущной проблемой для респондентов стала экология (34 %), энергоснабжение же волновало лишь 4 % ответивших. В тройку основных проблем вошли растущие цены / инфляция / рост стоимости жизни (24 %) и система образования (22 %). На решении этих вопросов и сосредоточились партии в своих предвыборных программах. Однако к лету 2022 года тройка важнейших проблем кардинально изменилась – на первое место вырвалась стоимость жизни (58 %), на второе – энергоснабжение (38 %), тогда как забота об экологии оказалась лишь на третьем месте – 19 %. Несомненно, изменение восприятия населением Германии основных проблем отразится в предвыборных программах в ближайшей перспективе. Сегодня же в бундестаге представлены следующие партии: самой крупной из них является Социал-демократическая партия Германии (СДПГ), за ней следует политический блок Христианско-демократический союз / Христианско-социальный союз (ХДС / ХСС), следующая по влиянию – партия Союз 90 / Зелёные, за ней идет Свободная демократическая партия (СвДП), затем – партия «Альтернатива для Германии» (АдГ), последней – Левая партия. Правящая «светофорная» коалиция сформирована из СДПГ, «Зелёных» и СвДП, а ХДС / ХСС является крупнейшей оппозиционной партией.

ЭНЕРГЕТИЧЕСКАЯ ПРОГРАММА СДПГ

В своей программе СДПГ поставила вопрос энергетики первым в ряду «миссий будущего» и вернулась к нему в блоке «социально-экологического хозяйствования» [Aus Respekt vor deiner Zukunft, 2021]. СДПГ называет отказ от угля и мирного атома решенным делом и ратует за

электрогенерацию преимущественно посредством ВИЭ в рамках Зелёного пакта ЕС. Для хранения энергии в качестве топлива планируется использовать и водород, для чего необходимо развивать водородную и энергетическую инфраструктуру. На федеральном, земельном и коммунальном уровнях необходимо объединить усилия и сосредоточиться на использовании солнечной, ветряной и геотермальной энергии для удовлетворения потребностей населения, которое должно участвовать и получать бонусы от сотрудничества с властями. Вдобавок к этому планируются мероприятия по увеличению энергоэффективности и цифровизации электросетей.

ЭНЕРГЕТИЧЕСКАЯ ПРОГРАММА «ЗЕЛЁНЫХ»

В предвыборной программе партии Союз 90 / Зелёные ожидаемо большая роль уделена заботе об экологии [Deutschland. Alles ist drin ... 2021]. Ключевым является тезис о климатической внешней политике, включающей социально-экологическую трансформацию и продвижение электрогенерации с помощью ВИЭ во всем мире в целях достижения глобальных климатических целей. Основные энергетические предложения находятся в первом блоке под названием «защитить основы жизни». В рамках Европейского зеленого курса необходимо совершить «энергетическую революцию», радикально расширив площадь под ВИЭ и сделав его центральным источником энергоснабжения. С этой целью можно размещать солнечные панели на всех крышах и экологически усовершенствовать жилье. Такие установки повторяют тезисы об энергоэффективности, развитии электрической сети и отказе от угля и мирного атома. Поддерживает партия и углеродный налог за выделенный углерод, и прямой возврат средств населению в виде «энергетических выплат» в качестве поощрения экономии. Природный газ может выполнять функцию энергоносителя до полной его замены водородом, при этом «зеленые» выступают против строительства новых терминалов сжиженного природного газа (СПГ) и газопроводов.

ЭНЕРГЕТИЧЕСКАЯ ПРОГРАММА СвДП

Предвыборная программа СвДП нацелена на достижение рыночными методами целей по защите климата, являющихся одним из «крупных вызовов современности» [Nie gab es mehr zu tun. Das Wahlprogramm der Freien Demokraten, 2021].

¹Einschätzung der wichtigsten Probleme für die Deutschen.
URL: <https://de.statista.com/statistik/daten/studie/2739/umfrage/ansicht-zu-den-wichtigsten-problemen-deutschlands/>

В основе подхода партии лежит введение углеродных сертификатов сначала на европейском, затем и на общемировом уровне (дабы предотвратить «утечку углерода», бегство из государства крупных производителей углерода за рубеж и налаживание производства в государствах с менее строгой экологической политикой). Сертификаты рассчитаны на определенный объем углерода, их количество со временем должно будет сокращаться. Чем меньше производство выделяет углерода, тем меньше ему нужно будет покупать сертификатов. Особый упор предлагается сделать на технологиях поглощения углерода из атмосферы (геоинженерия), за это планируется перечислять средства от производителей углерода. Для энергетики это означает удар, наносимый при помощи рыночных инструментов по всем «неэкологичным» видам электрогенерации и отчуждение средств в пользу производств, сокращающих выбросы. Планируется снижать энергетическое налогообложение, выделяя населению деньги в виде климатических дивидендов. Кроме того, планируется увеличить накопительные энергетические мощности и использовать безвредное для окружающей среды синтетическое топливо вместо нефтепродуктов.

ЭНЕРГЕТИЧЕСКАЯ ПРОГРАММА ХДС/ХСС

В программе политического блока ХДС / ХСС энергетический вопрос решается под лозунгом «новое благосостояние – с устойчивым ростом к климатически нейтральной индустриальной стране» [Das Programm für Stabilität und Erneuerung, 2021]. Партия выступает за принятие Зеленого пакта ЕС в виде совокупности энергетических источников для устойчивого развития, за строительство электросетей и накопителей энергии, за конкурентную цену на электроэнергию для населения. Развитие водородной энергетики признано важнейшей задачей (становление «водородной державой номер 1»): вместо газовой системы должна создаваться водородная.

ЭНЕРГЕТИЧЕСКАЯ ПРОГРАММА ЛЕВОЙ ПАРТИИ

В программе Левой партии тема энергоперехода связана с климатической справедливостью [Zeit zu handeln! Für soziale Sicherheit, Frieden und Klimagerechtigkeit, 2021]. Центральным пунктом программы стала защита граждан и лишение крупных концернов влияния на время энергоперехода, а также достижение определяющего влияния

гражданами в этой сфере. «Левые» выступают против торговли квотами, но за законодательное закрепление форсированных сроков и объемов перехода к ВИЭ, например, за переход к водороду и развитие добычи энергии из биомассы. Они приветствуют немедленный отказ от угольной и атомной генерации в Германии и ЕС и активное строительство ВИЭ, притом децентрализованных и находящихся под демократическим контролем. Партия высказывается против подземного захоронения углерода. Согласно позиции партии, государство должно контролировать цены на энергию, бороться за энергоэффективность. Левые выступают также против использования природного газа, поставок СПГ, строительства газопроводов и разработки сланцевого газа.

ЭНЕРГЕТИЧЕСКАЯ ПРОГРАММА АДГ

Партия «Альтернатива для Германии» радикально выступает против устоявшейся повестки дня и выражает противоположную точку зрения [Deutschland. Aber normal, 2021]. Предлагается остановить вторжение государства на энергетический рынок, чтобы сохранить конкурентоспособность страны на международной арене. В программе вопросы энергетики и экологии объединены, хоть и размещены в заключительной части документа. Партия отвергает план по углеродной нейтральности Германии, Европейский зеленый курс и любое углеродное налогообложение, выступает против субсидий в пользу дорогих ВИЭ и установки генерирующего оборудования на домах, против развития водорода и электромобилей как «параллельной системы инфраструктуры», но за снабжение Германии газом и за газовую электрогенерацию. Партия – единственная в ФРГ, выступающая против отказа от угольной и атомной генерации, за использование отходов в электрогенерации и будущее использование ядерных отходов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подходы к решению энергетических вопросов партий ФРГ¹ можно представить в виде таблицы для более наглядного сравнения. Критериями были определены подходы партий к Зеленому пакту ЕС, к различным энергоносителям, к госу-

¹Bundestagswahl 2021: Wahlprogramme im Check. URL: <https://www.energie-fachberater.de/news/bundestagswahl-2021-wahlprogramme-im-check.php>

ПОДХОДЫ ПАРЛАМЕНТСКИХ ПАРТИЙ ФРГ К ЭНЕРГЕТИКЕ

Критерии	Позиции партий					
	СДПГ	Зелёные	СвДП	ХДС/ХСС	Левая	АдГ
Зелёный пакт ЕС, ВИЭ	За	За	За	За	За	Против
Уголь	Отказ	Отказ	Не указано	Не указано	Немедленный отказ	Сохранение
Нефть	Отказ	Отказ	Биотопливо	Не указано	Отказ	Сохранение
Газ	Постепенный отказ	Постепенный отказ	Не указано	Не указано	Постепенный отказ	Сохранение
Атом	Отказ	Отказ	Не указано	Не указано	Немедленный отказ	Сохранение
Водород	За	За	Не указано	За	За	Против
Углеродный налог и госрегулирование	За	За	Рыночный механизм и налог	Конкурентный, рыночный метод	Регулирование цен	Против
Реновация домов с установкой энергооборудования из ВИЭ	За	За	На усмотрение жителей	За	За	Против
Роль населения	Участие	Участие	Ограниченное участие	Ограниченное участие	Контроль	Без принуждения

дарственному регулированию отрасли, к обязательному обустройству жилья ВИЭ и к роли населения в энергетической политике.

Таким образом, в Германии сложился консенсус по вопросу дальнейшего развития энергетики страны между основными партиями (кроме АдГ). Налицо принятие и отстаивание принятых законов и распоряжений ЕС, незначительная разница в «левом» и «правом» подходах заключается лишь в поставленных сроках и в некоторых методах достижения поставленных «глобальных» целей.

Почти единогласно поддерживаются ВИЭ и осуждается использование ископаемых видов топлива (СвДП и ХДС / ХСС старательно обходили этот вопрос стороной, чтобы как можно дольше сохранять устойчивость энергосистемы и, вероятно, отработать финансирование со стороны крупных промышленных кругов Германии). Мирный атом также пал жертвой бескомпромиссной борьбы за экологичность, даже включение ЕС атомной энергетики в список «зелёных» (РИА Новости, 11.10.2021) не повлияло на желание правящих кругов ФРГ оперативно закрыть вопрос с развитием в стране атомной энергетики.

Слабые различия обнаруживаются и в подходах к государственному регулированию

и вовлечению населения. СДПГ и «Зелёные» борются за большее регулирование и вовлечение народных масс в процесс «энергоперехода» (радикальный взгляд представлен Лево́й партией), тогда как ХДС / ХСС и СвДП пытаются отстоять роль крупных компаний и рыночные методы воздействия на сектор энергетики (радикально правая позиция у АдГ, ратующей за рыночный подход и отрицающей догматику изменения климата).

В общем, интриги в вопросе развития энергетики ФРГ не предвидится: государство будет следовать в фарватере международных договоренностей в сфере защиты климата, рекомендаций ЕС, провозглашенного «энергоперехода», постепенно уступая нажиму «левых» подходов.

Между тем с февраля 2022 года энергетический вопрос в программах и деятельности партий фактически отошел на второй план, тогда как на первый план были выдвинуты идеологические соображения. Мотивы противодействия России – во многом иррациональные – возобладали над здравым смыслом, решением социальных проблем населения и интересами субъектности Германии на мировой арене. Оказались недееспособны и положения коалиционного договора, заключенного правящей коалицией ФРГ [Mehr Fortschritt wagen ... 2021]. Тем самым вновь находит свое

подтверждение вывод о важности, порой и определяющем значении идеологий в системе политических институтов [Белозёров 2013].

Налицо кризис стратегического мышления в энергетической политике Германии, ведь ФРГ

добровольно отказывается от атомной энергетики и уничтожает угольную, полностью доверяя себя воле ветра и Солнца в надежде на будущие научные прорывы в данной сфере [Белозёров 2020].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Erneuerbare Energien // Bundesministerium für Wirtschaft und Klimaschutz, 2022. URL: <https://www.bmwi.de/Redaktion/DE/Dossier/erneuerbare-energien.html>
2. Глушкова И. В. Перспективы энергетической стратегии в Германии // Известия вузов. Проблемы энергетики. 2015. Вып. 3–4. С. 42–50.
3. Божик К. Б. Короткий «золотой век» в отношениях России и Германии (1998–2005) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2018. Вып. 4 (812). С. 77–91.
4. Grundgesetz für die BRD // Bundesministerium der Justiz, 1949. URL: <https://www.gesetze-im-internet.de/gg/BJNR000010949.html>
5. Erneuerbare-Energien-Gesetz (EEG) // Bundesministerium der Justiz, 2023. URL: https://www.gesetze-im-internet.de/eeg_2014/_5.html
6. EEG-Umlage // Bundesnetzagentur, 2022. URL: https://www.bundesnetzagentur.de/SharedDocs/A_Z_Glossar/E/EEG_Umlage.html
7. Gesetz über die friedliche Verwendung der Kernenergie und den Schutz gegen ihre Gefahren (Atomgesetz) // Bundesministerium der Justiz, 1959. URL: <http://www.gesetze-im-internet.de/atg/index.html>
8. Gesetz zum Ausbau von Energieleitungen (Energieleitungsausbaugesetz – EnLAG) // Bundesministerium der Justiz, 2009. URL: <https://www.gesetze-im-internet.de/enlag/EnLAG.pdf>
9. Мотосова Е. А., Потравный И. М. Плюсы и минусы введения углеродного налога: зарубежный опыт и позиция России по Киотскому протоколу // ЭКО. 2014. Вып. 7 (481). С. 180–189.
10. Gesetz über den Handel mit Berechtigungen zur Emission von Treibhausgasen* (Treibhausgas-Emissionshandelsgesetz – TEHG) // Bundesministerium der Justiz, 2011. URL: https://www.gesetze-im-internet.de/tehg_2011/TEHG.pdf
11. Gesetz zur Einsparung von Energie und zur Nutzung erneuerbarer Energien zur Wärme- und Kälteerzeugung in Gebäuden* (Gebäudeenergiegesetz – GEG) // Bundesministerium der Justiz, 2020. URL: <https://www.gesetze-im-internet.de/geg/BJNR172810020.html>
12. The European Green Deal // European climate foundation, 2019. URL: <https://europeanclimate.org/the-european-green-deal/>
13. Aus Respekt vor deiner Zukunft. Das Zukunftsprogramm der SPD // SPD Parteivorstand, 2021. URL: <https://www.spd.de/fileadmin/Dokumente/Beschluesse/Programm/SPD-Zukunftsprogramm.pdf>
14. Deutschland. Alles ist drin. Das Bundestagswahlprogramm der Grünen // Bündnis 90 / Die Grünen, 2021. URL: https://www.gruene-niedersachsen.de/wp-content/uploads/2021/08/Wahlprogramm-DIE-GRUENEN-Bundestagswahl-2021_barrierefrei.pdf
15. Nie gab es mehr zu tun. Das Wahlprogramm der Freien Demokraten // Freie Demokraten (FDP), 2021. URL: https://www.fdp.de/sites/default/files/2021-08/FDP_BTW2021_Wahlprogramm_1.pdf
16. Das Programm für Stabilität und Erneuerung // CDU/CSU, 2021. URL: <https://www.csu.de/common/download/Regierungsprogramm.pdf>
17. Zeit zu handeln! Für soziale Sicherheit, Frieden und Klimagerechtigkeit // Die Linke, 2021. URL: https://www.die-linke.de/fileadmin/download/wahlprogramme_alt/bundestagswahlprogramm2021.pdf
18. Deutschland. Aber normal. Programm der Alternative für Deutschland für die Wahl zum 20. Deutschen Bundestag // Alternative für Deutschland, 2021. URL: https://afd-bw.de/afd-bw/wahlprogramme/BTW21-AfD_Programm.pdf
19. Mehr Fortschritt wagen. Bündnis für Freiheit, Gerechtigkeit und Nachhaltigkeit // SPD, Bündnis 90 / Die Grünen und FDP, 2021. URL: https://www.spd.de/fileadmin/Dokumente/Koalitionsvertrag/Koalitionsvertrag_2021-2025.pdf
20. Белозёров В. К. Доктрины и идеологии в системе политических институтов // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2013. Вып. 24 (684). С. 31–40.
21. Белозёров В. К. Дефицит стратегического мышления и императивы его преодоления. Размышления после Венской конференции по стратегии // Власть. 2020. Вып. 1. С. 19–26.

REFERENCES

1. Bundesministerium für Wirtschaft und Klimaschutz. (2022). Erneuerbare Energien. <https://www.bmwk.de/Redaktion/DE/Dossier/erneuerbare-energien.html> (In German)
2. Glushkova, I. W. (2015). Prospects for the energy strategy of Germany. Power engineering: research, equipment, technology, 3–4, 42–50. (In Russ.)
3. Bozhik, K. B. (2018). Short «golden age» in the relations of Germany and Russia (1998–2005). Vestnik of the Moscow State Linguistic University. Humanities, 4(812), 77–91. (In Russ.)
4. Bundesministerium der Justiz (1949). Grundgesetz für die BRD. <https://www.gesetze-im-internet.de/gg/BJNR000010949.html> (In German)
5. Bundesministerium der Justiz (2023). Erneuerbare-Energien-Gesetz (EEG). https://www.gesetze-im-internet.de/eeg_2014/_5.html (In German)
6. Bundesnetzagentur. (2022). EEG-Umlage. https://www.bundesnetzagentur.de/SharedDocs/A_Z_Glossar/E/EEG_Umlage.html (In German)
7. Bundesministerium der Justiz. (1959). Gesetz über die friedliche Verwendung der Kernenergie und den Schutz gegen ihre Gefahren (Atomgesetz). <http://www.gesetze-im-internet.de/atg/index.html> (In German)
8. Bundesministerium der Justiz. (2009). Gesetz zum Ausbau von Energieleitungen (Energieleitungsausbaugesetz - EnLAG). <https://www.gesetze-im-internet.de/enlag/EnLAG.pdf> (In German)
9. Motosova, E. A., Potravniy, I. M. (2014). The Pros and Cons of Introducing a Carbon Tax: An Analysis of Foreign Experience. ECO, 7(481), 180–189. (In Russ.)
10. Bundesministerium der Justiz. (2011). Gesetz über den Handel mit Berechtigungen zur Emission von Treibhausgasen* (Treibhausgas-Emissionshandelsgesetz – TEHG). https://www.gesetze-im-internet.de/tehg_2011/TEHG.pdf (In German);
11. Bundesministerium der Justiz. (2020). Gesetz zur Einsparung von Energie und zur Nutzung erneuerbarer Energien zur Wärme- und Kälteerzeugung in Gebäuden* (Gebäudeenergiegesetz – GEG). <https://www.gesetze-im-internet.de/geg/BJNR172810020.html> (In German)
12. European climate foundation. (2019). The European Green Deal. <https://europeanclimate.org/the-european-green-deal/>
13. SPD Parteivorstand. (2021). Aus Respekt vor deiner Zukunft. Das Zukunftsprogramm der SPD. <https://www.spd.de/fileadmin/Dokumente/Beschluesse/Programm/SPD-Zukunftsprogramm.pdf> (In German)
14. Bündnis 90 / Die Grünen. (2021). Deutschland. Alles ist drin. Das Bundestagswahlprogramm der Grünen. https://www.gruene-niedersachsen.de/wp-content/uploads/2021/08/Wahlprogramm-DIE-GRUENEN-Bundestagswahl-2021_barrierefrei.pdf (In German)
15. Freie Demokraten (FDP), (2021). Nie gab es mehr zu tun. Das Wahlprogramm der Freien Demokraten https://www.fdp.de/sites/default/files/2021-08/FDP_BTW2021_Wahlprogramm_1.pdf (In German)
16. CDU / CSU. (2021). Das Programm für Stabilität und Erneuerung. URL: <https://www.csu.de/common/download/Regierungsprogramm.pdf> (In German)
17. Die Linke. (2021). Zeit zu handeln! Für soziale Sicherheit, Frieden und Klimagerechtigkeit https://www.die-linke.de/fileadmin/download/wahlprogramme_alt/bundestagswahlprogramm2021.pdf (In German)
18. Alternative für Deutschland. (2021). Deutschland. Aber normal. Programm der Alternative für Deutschland für die Wahl zum 20. Deutschen Bundestag. https://afd-bw.de/afd-bw/wahlprogramme/BTW21-AfD_Programm.pdf (In German)
19. SPD, Bündnis 90 / Die Grünen und FDP. (2021). Mehr Fortschritt wagen. Bündnis für Freiheit, Gerechtigkeit und Nachhaltigkeit https://www.spd.de/fileadmin/Dokumente/Koalitionsvertrag/Koalitionsvertrag_2021-2025.pdf (In German)
20. Belozеров, V. K. (2013). Doctrines and ideologies in the system of political institutions. Vestnik of the Moscow State Linguistic University, 24, 31–40. (In Russ.)
21. Belozеров, V. K. (2020). Lack of strategic thinking and imperatives of overcoming it. Reflections after Vienna conference on strategy. Vlast, 1, 19–26. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Сугоняев Павел Максимович

аспирант кафедры политологии
Института международных отношений и социально-политических наук
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Sugonyaev Pavel Maksimovich

Postgraduate Student
Department of Political Science,
Institute of International Relations and Socio-Political Sciences
Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию одобрена после рецензирования принята к публикации	12.01.2023	The article was submitted approved after reviewing accepted for publication
	02.02.2023	
	12.02.2023	

Вызовы и угрозы украинского милитаризма для национальной безопасности современной России

Д. Л. Цыбаков¹, И. К. Василенко²

¹Академия гражданской защиты Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий России, Химки, Россия
d413839@yandex.ru

²Донецкий национальный университет, Донецк, Россия, fcl.jur@donnu.ru

Аннотация. В статье рассматривается феномен милитаризации внешней и внутренней политики постсоветской Украины. Обосновывается формирование национально-государственной модели украинского милитаризма в период с 1991 по 2022 годы. Анализируются идейно-политические предпосылки украинского милитаризма и его взаимосвязь с различными идеологическими учениями экстремистского толка. Рассматриваются этапы милитаризации украинского государства, на основании чего делается вывод о формировании новых вызовов и угроз для национальной безопасности современной России. Аргументируется необходимость концептуального закрепления представлений об украинском милитаризме в доктринальных документах обеспечения национальных интересов Российской Федерации.

Ключевые слова: милитаризация, милитаризм, национализм, международные отношения, вызов, угроза, национальная безопасность, Стратегия национальной безопасности

Для цитирования: Цыбаков Д. Л., Василенко И. К. Вызовы и угрозы украинского милитаризма для национальной безопасности современной России // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2023. Вып. 1 (850). С. 37–44.
DOI 10.52070/2500-347X_2023_1_850_37

Original article

Challenges and Threats of Ukrainian Militarism for the National Security of Modern Russia

Dmitry L. Tsybakov¹, Igor K. Vasilenko²

¹Civil Defence Academy of the Ministry of the Russian Federation for Civil Defence Emergencies and Elimination of Consequences of Natural Disasters, Khimki, Russia
d413839@yandex.ru

²Donetsk National University, Donetsk, Russia, fcl.jur@donnu.ru

Abstract. The article studies the militarization of the foreign and domestic policy of post-Soviet Ukraine. The formation of the national-state model of Ukrainian militarism in the period 1991–2022 is substantiated. The article analyzes the ideological and political prerequisites of Ukrainian militarism and its relationship with various extremist ideological doctrines. The stages of militarization of the Ukrainian state are considered, on the basis of which the conclusion is made about the formation of new challenges and threats to the national security of modern Russia. The necessity of conceptual consolidation of ideas about Ukrainian militarism in the doctrinal documents of ensuring the national interests of the Russian Federation is argued.

Keywords: militarization, militarism, nationalism, international relations, challenge, threat, national security, national security strategy

For citation: Tsybakov, D. L., Vasilenko, I. K. (2023). Challenges and threats of Ukrainian Militarism for the national security of modern Russia // Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social Sciences, 1(850), 37–44. 10.52070/2500-347X_2023_1_850_37

ВВЕДЕНИЕ

Кризис современных международных отношений, достигший своего апогея на протяжении 2022 года, имеет под собой как объективные, так и субъективные основания. С объективной точки зрения такое развитие событий было неизбежно, так как стремление Российской Федерации преодолеть разрушительные последствия «холодной войны» и распада СССР закономерно вело к конфликту с новыми мировыми гегемонами. Однако то, что эпицентром военно-политической эскалации Россия – Запад стали территории бывшей Украинской ССР, а также территории новых регионов Российской Федерации, обусловлено обстоятельствами преимущественно субъективного происхождения, а именно – влиянием на единое пространство безопасности политически деструктивных факторов таких как украинский национализм и милитаризация постсоветской украинской государственности.

Именно благодаря индокринации указанных феноменов оказалось трансформировано массовое политическое сознание бывшей союзной республики, породившее череду волн насилия и обернувшееся прямым геноцидом русского населения Новороссии. Различные вариации националистических доктрин традиционно становились предметом исследования политической науки [Ланцов, 2014]. При этом влияние милитаризации Украины на состояние национальной безопасности России до настоящего времени не анализировалось в рамках развернутого политологического исследования.

Кроме того, экспансионистская направленность украинского милитаризма в XXI столетии приобрела особенно опасное значение: в угоду идеям этнического превосходства их последователи готовы к самым антигуманным и авантюрным действиям в области международной и региональной безопасности. Сегодня вполне очевидно, что на фоне набирающего обороты вооруженного конфликта, весьма неустойчивый конгломерат группировок украинского «политического класса» все более укрепляет свою международную субъектность. На стороне киевского режима фактически полностью выступают НАТО и Европейский союз, дрейф которого в сторону милитарной политики достаточно давно был отмечен исследователями [Емельянова, 2010]. Причем наличие альтернативных позиций руководства Венгрии и Турции лишь в малой степени способно ограничить внешнюю поддержку милитарной политики администрации В. Зеленского. На протяжении 2021–2022 годов кардинально изменились позиция правительства ФРГ и Франции, которые ранее не демонстрировали открытой

поддержки наращиванию военно-политического потенциала Киева.

В свою очередь, именно благодаря оказанию прямой помощи украинским властям в противостоянии с Российской Федерацией усилились процессы милитаризации евроатлантического сообщества, его наднациональных структур и институтов. На основании приведенной аргументации следует вывод о появлении в первом десятилетии XXI столетия новой национально-государственной разновидности милитаризма, возникшей после распада Советского Союза на территории бывшей Украинской ССР. Данную разновидность милитаризма следует классифицировать по аналогии с такими известными историческими типами, как «прусский», «японский», «американский» или «британский» милитаризм.

ИДЕЙНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИСТОКИ УКРАИНСКОГО МИЛИТАРИЗМА

Прежде всего, необходимо рассмотреть идейно-политические основания украинского милитаризма, в качестве которых выступают различные версии и вариации украинствующих националистических течений [Вишлев, 2020]. Современный украинский национализм схематично представлен тремя основными идеологическими течениями. На основе проведенного аналитического исследования следует выделить такие характерные для постсоветской Украины направления, как этнический национализм, политический национализм, неонацизм. Наряду с общей тенденцией к открытой русофобии и шовинизму им присущи некоторые специфические качества, обусловленные региональными и социокультурными факторами.

Этнический национализм, основанный на примитивном толковании «чистоты нации», опирается на мировоззренческие установки населения Галиции и частично Волыни. Первыми из земель Рюриковичей они оказались под прямым влиянием католических держав, будучи официально наименованы в XIV столетии польской короной как «воеводство Русское». Идейно-мировоззренческие принципы данного течения оформились в рамках униатской конфессии, а организационная основа начала формироваться в период австрийского владычества в противовес польской шляхетской корпорации и опиралась на структурные компоненты мафиозного типа. В современном украинском политикуме адепты этнического национализма прочно заняли нишу идеологов и «духовных наставников» общества. Однако устойчивых политических объединений всеукраинского масштаба им

образовать не удалось ввиду крайне незначительного материального и интеллектуального ресурса и региональной / местечковой ограниченности.

Политический национализм на постсоветской Украине охватывает ареал центральных областей страны и опирается на социальный заказ финансово-промышленных групп Днепропетровска, в обобщенном виде известный со времен позднего СССР как «днепропетровский клан». В отличие от этнических националистов, однозначно трактующих пребывание Малороссии в составе Российской империи и СССР как якобы «колониальный период», политические националисты склонны к спекуляциям на темы выдающейся, просветительской роли украинцев (или произвольно причисляемых к таковым) в становлении общей государственности XVIII–XX столетий. В период 1990–2020-х годов политический национализм, ставший знаменем зонтичного «днепропетровского клана», позволил перехватить предпочтения социально активных сограждан и прочно закрепиться в системе приватизированной различными олигархическими группировками государственной власти. В качестве мировоззренческой приманки используется создание автокефальной православной церкви, подчиненной Константинопольскому патриархату. Помимо других факторов наличие такой внешне относительно умеренной вариации национализма способствовало международной легитимации киевского режима.

Неонацизм как системный фактор общественно-политических отношений постсоветской Украины проявил себя преимущественно после 2014 года. Его социальной базой являются Юго-Восточные области, ранее традиционно тяготеющие к России. Слобожанщина и западная, оставшаяся по итогам Минских соглашений за киевскими властями, часть Донбасса, были использованы олигархатом Харькова и остатками «донецкого клана» для выдвижения собственной версии ультранационализма. Его отличает ставка на откровенный «белый расизм» и оккультные ритуалы сектантского неоязычества. Эта версия политического радикализма, наряду с традиционной русофобией, в то же время остается своеобразной попыткой идеологической конкуренции с галицийскими этнократами, не воспринимающими русское население Юго-Востока в качестве «полноценных украинцев».

ЭТАПЫ МИЛИТАРИЗАЦИИ ПОСТСОВЕТСКОЙ УКРАИНЫ

Очевидно, что процесс милитаризации внешней и внутренней политики постсоветской Украины, таким образом, имел под собой причины как

внутреннего, так и внешнего происхождения. К первым следует отнести незавершенный и во многом искусственный характер государственности того политического субъекта, что был конституирован на территории бывшей Украинской ССР после 1991 года. Следует учитывать, что постсоветская Украина не обладала иной выраженной идеологической детерминантой кроме отчетливо выраженной русофобии. Традиционная нацеленность идейных доктрин националистического толка на конфликт практически со всеми контактирующими этносами – поляками, евреями, татарами, оказался в значительной мере нивелирован тем обстоятельством, что в составе нового украинского государства в 1990-х годах оказались исторические русские земли. Новороссия и Слобожанщина составляли примерно половину территории, притом наиболее цивилизованных и культурно развитых, оказавшейся под властью Киева после 1991 года. В результате между Россией и Украиной произошел разлом не по линии «метрополия–колония», а по вектору «одна часть метрополии – другая часть метрополии». С тех пор имеет место раскол идейно-политического и политико-экономического фундамента исторической Большой России. Вследствие означенного раскола стала неизбежной конкуренция, столкновение или противоборство между двумя основными частями былого цивилизационного монолита.

Именно отмеченными выше соображениями можно объяснить стремление украинского руководства в максимально ускоренном темпе нарастить свой милитаристский потенциал в период суверенизации новых независимых государств СНГ в 1992–1993 годы. Закономерно, что администрация президента Л. Кравчука прямо торпедировала создание единых Вооруженных сил под эгидой Содружества Независимых государств, организовав присвоение войсковых частей, соединений и объединений бывшей Советской Армии и не подписав Договор об образовании Объединенных Вооруженных сил СНГ от 14 февраля 1992 года. В этом же контексте следует расценивать многолетние попытки захвата Черноморского флота киевскими властями, продолжавшиеся до его раздела в 1997 году.

Заметим, что процесс милитаризации постсоветской Украины происходил весьма противоречиво, поскольку в распоряжении Киева оказался такой военный и технологический потенциал, который был явно избыточен для реальных возможностей бывшей союзной республики. К тому же, как и все другие новые независимые государства СНГ, она оказалась в условиях масштабной деиндустриализации.

Серьезным препятствием к развитию милитаристских проявлений Украины выступало наличие близких к России социокультурных, этнических и социальных сообществ Юго-Востока Украины [Баранов, Конов, 2009]. На протяжении 1990–2000-х годов они раз за разом оказывали электоральную поддержку политикам, декларирующим идеи сближения с Российской Федерацией. Другим весомым фактором отката процесса милитаризации Украины, который наметился к концу 1990-х годов, стала стратегическая линия российского руководства на умиротворение и односторонние уступки своему юго-западному соседу. Волонтаристское признание внутренних административных границ СССР в качестве государственных нашло продолжение в отказе от широкой поддержки ирредентистских настроений среди русской общины бывшей Украины. В 1996 году со стороны Москвы не была отмечена никакая-либо реакция на фактическую ликвидацию политико-территориальной автономии республики Крым, включая нелегитимное изменение конституции этого субъекта. Вслед за означенными событиями и явлениями был подписан и в 1998 году не без проволочек ратифицирован российским парламентом Договор о дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Украиной.

Убедившись в неготовности Москвы вести борьбу за соби́рание русских земель, помноженной на необходимость ликвидации сепаратизма на Северном Кавказе, украинский «политический класс» не видел необходимости в дальнейшей последовательной военной политике. Одновременно со снижением значения фактора противостояния Российской Федерации, украинский милитаризм получил определенную подпитку со стороны внешних сил, будучи втянут в военно-политическое сотрудничество с США, блоком НАТО и его сателлитами из числа государств Восточной Европы. Означенные общественные тенденции и процессы по времени пришлось на начало американских операций в Афганистане и Ираке и выразились в отправке военных контингентов в составе сформированных под патронажем Вашингтона международных оккупационных сил. Именно во время этих операций украинские вооруженные силы впервые приняли участие в военных действиях, которые в полной мере укладывались в формат колониальных войн. В то же время происходило приобщение граждан Украины к различным негосударственным проявлениям милитаризации постиндустриального типа, характерного для эпохи глобализации, включая вербовку в многочисленные частные военные компании и группировки наемников.

Очередным доказательством пассивности Российской Федерации стали события «померанчевой

революции» 2004 года, которые, однако подтвердили раскол Украины на проевропейский и проамериканский Запад и условно пророссийский Восток. С этого времени имеет смысл вести отсчет *второго этапа милитаризации* украинской политики. Во многом его наступление было связано с внешним фактором – с продолжением реализации концепции «расширения НАТО на Восток». Апогеем этого этапа стала поддержка администрацией президента В. Ющенко агрессии Тбилиси против Южной Осетии и Абхазии в августе 2008 года. Позиция Украины в означенном международном конфликте проявилась как в период подготовки сил вторжения режима М. Саакашвили, так и непосредственно во время военных действий «олимпийской войны».

Авантюризм команды В. Ющенко обусловил очередной откат в процессе милитаризации Украины, который пришелся на период правления В. Януковича, нацеленного на лавирование между Западом и Россией. В результате общая недееспособность и идеологическая несостоятельность украинской государственности спровоцировали системный кризис политической системы и государственный переворот в Киеве в феврале 2014 года. Последовавшая вслед за этим «Русская весна», воссоединение Крыма и Севастополя с Российской Федерацией, провозглашение Донецкой и Луганской народных республик, привели к обвальному всплеску национализма и наступлению *третьей фазы милитаризации* общества и государства в соседней стране.

На протяжении 2014–2022 годов украинский милитаризм приобрел наиболее откровенные формы своего внутреннего и внешнего выражения, что выразилось в тесном сотрудничестве с евроатлантическими институтами и постепенной интеграции с военной организацией НАТО без фактического вступления в этот военно-политический блок.

ЭСКАЛАЦИЯ МИЛИТАРИЗАЦИИ УКРАИНЫ В 2014–2022 годах

Наиболее опасные проявления милитаризма после 2014 года охватили целый ряд сфер социальной жизнедеятельности Украины.

КОНЦЕПТУАЛЬНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ

Приняты решения об отказе от внеблокового статуса Украины, отменены статьи конституции о международном нейтралитете и запрете размещения на своей территории иностранных военных баз.

Во вновь утвержденных доктринальных документах Российская Федерация объявлялась вероятным противником, обосновывалась необходимость союза с Североатлантическим альянсом для дальнейшего обретения членства в этой организации. В данном политическом контексте следует оценивать отказ режима П. Порошенко от продления срока действия Договора о дружбе и сотрудничестве с Российской Федерацией, который имел место в 2019 году.

ВОЕННО-СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ

Приняты и реализованы планы военной оккупации республик Донбасса, разработаны варианты полномасштабной войны с Российской Федерацией. Нарощен потенциал военной организации, проведены четыре этапа всеобщей мобилизации. Созданы органы высшего военно-стратегического управления. Сформированы новые компоненты военной организации в виде территориальной обороны и корпуса армейского резерва, в состав армии и национальной гвардии включены многочисленные парамилитарные и карательные неонацистские отряды. Нарастает взаимодействие с зарубежными военными организациями и иностранными ЧВК.

ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ И ИНФОРМАЦИОННАЯ СФЕРЫ

В 2014–2015 годах завершено формирование «образа врага» в виде русских граждан Украины, уроженцев ЛДНР, сформировано представление об исторической России как экзистенциальной угрозе для существования украинского общества. На государственном уровне произошел запрет на патриотическую символику советского периода, подкрепленный реставрацией пропаганды всех видов антироссийского коллаборационизма, несколько ограниченной в период правления президентства В. Януковича. Расширяется спектр экстремистских масс-медиа и социальных сетей. Наряду с «этнической» и «политической» версиями национализма оформляется еще более радикальный и антигуманный неонацистский его вариант, парамилитарные отряды последователей которого пополняют ряды вооруженных сил.

Расширяется спектр субъектов информационно-психологической борьбы, ведение которой обеспечивается на основе американской доктрины «Стратегической коммуникации / диалоговой пропаганды». Информационно-пропагандистская составляющая за счет патронируемых из-за рубежа

программ и курсов становится обязательным элементом подготовки военнослужащих и членов националистических партий и организаций.

В экономической области отмечается кратное возрастание военных расходов, возобновление научно-конструкторских разработок и военных производственных комплексов. По мере возможности производятся закупки передовых вооружений за рубежом, включая использование нелегальных каналов торговли оружием. Для финансирования милитаристских проектов привлекаются возможности украинского олигархата и рядовых граждан – введение особого налога «на оборону».

В социальной сфере очерчиваются контуры специфической маргинальной агрегации, пропитанной русофобскими настроениями и существующей за счет обслуживания милитаристской политики правящего режима. Подтверждаются экспертные оценки повышения значимости общественных институтов в вооруженных конфликтах [Мищенко, 2021]. В состав армии и негосударственных военизированных формирований активно рекрутируются социальные и половозрастные группы, традиционно далекие от военного дела – женщины и подростки. Весьма мозаичный конгломерат различных волонтерских, «ветеранских», правозащитных, военно-спортивных, пропагандистских объединений, сложившихся для оказания поддержки карательной операции (АТО, ООС) против республик Донбасса представляет собой социальную опору милитаризации по-украински. Одновременно указанный сегмент служит инструментом подавления инакомыслящих, дополняя государственные политические репрессии перманентным социальным террором.

В политической сфере имеет место деформация политической системы: в ряды вооруженных сил проникают эмиссары националистических группировок, тогда как партии и общественные движения пополняются участниками вооруженного конфликта на Донбассе. В структуре представительной и исполнительной власти оформляются милитаристские лоббистские группы, влияющие на стратегические государственные решения и подпитывающие агрессивный психологический фон их разработки и претворения на практике. Практически все политические партии и движения кооптируют в свой руководящий состав участников карательных операций против Донецкой и Луганской народных республик. Укрепляются контакты с радикальными группировками и их вдохновителями в зарубежных странах, на Украину начинается паломничество представителей экстремистских и террористических организаций.

В результате произошедших трансформаций вызовы украинского милитаризма преобразились в опасности для национальных интересов Российской Федерации. В определенной мере сдерживающее значение для милитаризации соседней страны оказывала международная обстановка: умеренный подход правящих элит «Старой Европы» не предполагал открытого подавления национально-освободительного движения Новороссии и допущения войны с Российской Федерацией. Аналогичную позицию занимала республиканская администрация президента США Д. Трампа, не заинтересованная в эскалации на постсоветском пространстве. Ситуация кардинально изменилась после прихода к власти в Вашингтоне глобалистов из Демократической партии. Окружение Д. Байдена взяло открытый курс на провоцирование втягивания Российской Федерации в затяжной конфликт высокой интенсивности. Очевидно, что стратегическая цель Вашингтона состоит в полном демонтаже архитектуры безопасности, выстроенной в ближнем зарубежье в постсоветский период. Политика по международной изоляции Российской Федерации была доктринально закреплена в США еще в период 2014–2015 годов, а затем обрела новое содержание после поражения трампистов на президентских выборах в декабре 2020 года.

С этого момента кардинально изменилась стратегия администрации В. Зеленского, до того времени полагавшейся на информационно-пропагандистскую обработку массового сознания в республиках Донбасса и использование Минских соглашений для геополитической капитуляции России. Поэтому современный, четвертый этап милитаризации современной Украины ведет свой отсчет скорее не с начала Специальной военной операции в феврале 2022 года, а со смены стратегии режима Зеленского в деле подавления ЛДНР.

Вероятно, следуя указаниям заокеанских кураторов, киевские власти форсировали подготовку к «молниеносному удару» по народным республикам, что означало переход украинского милитаризма из состояния опасности в состояние прямой угрозы для национальной безопасности Российской Федерации. На этом этапе намерения Киева получали уже не только опосредованную, но и прямую поддержку англосаксонских держав. Ее примерами являются военные демонстрации непосредственно на границах России: такие, как развертывание британских учебных центров в Северном Причерноморье, вторжение кораблей эскадры Великобритании в территориальные воды вблизи Севастополя или отработку ударов американской стратегической авиацией в воздушном пространстве Украины. В этом же контексте следует рассматривать поспешную

эвакуацию экспедиционного корпуса США из Афганистана летом 2021 года, что позволило Вашингтону сконцентрировать усилия на наиболее актуальном, по его оценке, театре современной геополитической борьбы.

Четвертый этап милитаризации украинской государственности представляет собой открытую и наиболее выраженную угрозу национальной безопасности России. Правящему режиму Киева удалось мобилизовать ресурсы социума на идеологической русофобской основе и нарастить потенциал военно-политического экспансионизма, целью которого выступает отторжение новых регионов Российской Федерации. Возникают предпосылки для установления в недалеком будущем прямой или опосредованной военной диктатуры в Киеве.

ПОСЛЕДСТВИЯ МИЛИТАРИЗАЦИИ ДЛЯ ВНУТРЕННЕЙ И ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ УКРАИНЫ

Итогом радикализации украинского общества и политической системы страны стало завершение построения новой модели милитаризма. Особая опасность таковой заключается в оформлении как внутренней, так и внешней форм милитаризации. Из-за названного обстоятельства милитаризм постсоветской Украины отличается от аналогов, функционирующих в государствах западной цивилизации, где внешний военно-политический экспансионизм совмещается с сохранением основных признаков либеральной демократии. Безусловно, демократическую систему в США и Западной Европе сегодня отличают многочисленные дефекты, искажения и принципиальные противоречия, однако она еще не утратила до конца таких параметров как состязательность в борьбе за власть и плюрализм мнений. И напротив, на Украине за последние восемь лет произошло поглощение националистическим консенсусом всей политической системы страны. Ввиду чего в настоящий момент на Украине нет никакой политики, кроме политики войны. Деятельность всех государственных, политических и общественных структур (последней из них, пытавшейся занимать оппортунистическую позицию оставалась Украинская православная церковь Московского патриархата) подчинена одной цели: тотальная мобилизация всех ресурсов в целях достижения победы в противоборстве с Россией. Обращение какой-либо из политических сил даже к частичному ограничению милитаристского дискурса грозит обернуться для нее масштабными репрессиями со стороны объединенных усилий уличной

охлократии, государственных органов и армии. Именно этим объясняется стремительная превращение В. Зеленского из «политика мира» в лидера украинской «партии войны».

Определенные параллели можно провести между украинским обществом и социумом Японии в 1930-х годах. Общими признаками двух социумов следует назвать: агрессивную милитаризацию, вмешательство генералитета в любые сферы общественной жизни, подавление инакомыслия, официальные цели территориальной экспансии, идеологию национального превосходства [Танин, Иоган, 1933]. Очевидны попытки пропагандистской машины внедрить в массовое сознание мифическую идею происхождения современной государственности на основе деяний воинского сословия далекого прошлого, где маргинальные «козаки» представляются в качестве подобия японских самураев.

Заметим, что украинский милитаризм, как и государственность этой бывшей союзной республики в целом, имеет в большей степени искусственный, конъюнктурный характер, не обладая прочным историческим фундаментом и, будучи основана на симулякрах. В украинском обществе отсутствует сакральная символическая фигура, наподобие японского императора, использование авторитета которого позволило союзникам в 1945 году закрепить военную победу над милитаризмом «Страны Восходящего Солнца» в нормативной и духовной областях.

Ситуация усугубляется практически состоявшейся интеграцией Украины в глобальную систему милитаризма постиндустриального мира, что означает превращение киевского режима в передовой эшелон евроатлантического гегемонизма. Последний выступает в качестве ресурсной, военно-технологической, информационной и политико-дипломатической опоры украинской милитаризации. Особенная роль на этом этапе милитаризации принадлежит политике правительства Польской республики, в реваншистских целях формирующего антироссийский и антибелорусский военно-политический альянс с Киевом. Уникальность ситуации в том, что украинский милитаризм не только следует в фарватере стратегий своих покровителей, но и одновременно служит

катализатором процесса мировой милитаризации, из-за своей авантюрной политики представляя угрозу для единого пространства безопасности Евразии.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, стратегические интересы Российской Федерации требуют концептуального закрепления понятия «украинский милитаризм» в существующей нормативной базе обеспечения национальной безопасности. Рассмотренный феномен по своей сути превратился в одного из инициаторов милитаризации международных отношений, за короткий срок переформатировавшись из потенциального вызова в наиболее актуальную угрозу для суверенитета и территориальной целостности России в XXI столетии. Следует признать, что экспертное сообщество нашей страны не уделяло в последние годы должного внимания милитарному вектору украинской политики. Что имеет следствием не только пробелы в научном познании, но и просчеты в стратегическом планировании. В качестве примера можно привести призывы к ВСУ «брать власть в свои руки», прозвучавшие в начале Специальной военной операции.

Назрела необходимость принятия новой редакции Стратегии национальной безопасности России, а также внесения дополнений в содержание связанных с ней иных доктринальных документов – Доктрины информационной безопасности, Стратегии экономической безопасности и других. То же самое касается нормативной базы противодействия терроризму и экстремизму. Скорейшее обновление методологического инструментария обеспечения национальной безопасности должно подразумевать решение таких задач как исследование предпосылок, типологии, характерных черт, последствий практических проявлений милитаризации украинской политики. На основе чего представляется вероятным повышение эффективности экспертных оценок и прогнозов развития ситуации в сфере защиты национальных интересов России в XXI столетии.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Ланцов С. А. Украинский национализм как дестабилизирующий фактор на евразийском пространстве: некоторые аспекты генезиса // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2014. № 15. С. 124–131.
2. Емельянова Н. Н. Европейский союз, вооруженные силы и международное право. М. : ЮрисПруденс, 2010.
3. Вишлев О. В. «Бастион Европы»: к вопросу об идеологии и программных целях украинского национализма // Международная жизнь. 2020. № 2. С. 96–115.
4. Баранов С. Д., Конов Д. В. Русская нация. Современный портрет. М. : Митель Пресс, 2009.

5. Мищенко И. Е. Футурология милитаризма: основания и опыт социокультурного прогнозирования // Человек. Культура. Образование. 2021. № 2 (40). С. 137–140.
6. Танин О., Иоган Е. Военно-фашистское движение в Японии. М. : Партиздат, 1933.

REFERENCES

1. Lantsov, S.A. (2014). Ukrainiskij nacionalizm kak destabilizirujushhij faktor na evrazijskom prostranstve: nekotorye aspekty genezisa = Ukrainian nationalism as the destabilizing factor in the Eurasian region: Some aspects of the genesis. URASIAN INTEGRATION: economics, law, politics, 15, 124–131. (In Russ.)
2. Emelyanova, N. N. (2010). Evropejskij soyuz, vooruzhennye sily i mezhdunarodnoe parvo = European Union, armed forces and international law. Moscow: JurisPrudence. (In Russ.)
3. Vishlev, O. V. (2020). «Bastion Evropy»: k voprosu ob ideologii i programmnyh celyah ukrainskogo nacionalizma = «Bastion of Europe»: on the ideology and program goals of Ukrainian nationalism. The International Affairs, 2, 96–115. (In Russ.)
4. Baranov, S. D., Konov, D. V. (2009). Russkaya naciya. Sovremennyy portret = The Russian Nation. Modern portrait. Moscow: Mitel Press, 2009. (In Russ.)
5. Mishchenko, I. E. (2021). Futurologija militarizma: osnovanija i opyt sociokul'turnogo prognozirovanija = Futurology of Militarism: foundations and experience of sociocultural forecasting. Human, Culture, Education, 2(40), 137–140. (In Russ.)
6. Tanin, O., Johan, E. (1933). Voenno-fashistskoe dvizhenie v Yaponii = The military fascist movement in Japan. Moscow: Partizdat. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Цыбаков Дмитрий Леонидович

доктор политических наук, доцент
профессор кафедры государственного и муниципального управления
Академии гражданской защиты МЧС России им. генерал-лейтенанта Д. И. Михайлика

Василенко Игорь Константинович

кандидат юридических наук, доцент
Донецкого национального университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Tsybakov Dmitry Leonidovich

Doctor of Political Science (Dr. habil), Associate Professor
Professor of the Department of State and Municipal Administration of the Civil Defence Academy
of the Ministry of the Russian Federation for Civil Defence Emergencies and Elimination of Consequences
of Natural Disasters

Vasilenko Igor Konstantinovich

PhD (Law), Associate Professor
Donetsk National University

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

10.01.2023
07.02.2023;
12.02.2023

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

Борьба с немецкими диверсантами и украинскими националистами на освобожденной территории Украины в 1943 году

А. А. Зданович¹, А. А. Климов²

^{1,2}Научно-исследовательский институт (военной истории) Военной академии Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации, Москва, Россия

¹zdanovich52@gmail.ru

²andrey_klimov1968@mail.ru

Аннотация. В статье раскрывается исторический опыт борьбы с немецкими диверсантами и украинскими националистами в период освобождения Украины от немецко-фашистских захватчиков в 1943 году. На основе архивных документов и документальных источников показаны примеры служебно-боевой деятельности личного состава органов «СМЕРШ» и войск НКВД СССР с привлечением различного количества сил и средств правоохранительных структур государства, а также особенности и порядок взаимодействия с органами госбезопасности и воинскими частями Красной армии при обеспечении правопорядка в регионе.

Ключевые слова: немецкие диверсанты, украинские националисты, охрана тыла, органы госбезопасности, войска НКВД, проведение борьбы, Украина

Для цитирования: Зданович А. А., Климов А. А. Борьба с немецкими диверсантами и украинскими националистами на освобожденной территории Украины в 1943 году // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2023. Вып. 1 (850). С. 45–51. DOI 10.52070/2500-347X_2023_1_850_45

Original Article

The Fight Against German Saboteurs and Ukrainian Nationalists in the Liberated Territory of Ukraine in 1943

Alexander A. Zdanovich¹, Andrey A. Klimov²

^{1,2}Research Institute (Military History) of the Military Academy of the General Staff of the Armed Forces of the Russian Federation, Moscow, Russia

¹zdanovich52@gmail.ru

²andrey_klimov1968@mail.ru

Abstract. The article reveals the historical experience of the struggle against German saboteurs and Ukrainian nationalists during the liberation of Ukraine from the Nazi invaders in 1943. On the basis of archival documents and documentary sources, examples of service and combat activities of the personnel of the SMERSH bodies and the NKVD troops of the USSR, involving various numbers of forces and means of law enforcement agencies of the state, as well as features and procedure of interaction with state security agencies and military units of the Red Army in ensuring law and order in the region.

Keywords: German saboteurs, Ukrainian nationalists, home guard, state security agencies, NKVD troops, fighting, Ukraine

For citation: Zdanovich, A. A., Klimov, A. A. (2023). The fight against German saboteurs and Ukrainian nationalists in the liberated territory of Ukraine in 1943. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social Sciences, 1(850), 45–51. 10.52070/2500-347X_2023_1_850_45

ВВЕДЕНИЕ

Во время освобождения территории Украины в 1943 году немецко-фашистское командование прилагало значительные усилия к тому, чтобы максимально ослабить темпы наступления советских войск, а в лучшем случае – остановить их и заставить перейти к обороне.

Обстановка в оперативном тылу действующей Красной армии в период наступательных операций советских войск характеризовалась резким ростом разведывательной, диверсионной и другой подрывной деятельности немецкой разведки. Всего в 1943 году на советско-германском фронте действовало более 130 различных разведывательных органов противника. По данным Управления особых отделов НКВД СССР на апрель 1943 года против советских войск только на южном фланге советско-германского фронта были созданы 101-я (разведывательная), 202-я (диверсионная) и 303-я (контрразведывательная) команды абвера. Каждая из них, в свою очередь, состояла из 4–5 абвергрупп, приданных штабам армий [Великая Отечественная война, 2013]. Руководил данными подразделениями «Абверштелле Украина», дислоцированный в районе города Ровно.

Отдельно отметим диверсионную абвергруппу-203, дислоцированную в 1943 году последовательно в Донбассе, Днепропетровске и Николаеве.

Особая роль в подрывной деятельности немецко-фашистским командованием отводилась бандеровцам из Организации украинских националистов (ОУН) и Украинской повстанческой армии (УПА), которые под лозунгами создания «самостийного украинского государства» оказывали фашистским оккупантам значительную помощь путем выполнения разведывательных и диверсионных задач в тылу Красной армии [КГБ при СМ СССР, 1970].

Организацией борьбы с бандформированиями, диверсантами и националистическим подпольем на освобожденной территории Украины занимались органы «СМЕРШ», Народный комиссариат государственной безопасности (НКГБ) и Народный комиссариат внутренних дел (НКВД) СССР, которые проводили совместную работу с командованием Красной армии [Крылов, 1956].

ПРОВЕДЕНИЕ БОРЬБЫ С НЕМЕЦКИМИ ДИВЕРСАНТАМИ И УКРАИНСКИМИ НАЦИОНАЛИСТАМИ

Важное значение в проведении борьбы с немецкими диверсантами и украинскими националистами имела деятельность органов «СМЕРШ»,

которые были созданы 19 апреля 1943 года постановлением СНК СССР № 415-138сс. В документе указывалось, что «...Управление особых отделов НКВД СССР изъять из ведения НКВД СССР и передать народному комиссариату обороны, реорганизовав его в Главное управление контрразведки НКО «Смерть шпионам» [Органы государственной безопасности СССР ... 2008, с. 397].

В постановлении СНК СССР был изложен исчерпывающий перечень задач для органов военной контрразведки, что было подчеркнуто в тексте: «Установить, что органы «СМЕРШ» освобождаются от проведения всякой другой работы, не связанной непосредственно с задачами...» [там же, с. 198].

Структура органов военной контрразведки в армиях, на фронтах и военных округах была установлена применительно к структуре ГУКР НКО «СМЕРШ» и утверждалась народным комиссаром обороны.

На местах создавались управления и отделы контрразведки «СМЕРШ» фронтов, военных округов, армий, корпусов, дивизий, бригад, запасных полков, гарнизонов, укрепрайонов и учреждений Красной армии.

Для борьбы с бандформированиями, диверсантами и националистическим подпольем привлекались воинские части войск НКВД по охране тыла действующей Красной армии и внутренних войск НКВД СССР.

С учетом предстоящего освобождения от оккупантов территории УССР еще 13 февраля 1943 года на основании соответствующего приказа НКВД СССР был образован Украинский округ внутренних войск НКВД.

В 1943 году происходит усиление войск по охране тыла фронтов, участвующих в освобождении Украины: Воронежского фронта – на одну бригаду (17-я стрелковая бригада), Юго-Западного фронта – на один полк (143-й стрелковый полк) и две бригады (16-я и 25-я стрелковые бригады) войск НКВД (РГВА¹. Ф. 32880. Оп. 1. Д. 184. Л. 258). Командующему Степным фронтом генерал-полковнику И. С. Коневу поступила копия приказа НКВД СССР от 17 июля 1943 года № 001250 о преобразовании оперативной группы резервных частей войск НКВД в Управление войск по охране тыла Степного фронта (далее – 2-й Украинский фронт), в состав которого дополнительно вошло несколько пограничных частей (ЦАМО РФ². Ф. 240. Оп. 2839. Д. 10. Л. 215).

¹РГВА – Российский государственный военный архив.

²ЦАМО РФ – Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации.

В оперативном отношении начальник войск охраны тыла фронта подчинялся Военному совету фронта и выполнял все его указания по организации службы тыла фронта в соответствии с поставленными задачами.

С целью противодействия деятельности спецслужб противника и борьбы с немецкими диверсантами в войсках НКВД по охране тыла фронта были введены органы разведки: в управлении войск – разведывательные отделы или отделения, в штабе полка – разведывательное отделение, в штабе батальона – группы командиров-разведчиков. В штатах полков были введены разведывательные взводы. Одновременно с этим появились должности заместителей командира полка и командира батальона по разведке.

Принимаемые командованием войск НКВД меры позволили создать систему охраны тыла действующей Красной армии, что дало определенные положительные результаты (*РГВА. Ф. 32880. Оп. 5. Д. 262. Л. 5–7*). При этом данная система была достаточно гибкой, соответствовала характеру сложившейся обстановки.

При ведении Красной армией оборонительных операций охрана тыла фронта (армии) строилась глубокоэшелонированно, обычно в трех полосах [Некрасов, 1980].

В период наступления соединений и воинских частей Красной армии деятельность войск по охране тыла перестраивалась в зависимости от складывающейся обстановки на фронте и ситуации в освобожденных от оккупантов территориях. К примеру, советским спецслужбам было известно, что на Украине из числа немецких ставленников и пособников, а также дезертиров и лиц, уклонившихся от службы в Красной армии, имелось большое количество членов вооруженных бандитских групп. Участники бандформирований и подпольных националистических организаций распространяли среди населения националистическую литературу, вовлекали новых членов в подрывную деятельность ОУН – УПА. Поэтому, среди задач, решаемых органами «СМЕРШ» и войсками НКВД по охране тыла, важнейшее значение приобретала задача борьбы с бандформированиями украинских националистов.

По мере освобождения территории Украины от немецко-фашистских захватчиков значимость вопроса борьбы с диверсантами и шпионами, оставляемыми противником, резко возросла. Пока освобожденные территории входили в состав фронтового тыла (25–30 километров от линии фронта) в ней участвовали органы «СМЕРШ», войска НКВД по охране тыла действующей Красной армии и военнослужащие гарнизонов Красной армии.

Затем, по мере продвижения линии фронта на запад, борьбу продолжали военнослужащие войск НКВД, так как в соответствии с Постановлением Государственного комитета обороны от 4 января 1942 года обязанности гарнизонной службы в освобожденных районах выполнялись не воинскими частями Красной армии, а войсками НКВД.

Организация гарнизонной службы внутренними войсками НКВД подразумевала изъятие вражеских агентов совместно с органами «СМЕРШ» и госбезопасности, ликвидацию диверсионно-разведывательных групп, поддержание общественного порядка в населенных пунктах Украины.

В условиях войны особое значение приобрела организация взаимодействия командования войск НКВД СССР с органами госбезопасности, «СМЕРШ», воинскими частями Красной армии в деятельности по борьбе с вражеской агентурой, авиадесантами и диверсионно-разведывательными формированиями противника.

Например, в докладной записке начальника отдела контрразведки «СМЕРШ» 57-й армии Степного фронта от 31 августа 1943 г. № 003349 указывалось, что

«...в период подготовки к наступательным действиям 57-й армии были даны указания подчиненным отделам контрразведки об организации агентурно-оперативной работы по розыску и задержанию германских агентов-парашютистов, радистов, диверсантов, выявление всех приставших к частям и отставших от воинских частей военнослужащих, организовав их тщательную проверку, по задержанию дезертиров и изменников Родины, ставленников и пособников врага».

По договоренности с командованием армии были созданы заградительные отряды, силами которых на участках наступления проводится оперативная обработка территории, проческа лесных массивов, кроме того, были организованы подвижные розыскные группы, перед которыми была поставлена задача захвата важнейших документов органов разведки противника и выявления гласного и негласного аппарата немецких органов разведки, оставшихся в ходе наступательных операций наших частей.

Имеющиеся армейские заградительные отряды № 176 и 177, которые командующим армии в оперативном отношении подчинены нам, в условиях наступательных действий армии отряды выполняют розыскные функции и несут заградительную службу в районах коммуникаций дивизий и частей.

Заградительная служба армейских заградительных отрядов сочетается с организацией заградительной службы и розыскной работы, проводимой 143 пограничным полком, имеющим назначение по охране тыла армии.

Общие результаты всего комплекса работы отдела контрразведки «СМЕРШ» армии и 143 пограничного

полка за период наступательных действий выражаются в следующем:

всего задержано и подвергнуто оперативной обработке – 1879 человек;

из них арестовано – 152 человека» (*Архив УФСБ по Омской области*¹. Ф.40. Оп. 25. Д. 19. Л. 16–18).

Особое значение имела своевременная реализация оперативных данных органов «СМЕРШ» и госбезопасности. Аппараты военной контрразведки, зная предполагаемые планы командования на летние операции советских войск, отдавали себе отчет в том, что уже на начальном этапе освобождения некоторых районов Украинской ССР придется столкнуться с рядом новых проблем.

Первое – не просто контакты военнослужащих Красной армии с местным населением, а их неизбежное взаимодействие с теми, кто около двух лет находился в оккупации, подвергался идеологической обработке со стороны германского командования и оккупационных властей.

Второе – наличие германской агентуры из числа украинских националистов. Контрразведчики имели достоверную информацию о том, что советским военнопленным, по национальности украинцам, создавались в концентрационных лагерях более сносные условия, нежели представителям других славянских народов; зачастую, их вообще освобождали из лагерей, и они беспрепятственно уезжали в свои родные места. Многим из украинцев-военнопленных немецкие оккупационные власти предлагали перейти на службу в вермахт во вспомогательные подразделения, поступить в полицию и карательные батальоны, занять должности старост населенных пунктов.

Гитлеровцами были обозначены цели и задачи местной полиции в «восточных областях», в том числе на оккупированной территории Украины. Украинские формирования полиции получили название «Шума», т. е. «охранные подразделения» и были подчинены немецкой полиции порядка («Орпо»).

В конце февраля 1943 года отдел военной контрразведки 60-й армии Воронежского фронта захватил материалы делопроизводства «восточной охранной роты» при 377-й немецкой пехотной дивизии. Оказалось, что среди 164 человек большинство в этой роте составляли военнопленные, украинцы по национальности, в том числе 11 бывших старших лейтенантов и лейтенантов, 28 сержантов Красной армии. Все военнослужащие «восточной охранной роты» дали присягу

на верность германскому рейху (*Архив УФСБ по Омской области*. Ф. 40. Оп. 7. Д. 153. Л. 223об).

В спецсообщении для Военного совета фронта военные контрразведчики особо выделили документы на командиров взводов, бывших лейтенантов, украинцев по национальности, Смоляре и Татаренко. Германские офицеры характеризовали их как стойких и активных участников боев против советских войск. О деятельности и личном составе «восточной охранной роты» были проинформированы командование и политические органы Воронежского фронта для использования этих сведений в работе по укреплению морально-политического состояния военнослужащих Красной армии.

Третье и, пожалуй, самое главное – командованию советских войск приходилось проводить мобилизацию в освобожденных от врага территориях Украины. Новые бойцы вливались в воинские части Красной армии в спешном порядке, без глубокой фильтрации, с учетом необходимости быстрого пополнения личным составом подразделений, понесших потери в ходе боев.

Например, в спецсообщении Военному совету Воронежского фронта о борьбе с фактами измены Родине за июнь 1943 года указывалось, что из общего числа военнослужащих, намеревавшихся совершить переход на сторону врага, 13 % составляли мобилизованные жители Харьковской и Сумской областей Украины (*Архив УФСБ по Омской области*. Ф. 40. Оп. 24. Д. 2. Т. 1. Л. 206).

Кроме того, в ходе боевых действий имел место факт организации изменнической группы (девять человек) из числа украинцев, мобилизованных ранее на освобожденной территории. Группу создал и возглавил красноармеец 13-й артиллерийской дивизии М. Гикало. Обработывая сознания сослуживцев, он заявлял следующее: «Я не знаю за что я воюю, но за советскую власть я воевать не намерен. На Украине у меня живут все родственники и я хочу воевать за родную вольную Украину. Читал я в листовках, что у Гитлера есть украинские полки, которые борются за национальное освобождение Украины. Вот в такой полк я бы вступил с удовольствием...» (*Архив УФСБ по Омской области*. Ф. 40. Оп. 24. Д. 1. Л. 7).

Весной – летом 1943 года в освобожденных районах Украинской ССР были разоблачены лжепартизанские отряды, созданные спецслужбами Германии. Ярким примером здесь может служить оперативная работа, проведенная еще в начале марта 1943 года (при первом освобождении Харькова) Управлением контрразведки «СМЕРШ» Воронежского фронта по лжепартизанскому отряду «Барановского», действовавшему в Харьковской области. Отделом военной контрразведки 40-й

¹Архив УФСБ по Омской области – Архив Управления Федеральной службы безопасности России по Омской области.

армии из 304 человек «партизан» было выявлено 19 членов ОУН и еще 92 украинца-бывших полицейских (*Архив УФСБ по Омской области. Ф. 40. Оп. 24. Д. 189. Л. 2–6*).

Об этом сотрудники «СМЕРШ» незамедлительно проинформировали Военный совет и Политическое управление Воронежского фронта для учета в практической работе на освобождаемых территориях Украинской ССР.

В первой декаде августа 1943 года контрразведчиками «СМЕРШ» Степного фронта при попытке проникнуть в воинские части Красной армии был разоблачен еще один «партизанский отряд» под командованием бывшего майора Красной армии Астахова, якобы действовавший в городе Харькове.

Отряд состоял из 20 человек, оказавшихся в немецком плену. Почти все они являлись украинцами по национальности и поэтому были отпущены немцами к своим родным. Отдельные из членов отряда служили в эсесовских частях вермахта, выезжали в их составе во Францию для борьбы с местными партизанами, а затем возвратились в Харьков. Здесь эта группа немецких пособников была переформирована в «143-й Украинский полицейский батальон», который готовился к боевым действиям против воинских частей Красной армии. Батальон находился в распоряжении Главного управления германской полиции.

В июле 1943 года к данному батальону был присоединен и прибывший из Орла «146-й Украинский полицейский батальон» в количестве 140 человек. При наступлении советских войск и освобождении Харькова часть личного состава этих батальонов эвакуировалась с отступающими частями противника, а другая часть составила упомянутый выше лжепартизанский отряд (*Архив УФСБ по Омской области. Ф. 40. Оп. 25. Д. 16. Т. 2. Л. 342–345*).

Большое значение в борьбе с бандформированиями и диверсантами противника имела деятельность военно-полевых судов над карателями, предателями и другими активными пособниками немецко-фашистских оккупантов. Эти суды создавались на основе Указа Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 года, объявленного приказом народного комиссара обороны СССР № 0283. Одним из первых актов демонстративной казни стало решение военно-полевого суда 37-й гвардейской дивизии Центрального фронта в отношении карателя Г. Парасюка, служившего начальником полиции города Шостка Сумской области Украинской ССР. Он организовывал облавы на советских патриотов, участвовал в расстреле более 350 человек

и сожжении 200 граждан еврейской национальности. Этот каратель был оставлен немцами на освобожденной от оккупантов территории в Сумской области и пытался пробраться на службу в воинские части Красной армии, но был своевременно разоблачен. 14 июля 1943 года Г. Парасюк был повешен в присутствии большого числа жителей одного из райцентров.

Кроме того, отделом «СМЕРШ» 67-й гвардейской стрелковой дивизии 6-й гвардейской армии 12 августа 1943 года в селе Братенница, Богодуховского района, Харьковской области был арестован за предательскую деятельность А. Гринченко, который являлся секретарем Братенницкой сельуправы.

Свидетельскими показаниями было установлено, что А. Гринченко выдавал немцам советских активистов, которые ими были зверски замучены.

Военно-полевой суд, рассмотрев дело А. Гринченко, приговорил его к смертной казни через повешение. Приговор был приведен в исполнение в с. Братенница в присутствии местных жителей.

Отделом «СМЕРШ» 6-й гвардейской воздушно-десантной дивизии 11 августа 1943 года в освобожденном с. Карасевка, Золочевского района, Харьковской области был арестован полицейский этого села И. Лысак, который активно помогал немецко-фашистским оккупантам, участвовал в казнях мирных жителей района.

22 августа 1943 года решением военно-полевого суда И. Лысак был приговорен к смертной казни через повешение. Приговор был приведен в исполнение в присутствии жителей села Карасевка и военнослужащих нескольких воинских частей (*Архив УФСБ по Омской области. Ф. 40. Оп. 24. Д. 2. Л. 405*).

Как уже отмечалось в начальный период освобождения от оккупантов территории УССР большое значение имело проведение борьбы с украинскими националистами и бандформированиями УПА. Чекистские органы добыли к этому времени информацию о предполагаемых действиях украинских националистов против наступающих войск Красной армии. Например, 4-е управление НКГБ СССР в конце сентября 1943 года проинформировало органы контрразведки «СМЕРШ» о том, что успешное продвижение Красной армии вызвало усиленную активность украинских националистов на остающейся под оккупацией немецко-фашистских войск части Украины.

К октябрю 1943 года органы госбезопасности и аппараты «СМЕРШ» имели достаточно сведений о деятельности бандформирований УПА, включая и то, что они готовятся переходить на нелегальное положение в случае продвижения советских войск

по ранее оккупированной немецко-фашистскими войсками территории Украины.

Из разных районов Украинской ССР руководители зафронтовых оперативных групп докладывали, что украинские националисты стягивают с западных районов Украины свои вооруженные банды ближе к восточным областям. Южнее Житомира идет концентрация крупных, хорошо вооруженных бандформирований УПА. Конкретно в Житомире удалось обнаружить банду в 200 человек из числа местной интеллигенции. Подобные подпольные организации были созданы и в других городах.

Эти данные контрразведчики «СМЕРШ» довели до сведения военных советов армий и фронтов. Практически в это же время поступила информация о проведенном в сентябре 1943 года рейде первого отдела (бандформирования) УПА. По указанию командования УПА отдел маршем двинулся на восток. Шли бандиты под видом советских партизанских отрядов. Они имели при себе большой запас пропагандистской литературы националистического толка. «Пока придут новые силы, – говорилось в отчете по результатам рейда, – у первого отдела было задание по изучению территории, ведения разведки по красным партизанам, разведки в селах. Узнать людей, объединить сочувствующих, которые действительно помогли бы в работе отдела по ликвидации сексотов, ликвидации сети связанных красных... Отдел проводил свою работу последовательно и с успехом» [Украинские националистические организации ... 2012, с. 707].

Вслед за первым отделом в зону, приближенную к линии боевого соприкосновения советских и немецко-фашистских войск, прибыл и еще один отдел УПА с аналогичными задачами. Большая часть личного состава этих отделов осталась в указанной зоне для проведения националистической работы.

Украинскими националистами были созданы курсы для обучения сельских и районных руководителей ОУН. В этих же местах создавались боевые группы по 10–15 человек в целях проведения террористической работы в отношении небольших групп советских военнослужащих и местных органов власти. Захваченные у бандеровцев документы явно указывали на подготовку бандформирований ОУН к сопротивлению наступающим воинским частям Красной армии. Членам ОУН предлагалось оставаться на своих местах для ведения подпольной работы и боевых операций с целью захвата оружия, боеприпасов, обмундирования и продовольствия [там же].

Только в августе 1943 года отделами контрразведки «СМЕРШ» соединений и воинских частей Воронежского фронта было арестовано за измену Родине 268 человек. Из них 175 человек – из числа выявленных пособников немецко-фашистских оккупантов и изменников Родине, ранее добровольно перешедших на сторону противника. Большинство из них было идеологически обработано бандеровцами из ОУН в националистическом духе.

Этими же отделами контрразведки «СМЕРШ» в сентябре 1943 года на освобожденной от оккупантов территории Украины из числа гражданских лиц было выявлено и арестовано 27 человек агенты германских спецслужб. Часть этих арестованных имели связи с ячейками ОУН.

За весь период наступления войск Красной армии и освобождения некоторых областей Украины в 1943 году войсками НКВД во взаимодействии с органами «СМЕРШ» и госбезопасности Украинской ССР было ликвидировано на территории Украины 77 диверсионно-разведывательных групп и бандформирований украинских националистов (363 человека), при этом было убито восемь и арестовано 355 бандитов [Органы и войска НКВД СССР ... 2020].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В результате принятия своевременных мер руководством органов «СМЕРШ», НКГБ, НКВД СССР, войск по охране тылов фронтов и армий, а также организации взаимодействия с командованием Красной армии, удалось создать эффективную систему борьбы с бандформированиями украинских националистов, диверсионно-разведывательной и другой подрывной деятельностью спецслужб противника.

В современных условиях проведения специальной военной операции на Украине необходимо учитывать исторический опыт борьбы с бандформированиями, диверсантами и националистическим подпольем, особенно при:

- комплексном применении сил и средств правоохранительных органов страны, во взаимодействии с Вооруженными Силами РФ;
- обеспечении твердого порядка в тылу с привлечением межведомственных группировок войск и участием временных добровольческих формирований из числа местного населения региона;
- принятии неординарных решений в период проведения специальных и контртеррористических операций.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Великая Отечественная война. 1943. М. : Мосгорархив, 2013.
2. КГБ при СМ СССР: сборник. М. : Типография КГБ при СМ СССР, 1970. № 1 (45).
3. Крылов С. М. Борьба с диверсионно-разведывательными группами и отрядами противника во фронтовой наступательной операции: дис. ... канд. воен. наук. М., 1956.
4. Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 4. Кн. 1. М. : Русь, 2008.
5. Некрасов В. Ф. Внутренние войска Советского государства. 1917–1977 гг. М. : Воениздат, 1980.
6. Украинские националистические организации в годы Второй мировой войны. Документы: в 2 т. Т. 1. 1939–1943. М. : РОССПЭН, 2012.
7. Органы и войска НКВД СССР в годы Великой Отечественной войны. Военно-исторический труд: в 2 т. Т. II. М. : На боевом посту, 2020.

REFERENCES

1. Velikaya Otechestvennaya Voina. 1943. (2013). = The Great Patriotic War. 1943. Moscow: Mosgorarchiv. (In Russ.)
2. KGB pri SM SSSR: sbornik. (1970). = The KGB under the CM of the USSR: collection, 1 (45). Moscow: Printing house of the KGB under the CM of the USSR. (In Russ.)
3. Krylov, S.M. (1956). Borba s diverssionno-razvedivatel'nimi grypami i otradami protivnika vo frontovoi nastypatelnoi operazi = The fight against sabotage and reconnaissance groups and enemy detachments in a front-line offensive operation: PhD in military sciences. Moscow. (In Russ.)
4. Organy gosudarstvennoj bezopasnosti SSSR v Velikoj Otechestvennoj vojne. (2008). = The state security bodies of the USSR in the Great Patriotic War. Vol. 4. book 1. Moscow: Rus'. (In Russ.)
5. Nekrasov, V.F. (1980). Vnytrenie voiska Sovetskogo gosydarstva. 1917–1977 gg. = Internal troops of the Soviet state. 1917–1977. Moscow: Voenizdat. (In Russ.)
6. Ykraisnie nazionalistigeskie organizajii v gods Vtoroi mirovoi voins. Dokyments. V dvy tomas. (2012) = Ukrainian nationalist organizations during the Second World War. Documents. In two volumes. Vol. 1. 1939–1943. Moscow: ROSSPEN. (In Russ.)
7. Organy i vojska NKVD SSSR v gody Velikoj Otechestvennoj vojny. Voenno-istoricheskij trud. V dvuh tomah (2020). = Organs and troops of the NKVD of the USSR during the Great Patriotic War. Military-historical work. In two volumes. Vol. II. Moscow: Na boevom postu (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Зданович Александр Александрович

доктор исторических наук, доцент
старший научный сотрудник научно-исследовательского института (военной истории)
Военной академии Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации

Климов Андрей Алексеевич

доктор исторических наук, доцент
старший научный сотрудник научно-исследовательского института (военной истории)
Военной академии Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS:

Zdanovich Alexander Alexandrovich

Doctor of Historical Sciences, Associate Professor
Senior Researcher at the Research Institute (Military History)
of the Military Academy of the General Staff of the Armed Forces of the Russian Federation

Klimov Andrey Alekseevich

Doctor of Historical Sciences, Associate Professor
Senior Researcher at the Research Institute (Military History)
of the Military Academy of the General Staff of the Armed Forces of the Russian Federation

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

11.12.2022
11.12.2022
12.02.2023

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

Научная статья

УДК 327

DOI 10.52070/2500-347X_2023_1_850_52

Государственные трудовые резервы СССР в 1940–1950-х годах: жилищные условия и практики воспитания рабочей молодежи

Горлов В. Н.¹, Артемов С. Н.²^{1,2}Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия¹gorlov812@mail.ru²ar7emov.ser@yandex.ru

Аннотация. В послевоенном СССР активно развивалась система государственных трудовых резервов (ГТР). Для привлечения молодых рабочих в городах массово строились общежития. Вся система жизни в них и практики воспитания отражала политические, экономические и духовные процессы, происходящие в советском обществе. Общежития были средоточием всех проблем и противоречий советской системы. Власть уделяла большое внимание социальным аспектам системы ГТР. В статье рассмотрены методы коллективистских форм воспитания рабочих.

Ключевые слова: государственные трудовые резервы, общежитие, бытовые удобства, воспитание советской молодежи, коллективистские ценности, общественные интересы, рабочие кадры, жилищная неустроенность

Для цитирования: Горлов В. Н., Артемов С. Н. Государственные трудовые резервы СССР в 1940–1950-х годах: жилищные условия и практики воспитания рабочей молодежи // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. Вып. 1 (850). С. 52–59. DOI 10.52070/2500-347X_2023_1_850_52

Original Article

State Labour Reserves of the USSR in the 1940s and 1950s: living conditions and training practices of the working youth

Vladimir N. Gorlov¹, Sergej N. Artemov²^{1,2}Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia¹gorlov812@mail.ru²ar7emov.ser@yandex.ru

Abstract. In the post-war USSR, the system of state labor reserves (GTR) was actively developing. Dormitories were built en masse in cities to attract young workers. The whole system of life in them and the practice of education reflected the political, economic and spiritual processes taking place in Soviet society. Dormitories were the focus of all the problems and contradictions of the Soviet system. The authorities paid great attention to the social aspects of the GTR system. The article discusses the methods of collectivist forms of workers' education.

Keywords: State labor reserves, dormitories, household amenities, education of Soviet youth, collectivist values, public interests, workers, housing insecurity

For citation: Gorlov, V. N., Artemov, S. N. (2023). State Labour Reserves of the USSR in the 1940s and 1950s: living conditions and training practices of the working youth. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social Sciences, 1(850), 52–59. 10.52070/2500-347X_2023_1_850_52

ВВЕДЕНИЕ

Задача любого государства состоит в том, чтобы создать благоприятные условия для воспитания молодого поколения. Обращение к социальной политике советского государства помогает понять попытки перестроить бытовые отношения граждан на коллективистских началах. Без исследования советских рабочих общежитий трудно понять сущности общественных сдвигов в послевоенный период, когда советское общество переходило из преимущественно «сельского» в «городское» состояние.

Прежде чем говорить о феномене советского послевоенного общежития, укажем на составляющие такого феномена: коллективистская крестьянская психология (общинный уклад жизни); трудности послевоенного быта в городах и деревнях; традиции советского коллективистского воспитания. Несмотря на тесноту, общежития, как и коммунальные квартиры, помогали сохранить традиции русского общинного уклада. В советском городе, как и в русской дореволюционной деревне, долгое время сохранялась роль социального контроля, основанного на соседских отношениях. В общении людей территориальный признак имел определяющее значение, воздействуя на формирование личности.

Адаптация мигрантов из сельской местности к городским условиям всегда представляла собой большую проблему. Социокультурные противоречия имели свои особенности, влияющие на нормы социального поведения горожан. Молодые рабочие, приехавшие из сельской местности, сталкиваясь со столичными социальными и культурными нормами, оказывали воздействие на коренных москвичей своими деревенскими привычками общения и поведения. В традиционном крестьянском быту человек всегда находился у других на виду. Сельский тип поведения в общежитии рабочей молодежи (стремление к активному общению, включение в различные конфликты и ситуации, потребность быть в курсе всей деятельности соседей) был в значительной степени спровоцирован предметно-пространственной организацией социальной среды, которая исключала анонимность поведения.

ОБЩЕЖИТИЯ РАБОЧЕЙ МОЛОДЕЖИ

Несмотря на то, что в общежитиях уровень конфликтности оказывался довольно высоким, соседство в общежитии долгое время выполняло некоторые функции соседской деревенской общины. Проживающие в общежитии были в основном

выходцами из деревень со своими традициями общения, для которых не существовала расчлененность основных сфер жизнедеятельности людей (работа, быт, досуг и т. п.) и для которых соседские взаимоотношения были ведущими формами общения, выполняющими ряд социально-значимых функций. Соседская взаимопомощь была обычным повседневным явлением. Складывались «свои законы» поведения и взаимоотношений. Эти особенности жизни тех лет оказывали глубокое влияние на психологию советских граждан, стимулировали повышенную контактность, спонтанный коллективизм.

Великая Отечественная война наложила отпечаток на всю сферу межличностного общения. Общежития отвечали нелегким реалиям послевоенной эпохи, помогая адаптироваться к ним, органически вписываясь в городскую культуру. В послевоенное время были особенно важны соседская бытовая взаимопомощь, моральная поддержка, сочувствие. Общение по месту жительства всегда помогало осуществлять ряд социально-значимых функций: взаимопомощи, социального контроля, обмена информацией и др.

При изучении феномена советских общежитий особо остановимся на исключительно значимом суждении великого советского педагога А. С. Макаренко. Он писал: «Мы всё время должны воспитывать коллективные линии устремлений, а не только личные. Человек, у которого коллективная перспектива преобладает над личной, является уже человеком советского типа» [Макаренко, 1946, с. 70]. А. С. Макаренко считал, что общежития необходимы для воспитательной работы: «Необходимо самым решительным образом бороться с бытовой бесформенностью коллектива. Если ребята на производстве и в школе организованы, а в быту предоставлены случайным формам, воспитательные результаты всегда будут ниже. Спальня ни в коем случае не должна рассматриваться как общежитие. Спальня должна быть дополнительной формой трудового, хозяйственного и политического воспитания, группа ребят в спальне должна быть связана своими производственными удачами, неудачами, производственной борьбой, производственными злобами дня, успехами всего коллектива» [Макаренко, 1951, с. 152].

ФОРМИРОВАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ТРУДОВЫХ РЕЗЕРВОВ

Специальная по своему назначению и характеру система ремесленных учебных заведений стала создаваться в СССР в 1940 году. 2 октября 1940 года вышел Указ Президиума Верховного

Совета СССР «О государственных трудовых резервах», в котором была поставлена «задача организованной подготовки новых рабочих из колхозной и городской молодежи и созданию необходимых трудовых резервов для промышленности». В Указе отмечалось: «задачи дальнейшего развития промышленности требуют постоянного притока новой рабочей силы на заводы и фабрики» [Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам ... 1967, с. 774-775].

Для их формирования посчитали обязательным ежегодно обеспечить «для передачи в промышленность государственные трудовые резервы в количестве от 800 тыс. до 1 млн человек путем обучения колхозной и городской молодежи определенным производственным профессиям в ремесленных и железнодорожных училищах и школах фабрично-заводского обучения» [там же, с. 774–775]. После окончания учебного заведения они распределялись на предприятия и обязаны были проработать в соответствии с указанием Главного Управления трудовых резервов при СНК СССР (далее ГУТР) установленный период времени.

Указ Президиума Верховного Совета СССР «О государственных трудовых резервах» установил: «все окончившие РУ, ЖУ и школы ФЗО¹ считаются мобилизованными и обязаны проработать четыре года подряд на государственном предприятии по указанию ГУТР с обеспечением по месту работы зарплаты на общих основаниях».

Несмотря на разрешение укомплектовывать училища на добровольных началах, большинство будущих учащихся ремесленных училищ принудительно отправлялись на места по распределению ГУТР. Постановление Правительства СССР возлагало на руководство колхозов обязанности для укомплектования ремесленных училищ трудовых резервов набирать юношей 14–15 лет, а для отправки в школы ФЗО – юношей 16–17 лет. Юноши, привлеченные из колхозов, как правило, безвозвратно уезжали в города. Первоначальная идея заключалась в привлечении основной массы учащихся из сельской местности. Ежегодно деревня должна была лишаться 4 % мужского населения трудоспособного возраста [Фильцер, 2011]. Учебные заведения государственных трудовых резервов (далее ГТР) прикреплялись к предприятиям, для которых подготавливались рабочие кадры. Шла подготовка квалифицированных рабочих и планомерное их распределение по предприятиям. Создание системы учебных заведений содействовало подготовке необходимых для промышленности молодых

специалистов. Ежегодно многие тысячи выпускников ремесленных училищ различных специальностей направлялись на предприятия страны. Советское государство заботилось о молодых рабочих, уже окончивших ремесленное училище. Для этого в ГУТР была учреждена инспекция, которая контролировала распределение, назначение по специальности выпускников ремесленных училищ [Толстой, 1960].

Учащиеся ремесленных училищ в течение двух лет проживали в общежитии. По окончании учебного заведения они должны были отработать, как правило, на том же производственном объекте, при котором было учебное заведение. Рабочая молодежь как в учебном заведении, так и на предприятии была в положении вечной мобилизации, проживая все это время в общежитиях барачного типа. По окончании положенного периода трудовой деятельности на производстве рабочая молодежь призывалась по возрасту в армию на три года, а в специальных родах войск – на четыре года. Жизненный путь молодых людей опять протекал на казарменном положении в состоянии постоянной мобилизованности. Завершив службу в армии, молодые рабочие снова оказывались в общежитии. В течение длительного периода (10–15 лет) молодые советские граждане жили на казарменном положении. Они были лишены домашней индивидуальной благоустроенности, семейной атмосферы, постоянно находились под наблюдением администрации, коллег, не могли быть в полной мере самими собой.

Горожанам было проще, выходцам из деревни – тяжелее. Колхозная молодежь после Великой Отечественной войны рвалась в города, даже невзирая на правовое препятствие – паспортную систему. Они пополняли рабочие кадры, в первую очередь, в строительстве (электрики, сантехники, отделочники). Острая нужда в рабочей силе способствовала преодолению любых чиновничьих препятствий. Предприятиям были нужны рабочие с квалификацией, полученной в ремесленных училищах. Москва и другие крупные города СССР не могли обойтись без привлечения ГТР из сельской местности и городов из глубинки.

После Великой Отечественной войны объем жилищного строительства в СССР не поспевал за бурным ростом городского населения. Механический прирост населения столицы в 1950-е годы значительно превышал планируемый прирост. В городах нарастал жилищный кризис, особенно в первые мирные годы, когда с фронта и тыла нахлынул чужой бездомный люд. Проблемой для администрации предприятий было размещение вновь пришедших на предприятия рабочих. В январе

¹РУ – ремесленное училище; ЖУ – железнодорожное училище; ФЗО – фабрично-заводское обучение.

1955 года на пленуме ЦК КПСС Н. С. Хрущеву пришлось открыто признать, что за 1950–1954 годы из деревни в города переселилось более 9 млн советских граждан¹. Новые горожане проживали в рабочих общежитиях вдали от родной деревни, получая временное право на жительство и постепенно закреплялись в городе.

В городах СССР после войны довольно большая часть молодых людей жила в перенаселенных общежитиях, не имея возможности получить свою жилплощадь, жить среди родных. Они находились в обстановке, которая не обеспечивала им полноценный отдых и домашний комфорт. Быстрый рост городского населения СССР способствовал тому, что молодые люди годами проживали в общежитиях, не помышляя об отдельных квартирах. Трудно было покинуть коллективное жилье и приходилось привыкать к сожительству с незнакомыми людьми.

Строили общежития не только в виде отдельного здания или квартала, но и в виде целого городка. Преобладал барачный тип общежитий, в которых выделяемая жилая площадь для каждого рабочего была небольшой.

Молодые люди поступали в училища, готовившие ГТР с 14 лет. Следовательно, выпускники этих учебных заведений имели возраст 16–17 лет. На годы войны пришлось первые выпуски РУ и школ ФЗО, и в те годы общежития для них не строились. Первые проекты общежитий для выпускников РУ и школ ФЗО появились только в 1949 году [Проектирование зданий общежитий рабочей молодежи, 1952]. Такие общежития строили, прежде всего, крупные предприятия. В общежитиях проживала обычно молодежь, работающая на предприятиях, стройках, в жилищно-коммунальном хозяйстве, на транспорте. Для закрепления молодых рабочих на производстве необходимо было разработать наиболее экономичные типы зданий. Поэтому послевоенное возведение зданий общежитий для рабочей молодежи стало важной задачей для Правительства СССР.

Потребность обеспечить рабочую молодежь жильем исходила из плановых наборов в колхозах и городах, которые проводились ежегодно. Обучающиеся в РУ и школах ФЗО обеспечивались не только местом в общежитии и питанием, но одеждой и обувью. В то же время, благоустроенность общежитий была далеко не идеальной. Администрации заводов обязаны были обеспечить размещение в комнатах не более трех–четырех человек, выделить специальные комнаты для

хранения обуви и одежды, организовать кухни, обеспечить стирку белья [там же]. Бытовые удобства рабочей молодежи во многом определялись вместимостью жилых помещений.

Особенность советских общежитий заключалась в том, что здание обычно заселялось молодыми рабочими одного предприятия и место расположения общежития старались максимально приблизить к месту работы. Это значительно сокращало время на дорогу до работы и обратно, а также положительно сказывалось и на состоянии городского хозяйства, так как снижалась транспортная нагрузка.

ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ ПРИНЦИПА ВОСПИТАНИЯ В КОЛЛЕКТИВЕ И ЧЕРЕЗ КОЛЛЕКТИВ

Большое значение придавалось воспитательной работе с молодежью в общежитиях. Планировочная структура общежитий должна была отражать особенности бытового уклада рабочих, так как общежития были не только местом жительства, но и центром сосредоточения культурно-воспитательной деятельности. Одной из главных социальных задач была организация в общежитиях культурно-воспитательного режима. РУ и школы ФЗО обязаны были осуществлять воспитательный процесс подростков во время учебы. Сама атмосфера, обстановка в общежитиях учебных учреждений ГУТР играли важную роль в воспитательном процессе молодых учащихся, который направлялся, в первую очередь, на воспитание верности советскому социалистическому государству.

Грамотная постановка культурно-воспитательной работы в общежитии способствовала росту профессионального и общеобразовательного уровня молодых рабочих. Для решения этой задачи необходимо было так организовать здания общежитий, чтобы были созданы необходимые культурно-воспитательные условия. По этой причине общежития для молодых рабочих имели свои особенности, отличающие их от иных общежитий: в проектах были учтены комнаты дневного пребывания (комнаты отдыха или «красный уголок», столовые, комнаты для учебных занятий). Проект общежитий рабочей молодежи также предусматривал большое помещение для коллективно проводимого отдыха – вечеров, бесед, кинопросмотров, лекций. Общежития пополнялись предметами культурно-бытового назначения, которые были необходимы для учебных занятий и отдыха молодежи.

В советскую эпоху акцент был сделан на развитии коллективных общественных форм

¹Об увеличении производства продуктов животноводства. Доклад Н. С. Хрущева на Пленуме ЦК КПСС 25 января 1955 года // Правда, 1955, 3 февраля. № 34 (13332). С. 1.

воспитания, на формирование духа коллективизма как на производстве, так и в быту. В училищах и общежитиях за период обучения сохранялась атмосфера коллективного проживания, досуга, общеобразовательной деятельности. Руководство советского государства считало, что для молодых рабочих 16–18 лет необходимой стороной положительного результата воспитания является такое устройство быта, такая атмосфера отношений, которые смогут обеспечить осуществление принципа воспитания в коллективе и через коллектив. Для воспитания в коллективе считалось наиболее разумной и справедливой формой коллективное местожительство молодых рабочих, создание общежитий, которые смогут облегчить формирование навыков коллективизма в быту.

Воспитательная деятельность на предприятиях дополнялась воспитательной деятельностью в общежитиях. Поэтому штат сотрудников общежитий включал воспитателей, которые должны были иметь жизненный опыт и отличаться достаточным политическим развитием. Например, в общежитиях Главмосстроя воспитательную деятельность проводили 122 воспитателя (50 воспитателей с высшим и 72 воспитателя со средне-специальным образованием). Всего в Главмосстрое в середине 1950-х годов насчитывалось 593 общежития, где проживало 44 500 молодых рабочих (ЦГА¹ Москвы. Ф.П-7267, Оп. 2. Д.1. Л.4).

Воспитатели, которым вверялись группы учащихся, должны были организовывать досуг своих подопечных. Воспитатели организовывали самодеятельные коллективы, экскурсии, вели кружки текущей политики, организовывали ремонтные дружины, которые сами следили за сохранностью своего здания. За бытом молодых рабочих следили директор общежития, дежурный комендант, обслуживающий персонал. Для реализации политико-воспитательной работы в общежитиях создавались Советы общежития, осуществляющие контроль за выполнением правил социалистического общежития. Этот орган выполнял обширную всестороннюю работу в общежитии. Дежурные коменданты следили за порядком и личной гигиеной учащихся, совершали утренний обход спален, выявляя заболевших, осуществляли надзор за выполнением распорядка дня. Директор нес ответственность за организацию всей работы с молодежью.

Надо учитывать время, когда формировалась система ГТР. Тогда важное значение придавали коллективному, совместному характеру труда и отдыха советских граждан, в советской повседневности устанавливали и приводили в жизнь

коммунистические нормы жизни. Н. С. Хрущев призывал на XXI съезде КПСС «уже сейчас воспитывать человека будущего» [Материалы внеочередного XXI съезда КПСС, 1959, с. 121].

При общежитиях рабочей молодежи, согласно Постановлению Совета Министров СССР, устраивались интернаты, где молодежи предоставлялось питание за средства, перечисленные из заработной платы. Суммы перечисленных средств устанавливались Советом общежитий [Гольденберг, 1950]. Интернат обслуживался специальным штатом работников и возглавлялся заведующим. Директор предприятия назначал в интернат «политического руководителя» (политрука) для расширения политической и воспитательной работы среди молодежи. В основном интернаты устраивались для рабочих строительных профессий. Следует заметить, что были крупные предприятия, при которых работали целые учебные комбинаты – от школы до высшего учебного заведения [Гордон, Клопов, 1972]. В них молодые рабочие приобретали знания в свободное от производственной деятельности время. В общежитии были выделены отдельные комнаты для самоподготовки.

Строительство социализма предусматривало объединение трудовых и бытовых процессов, которые должны были составлять единый ансамбль человеческих отношений. В общежитии коллектив рабочей молодежи контролировал личные поступки в силу совместной трудовой деятельности и проживания. Молодые рабочие, помимо товарищеского контроля за своими коллегами, постоянно были под санитарным, организационным и политическим контролем коменданта общежития и всевозможных комиссий. Общежития послевоенных лет накладывали резкий отпечаток на мировоззрение и моральный облик советского человека. Для многих общежитие было единственным источником социального опыта общения в неформальном коллективе; оно играло огромную роль. В общежитии молодые рабочие проводили все свободное время.

Многое в быту в послевоенные годы напоминало общинные порядки, основу которых составляла главным образом общность социальных интересов. Она особенно чувствовалась в советских общежитиях, где потребность в самообслуживании ощущалась сильнее, где соседство ценилось более всего с точки зрения взаимопомощи в повседневном быту. Именно в общежитиях формировалась устойчивая, социально активная общность людей. На основе постоянных бытовых связей между соседями возникала и духовная близость, такие отношения перерастали в дружбу. Общежитие становилось социальным и пространственным феноменом, имело важное социокультурное

¹ЦГА – Центральный государственный архив

значение, выступая в качестве предпосылки для сближения людей, способствовало развитию межличностных контактов.

Среди причин, вызвавших к жизни феномен советских общежитий, называли неустроенность и неустойчивость быта того времени. Качество домов рабочих общежитий не отвечало росту социальных требований к жилищу и становилось социокультурной проблемой. Возросшие потребности населения обгоняли реальный рост материальной базы коммунального обслуживания. Необеспеченность молодых рабочих нормальными бытовыми условиями оборачивались проблемами семьи, снижением уровня рождаемости. Психологический дискомфорт проживающей в общежитии молодежи не могли компенсировать ни сфера обслуживания в общежитии, ни близкое расположение общежития к месту работы. Молодые рабочие даже в комфортном общежитии мечтали об отдельной комнате в коммунальной квартире при всех ее недостатках. Увеличение срока проживания в общежитии, уровня образования и возраста проживающего усиливали желание получить отдельную комнату. Продолжительность ожидания собственного угла могла длиться десять и более лет.

Мечты об отдельной комнате были вызваны, в первую очередь, социально-психологическими мотивами. Не каждый молодой человек годами был готов терпеть строго регламентированный распорядок дня проживания, единообразные услуги в общежитии, обязанность согласовывать свое поведение в общежитии с ее администрацией и с проживающими соседями. В общежитии в тесном соседстве вынуждены были жить люди самых разных вкусов и привычек. Повсеместно происходило вмешательство соседей в личную жизнь человека. Соответственно жильцов общежитий было гораздо легче контролировать, нежели людей, наделенных своей собственной жилплощадью. Избежать соседства, не общаться в общежитии, изолироваться от всех было невозможно. Повседневная жизнь в советском общежитии была абсолютно прозрачной.

Нежелание долго жить в общежитии объяснялось не только социально-психологическими мотивами, но и юридическими причинами. Обитатели общежития не могли считаться жильцами в традиционном смысле слова. Разрешение на проживание в общежитии не давало молодым рабочим гарантии жить в общежитии много лет, не защищало от выселения, не давало права распоряжаться жильем по своему усмотрению, не освобождало от постоянного вмешательства администрации.

В такой обстановке вопрос нравственного воспитания молодых рабочих приобретал важнейшее значение. Бытовые условия влияли и на

состояние здоровья, и на производительность труда, т. е. являлись одними из главных факторов, от которого зависел жизненный уровень советских трудящихся. Коммунальные стандарты с неизолированным жильем представляли собой целый слой социальной реальности города. Жилищная неустроенность, бытовые неудобства, психологические проблемы, атмосфера коммунального быта превращались в норму жизни, выплескивались в городскую среду.

Среди факторных методов текучести кадров следует выделить коммунально-бытовое обеспечение жильем. На предприятиях с наихудшими жилищными условиями наблюдалась и наибольшая текучесть кадров. Для советского государства было очень важно, чтобы на предприятиях работали постоянные кадры. Для закрепления их на производстве им предоставляли место в общежитии. Эта практика позволяла решать производственные задачи не за счет повышения производительности труда, а с помощью привлечения все новых рабочих.

Распоряжаясь жилым фондом, руководство предприятия обладало возможностью использовать это как инструмент принуждения и регулирования поведения сотрудников. В качестве законодательной базы этого инструмента выступал Указ Президиума Верховного Совета СССР от 1953 года, позволяющий «в виде исключения административное выселение из ведомственной жилплощади без предоставления жилой площади рабочих, прекративших трудовые отношения в связи с увольнением по собственному желанию или за нарушение трудовой дисциплины, или за совершение преступления» [Сборник законов СССР и указов ... 1956, с. 367]. По сути, этот указ устанавливал полукрепостную зависимость рабочей молодежи от администрации предприятий. Значительный и важный период жизни проходили молодые рабочие в общежитии, прекрасно понимая, что, если они потеряют рабочее место, то потеряют и возможность проживания в городе.

Предоставление мест в общежитии способствовало снижению текучести рабочих кадров и создавало условия для приглашения квалифицированных рабочих, которые получали временную прописку в городе и стимул для получения постоянной прописки. Поэтому им приходилось терпеть самоуправство администрации предприятия, даже если она нарушала Кодекс законов о труде (КЗоТ). Терпя произвол руководства предприятий, они, тем самым, способствовали установлению морально-психологического климата деспотизма, проецируя его на все советское общество. Квартиру с постоянной пропиской можно было получить при безупречном поведении на

работе и в быту, что для администрации предприятий было серьезным инструментом контроля над работниками.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Несколько поколений советских граждан провели часть своей жизни в общежитиях. Для одних молодых людей рабочее общежитие стало вторым домом с неплохими условиями для досуга, учебной деятельности и т. д. Другим повезло гораздо меньше, так как они проживали в помещениях, которые многие годы не ремонтировались, в которых не обеспечивался режим питания, не предоставлялся необходимый комплект мебели и инвентаря. Данные проблемы, в первую очередь, зависели от тех предприятий, которым общежития принадлежали.

Общежития как были, так и остались порождением советской эпохи. После войны они возводились как временное жилье. Однако постепенно оно перешло в положение неизменного. И сейчас сохранившиеся бараки представляют собой свидетельство жилищной неустроенности послевоенного времени.

В послевоенную эпоху в Советском Союзе большое внимание власть уделяла социальным аспектам системы государственных трудовых резервов. Советская эпоха показала, что между формой жилища и образом жизни советских граждан существовала закономерная взаимосвязь. Советские общежития были специфической функциональной единицей, звеном в структуре организации послевоенных городов. Общежития предстают как сложная социальная структура, для которой характерны свои, только ей присущие типы жизнедеятельности, поведения, взаимоотношений между людьми и формирующими ее предметно-пространственными элементами. Общежития становились не только структурным элементом советской системы градостроительства, но и формой организации социальной жизни. Поэтому проблемы общежитий рабочей молодежи необходимо рассматривать, в первую очередь, в тесной связи с социальными процессами.

Феномен советских общежитий рабочей молодежи доказывает неоднозначность и многообразность советской действительности с порожденным ею коллективистским образом жизни.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Макаренко А. С. Избранные педагогические произведения. М. : Учпедгиз, 1946.
2. Макаренко А. С. О воспитании молодежи. М. : Трудрезервиздат, 1951.
3. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам (1917–1967): Сборник документов за 50 лет. Т. 2. 1929–1940 гг. М. : Политиздат, 1967.
4. Фильцер Д. Советские рабочие и поздний сталинизм. Рабочий класс и восстановление сталинской системы после окончания Второй мировой войны. М. : Фонд «Президентский центр Б. Н. Ельцина», 2011.
5. Толстой Ю. К. Жилищные права и обязанности граждан СССР. М. : Госюриздат, 1960.
6. Проектирование зданий общежитий рабочей молодежи // Архитектура и строительство Москвы. 1952. № 3. С. 11–13.
7. Материалы внеочередного XXI съезда КПСС. М. : Госполитиздат, 1959.
8. Гольденберг А. М. Основные вопросы организации финансов социалистического жилищного хозяйства. М. : Госфиниздат, 1950.
9. Гордон Л. А., Клопов Э. В. Человек после работы: социальные проблемы быта и вне рабочего времени. М. : Наука, 1972.
10. Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР (1938 – июль 1956 гг.). М. : Госюриздат, 1956.

REFERENCES

1. Makarenko, A. S. (1946). *Izbrannye pedagogicheskie proizvedeniya* = Selected pedagogical works. Moscow: Uchpedgiz. (In Russ.)
2. Makarenko, A. S. (1951). *O vospitanii molodezhi* = About the education of young people. Moscow: Trudrezervizdat. (In Russ.)
3. *Resheniya partii i pravitel'stva po hozhajstvennym voprosam (1917–1967)*. (1967) = Party and government decisions on economic issues (1917–1967): A collection of documents for 50 years. Vol. 2. 1929–1940. Moscow: Politizdat. (In Russ.)
4. Filtzer, D. (2011). *Sovetskie rabochie i pozdny stalinizm. Rabochiy klass i vosstanovlenie stalinskoy sistemy posle okonchaniya Vtoroy mirovoy voyny* = Soviet workers and late Stalinism. The working class and the restoration of the Stalinist system after the end of World War II. Moscow, B. N. Yeltsin Presidential Center Foundation. (In Russ.)

5. Tolstoy, Yu. K. (1960). Zhilishchnye prava i obyazannosti grazhdan SSSR = Housing rights and obligations of citizens of the USSR. Moscow, Gosyurizdat. (In Russ.)
6. Proektirovanie zdaniy obshchezhitij rabochej molodezhi (1952) = Design of buildings for dormitories of working youth. Moscow, 3, 11–13. (In Russ.)
7. Materialy vneocherednogo XXI c'ezda KPSS. (1959) = Proceedings of the 21st Extraordinary Congress of the CPSU. Moscow: Gospolitizdat. (In Russ.)
8. Goldenberg, A. M. (1950). Osnovnye voprosy organizatsii finansov sotsialisticheskogo zhilishchnogo khozyaystva = The main issues of the organization of finance of the socialist housing economy. Moscow: Gosfinizdat. (In Russ.)
9. Gordon, L. A., Klopov, E. V. (1972). Chelovek posle raboty: sotsial'nye problemy byta i vnerabochego vremeni = A man after work: social problems of everyday life and out-of-work time. Moscow: Nauka. (In Russ.)
10. Sbornik zakonov SSSR i ukazov Prezidiuma Verhovnogo Soveta SSSR (1938 – ijul' 1956 gg.) (1956) = Collection of laws of the USSR and decrees of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR (1938 – July 1956). Moscow: Gosjurizdat. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Горлов Владимир Николаевич

доктор исторических наук, доцент
профессор кафедры исторических наук и архивоведения
Института гуманитарных и прикладных наук
Московского государственного лингвистического университета

Артёмов Сергей Николаевич

доктор исторических наук, профессор
заведующий кафедрой исторических наук и архивоведения
Института гуманитарных и прикладных наук
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Gorlov Vladimir Nikolaevich

Doctor of Historical Sciences, Associate Professor
Professor of the Department of Historical Sciences and Archival Studies
Institute of Humanities and Applied Sciences
Moscow State Linguistic University

Artemov Sergej Nikolaevich

Doctor of History (Dr. habil), Professor
Head of the Department of Historical Sciences and Archival Studies
Institute of Humanities and Applied Sciences
Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию	13.01.2023	The article was submitted
одобрена после рецензирования	03.02.2023	approved after reviewing
принята к публикации	12.02.2023	accepted for publication

Научная статья

УДК 327

DOI 10.52070/2500-347X_2023_1_850_60

Генезис Индо-Тихоокеанской стратегии Европейского союза (1992–2022)

Р. В. Китаев

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
romankita43@gmail.com

Аннотация. В статье решается вопрос генезиса Индо-Тихоокеанской стратегии Европейского союза 2021 года. В исследовании представлены результаты сравнительного анализа доктринальных документов Еврокомиссии, свидетельствующие о последовательном развитии взаимоотношений Брюсселя и стран Азии в парадигме Индо-Тихоокеанской идеи.

Ключевые слова: Европейский союз, Индо-Тихоокеанская стратегия, генезис, стратегические документы

Для цитирования: Китаев Р. В. Генезис Индо-Тихоокеанской стратегии Европейского союза через призму стратегических документов (1992–2022) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2023. Вып. 1 (850). С. 60–67. DOI 10.52070/2500-347X_2023_1_850_60

Original article

Genesis of the EU Indo-Pacific Strategy (1992–2022)

Roman V. Kitaev

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
romankita43@gmail.com

Abstract. The article is dedicated to the matter of genesis of the European Union Strategy for Cooperation in the Indo-Pacific, adopted on 16 September 2021. The article is founded upon the results comparative analysis of the strategic documents by European Commission. The results attest to the consecutive development of the EU's Asian policy in the framework of Indo-Pacific idea.

Keywords: European Union, Indo-Pacific Strategy, genesis, strategic documents

For citation: Kitaev, R. V. (2023). Genesis of the EU Indo-Pacific strategy (1992–2022). Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social Sciences, 1(850), 60–67. 10.52070/2500-347X_2023_1_850_60

ВВЕДЕНИЕ

Руководство ЕС 16 сентября 2021 года обнародовало материалы по Стратегии Европейского союза по сотрудничеству в Индо-Тихоокеанском регионе (ИТР)¹. В документе регламентируются текущие тенденции азиатского направления внешней политики ЕС, развитие идеи ИТР, как самостоятельного политического пространства на стыке акваторий Тихого и Индийского океанов в современном внешнеполитическом дискурсе. Его принятие подчеркнуло общность устремлений Брюсселя и США, использующих идею ИТР в качестве основы курса на сдерживание Китая. С учетом нарастающих противоречий России и стран условного «западного мира» имеет смысл предположить, что Индо-Тихоокеанская стратегия ЕС также может быть использована как основа политики сдерживания Москвы на обширном пространстве формирующегося региона. В связи с этим исследование обстоятельств принятия этого документа представляет интерес для отечественной науки.

Изучая особенности европейской стратегии в ИТР, отечественные исследователи уделяют минимум внимания историческим предпосылкам ее возникновения [Мельникова, 2021; Коновалов, 2022]. Вместе с тем тщательный анализ доктринальных документов ЕС, посвященных политике в Азии и сравнительный анализ действий, предпринятых на их основе, позволяет выявить тенденции, способствовавшие формированию и принятию вышеупомянутой стратегии на протяжении XXI века. Теоретическое осмысление генезиса Индо-Тихоокеанской стратегии ЕС способствует обозначению складывающихся трендов международных отношений в контексте нарастающих противоречий между условным Западом и не Западом.

ЗАРОЖДАЮЩИЕСЯ ТЕНДЕНЦИИ АЗИАТСКОЙ ПОЛИТИКИ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА

С момента своего образования ЕС позиционировал себя как политически активного актора. Так, уже в статье 2 Маастрихтского договора в числе основных целей союза были провозглашены достижение экономического и социального прогресса и способствование утверждению самобытности ЕС на международной арене, особенно посредством осуществления общей внешней политики

и политики безопасности (Treaty on European Union, 1992). Хотя сам договор не отражал приоритетные направления внешней политики ЕС, в нем была задана отправная точка для дальнейшего выстраивания политического целеполагания ЕС.

В 1994 году было опубликовано послание Еврокомиссии «На пути к новой стратегии в Азии», в котором подробно освещались предпосылки, направления сотрудничества с азиатскими странами и возможные механизмы их реализации. Послание охватывало взаимоотношения с 26 странами и экономическими зонами, поделенными на Восточную Азию (Китай, Япония, Тайвань, Монголия, КНДР, Республика Корея, Макао), Юго-Восточную Азию (страны Индокитаю и Индонезийского архипелага) и Южную Азию (Индия и сопредельные ей государства). Составители послания прямо обозначали срочную необходимость укрепления экономического присутствия ЕС в Азии «для сохранения за союзом ведущей роли в мировой экономике» [Towards a new Asia Strategy, 1994]. Они утверждали, что отсутствие успехов в формировании комплексной стратегии в отношении Азии приведет к снижению прибылей и конкурентоспособности европейских компаний по всему миру. В свою очередь европейские политики опасались, что это могло бы привести к сокращению степени доверия к ЕС со стороны потенциальных партнеров в других регионах [там же].

К числу общих целей, зафиксированных в Послании, относилось укрепление экономического присутствия ЕС в Азии, развитие международных связей и взаимопонимания, содействие экономическому развитию неблагополучных стран и регионов Азии и внесение вклада в развитие демократии, верховенства закона и уважения к фундаментальным правам и свободам человека в Азии. Для достижения этих целей предполагалось развитие как двусторонних отношений между азиатскими государствами и ЕС, так и взаимодействия по линии международных структур (АСЕАН, АТЭС). Значительная роль отводилась и политическому диалогу по вопросам безопасности, в повестку которого включались вопросы нераспространения вооружений, соблюдения прав человека и борьбы с наркоторговлей. Особое внимание уделялось экономической стратегии ЕС в Азии, предполагавшей не только активное инвестирование в азиатские страны и совместную борьбу с бедностью, но и значительный упор на лоббирование интересов союза и содействие в процессах перехода азиатских стран к рыночной экономике.

Таким образом, послание 1994 года представляло собой полноценную основу для дальнейшего стратегического планирования в вопросах политики ЕС в Азии. Этот документ был призван осветить направления взаимоотношений ЕС и азиатских

¹Joint Communication on the EU strategy for cooperation in the Indo-Pacific https://www.eeas.europa.eu/sites/default/files/jointcommunication_2021_24_1_en.pdf

стран, обозначить цели европейской политики в регионе и предложить основные способы их достижения. При этом экономические аспекты взаимоотношений ЕС и стран Азии в послании получили приоритетное освещение.

РАЗВИТИЕ АЗИАТСКОЙ ПОЛИТИКИ ЕС В НАЧАЛЕ ХХІ ВЕКА

Внешнеполитическая обстановка начала ХХІ века обусловила необходимость корректировки внешнеполитической парадигмы союза. В сентябре 2001 года было опубликовано послание Еврокомиссии под названием «Европа и Азия: стратегические рамки развития партнерства». В этом документе получил развитие ряд идей, высказанных политическими элитами союза в 1994 году. Так, например, было расширено определение границ «Азии» в контексте новой стратегии. В дополнение к Южной, Юго-Восточной и Северо-Восточной (Восточной в послании 1994 года) Азии в сферу интересов ЕС в регионе вошла Австралазия (Австралия, Новая Зеландия и прилегающие островные государства)¹.

В качестве основной цели азиатской политики ЕС на первое десятилетие ХХІ века было обозначено **фокусирование на расширении политического и экономического присутствия ЕС в регионе до уровня, соответствующего возрастающему весу расширяющегося ЕС на мировой арене**. Общие приоритеты в соответствии с заданной целью были обозначены следующим образом:

- внесение вклада в мир и стабильность как в Азии, так и во всем мире посредством расширения взаимоотношений ЕС со странами региона;
- дальнейшее развитие взаимного товарооборота и инвестирования в Азии;
- содействие развитию наименее развитых стран Азии, и противодействие глубинным причинам бедности;
- содействие распространению демократии, квалифицированного правления и верховенства закона;
- выстраивание глобального партнерства и альянсов с азиатскими странами в соответствующей международной среде с целью работы как с вызовами, так и с возможностями, создаваемыми глобализацией, а также укрепление совместных усилий в вопросах сохранения окружающей

среды и безопасности [Europe and Asia: A Strategic Framework for Enhanced Partnerships, 2001].

Повестка вопросов, включаемых в приоритеты азиатской политики ЕС, была значительно расширена. Послание 1994 года ставило во главу угла экономические аспекты евро-азиатских отношений. В документе 2001 года вопросам окружающей среды, здравоохранения и развития демократических режимов в Азии уделяется куда большее внимание. С этого момента ЕС начинает значительное переформатирование системы взаимоотношений со странами Азии. Так, в 2003 году было ратифицировано Соглашение о стратегическом партнерстве с Китаем, в 2004 – с Индией. Новоиспеченные партнеры приступили к выстраиванию сотрудничества в вопросах экономики, прав человека, технологического обмена, науки, культуры и образования.

В процессе выстраивания взаимоотношений с КНР, несмотря на объективные подвижки в экономических вопросах, таких как облегчение доступа китайских товаров на европейские рынки², вскоре возникли значительные затруднения. Так, стороны были вынуждены потратить несколько лет на поиск решения проблем, связанных с импортом китайского текстиля. Не меньшие трудности возникли при обсуждении вопроса о снятии эмбарго на экспорт европейской военно-технической продукции в КНР, о котором стороны так и не смогли договориться.

Не меньше сложностей существовало во взаимоотношениях с Индией. Несмотря на то, что в 2007 году стороны достигли договоренности о заключении соглашения о свободной торговле, переговоры так и не были окончены. Позиция Нью-Дели построена на либерализации требований ЕС к безопасности импорта индийских продуктов и облегчении положения индийских рабочих в странах союза. Со своей стороны, ЕС настаивает на либерализации индийской сферы услуг и иностранных инвестиций в Индии, требует отмены запрета на участие европейских компаний в тендерах по государственным закупкам. Расходятся позиции сторон и по вопросам сохранения интеллектуальной собственности. Индия отказывается принять высокие требования в этой сфере, на которых настаивают европейцы, в первую очередь из-за опасений уступить контроль за столь важной стратегической отраслью [Печищева, 2018].

В отличие от взаимоотношений с первыми тремя субрегионами, взаимоотношения со странами Австралазии были обозначены в общих чертах. Тем не менее будет ошибочным характеризовать дипломатические усилия ЕС в регионе как формальные.

¹ Австралазия – термин, употребляемый для обозначения региона, включающего Австралию и близлежащие территории (Тасмания, Новая Зеландия, Новая Гвинея и прилегающие острова севернее и восточнее Австралии в Тихом океане). Был введен в оборот французским историком и философом Шарлем де Брассом в трактате «История навигации в Южных морях» 1756 г.

² К 2005 г. Китай вышел на позиции главного поставщика импортной продукции в ЕС. Со своей стороны, ЕС стал главным торговым партнером КНР (19 % внешней торговли КНР).

В 2008 году были завершены переговоры Канберры и Брюсселя о соглашении, регулирующем торговлю винной продукцией. В 2012 году было подписано соглашение об обмене информацией относительно личных данных авиапассажиров. В 2015 году начались переговоры о создании зоны свободной торговли с участием ЕС и Австралии.

Вместе с тем стоит отметить, что азиатское направление внешней политики ЕС в этот период считалось приоритетным в сфере экономики, но не в других сферах. В частности, Азии было уделено недостаточно внимания в вопросах выстраивания безопасности ЕС, получивших актуальность в связи с нарастанием антитеррористической борьбы. Так, в Стратегии европейской безопасности от 2003 года упор делался на важность роли ЕС в решении глобальных проблем безопасности, а не на региональные проблемы. При этом в документе отмечалась необходимость участия ЕС в разрешении конфликтов на Корейском полуострове, а также активной поддержки в разрешении ситуации в Афганистане. Однако Стратегия не предлагала конкретных планов для осуществления этих целей. Дальнейшее развитие ЕС показало, что внимание Брюсселя оказалось сосредоточено больше на вопросах Косова, Ливии и Сирии, чем на проблемах азиатских партнеров.

Таким образом, с началом XXI века происходит расширение зоны охвата азиатской политики ЕС, фактически включившей в себя все территории будущего Индо-Тихоокеанского региона. Стоит также отметить, что по сравнению с 1994 годом ЕС значительно конкретизировал региональные приоритеты во взаимоотношениях с субрегионами Азии, а также более четко обозначил ключевых партнеров в каждом из них. При этом, несмотря на расширение направлений для выстраивания отношений, практические результаты проявились преимущественно в экономической сфере. Обозначив намерения сотрудничества со странами Азии во внеэкономических сферах, европейские политики не смогли добиться их претворения в жизнь. Несмотря на обновленное теоретическое основание, будущая индо-тихоокеанская политика ЕС всё еще нуждалась в значительной доработке.

ПОЛИТИКА ЕС В АЗИИ В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛЬНОЙ СТРАТЕГИИ 2016 ГОДА

По мере своего развития ЕС всё более отчетливо сталкивался с необходимостью исправления сложившегося дисбаланса между экономической мощью и политическими возможностями на международной арене. Достижение этих целей потребовало разработки стратегического документа,

охватывающего все направления европейской политики. Этим документом стала Глобальная стратегия безопасности ЕС «Общее видение, единый подход: сильная Европа», принятая в 2016 году.

Провозглашая самостоятельную роль ЕС в области безопасности, Стратегия позиционировала Союз глобального и регионального политического игрока. Отдавая приоритет роли ЕС в разрешении глобальных вызовов и проблеме взаимоотношений с Россией, Стратегия уделяла внимание и азиатской политике Брюсселя. В числе приоритетных направлений были выделены страны Восточной Азии и ИТР. Авторы документа предполагали сосредоточить усилия европейской дипломатии на расширении связей с Китаем, на углублении экономических отношений со странами ИТР, в частности на заключении соглашений о свободной торговле с Японией, Индонезией, Южной Кореей и, в долгосрочной перспективе – с ACEAN [Shared Vision, Common Action: A Stronger Europe, 2016]. С 2016 года европейские дипломаты проделали тщательную работу по подготовке и дальнейшему заключению Соглашений о свободной торговле с Австралией (2018), Японией (2019), Вьетнамом (2019), Сингапуром (2019). 30 июня 2022 года подошли к завершению переговоры о подписании соглашения о свободной торговле с Новой Зеландией, продолжаются переговоры о заключении подобных соглашений с Индией и Индонезией.

К числу значительных успехов ЕС на китайском направлении можно отнести завершение в 2020 году переговоров о подписании Всеобъемлющего инвестиционного соглашения, увенчавшего долгий процесс складывания торговых взаимоотношений Европы и КНР. Несмотря на то, что ратификация соглашения была приостановлена в 2021 году, Китай по-прежнему сохранил за собой ведущие позиции в европейском торговом балансе и лидерство в его азиатском секторе. Так, в 2020 году Китай стал третьим по величине потребителем европейских товаров и крупнейшим импортером продукции в страны ЕС. Импорт китайских товаров в страны ЕС составил 383,4 млрд евро, а экспорт товаров из ЕС в КНР достиг 202,6 млрд евро, продемонстрировав рост, несмотря на негативную ситуацию в мировой экономике. Для сравнения: объем импорта японских товаров в страны ЕС за тот же период составил 55 млрд евро¹. Индии – 32,9 млрд, Сингапура – 16,9 млрд, Австралии – 6,8 млрд².

¹Exchange of import statistics in 2020 based on Article 2.32 of the Japan-EU EPA https://www.mofa.go.jp/ecm/ie/page23e_000610.html

²Extra-EU trade by partner <https://appsso.eurostat.ec.europa.eu/nui/submitViewTableAction.do>

Развитие взаимоотношений ЕС со странами ИТР не ограничивалось экономическими целями. Так, в 2019 г. было подписано Соглашение о стратегическом партнерстве с Японией, охватывавшее сотрудничество в сферах безопасности, науки и технологий, транспорта, окружающей среды и т.д. Аналогичное соглашение спустя год было подписано с АСЕАН. В 2020 г. также началась работа по усовершенствованию условий сотрудничества ЕС и Индии. Ее результатом стало принятие Программы действий ЕС – Индия на 2020 год. Так называемая «дорожная карта», рассчитанная на пять лет, включает в себя вопросы взаимоотношений в сферах политики и безопасности, прав человека, сотрудничества в области энергетики и окружающей среды, расширение взаимодействий в научно-технической сфере, а также углубление контактов между гражданами ЕС и Индии.

Таким образом, несмотря на, казалось бы, не столь обширную концептуализацию, очевидна значительная интенсификация усилий ЕС по развитию своего присутствия в ИТР. Употребление этого понятия в Глобальной стратегии свидетельствует о формировании как идейного, так и материального базиса для оформления будущей Стратегии.

ИНДО-ТИХООКЕАНСКАЯ СТРАТЕГИЯ ЕС В 2018–2022 ГОДАХ

Описывая вопрос принятия ЕС Индо-Тихоокеанской стратегии, следует отметить, что непосредственные предпосылки к ее оформлению складывались в период с 2018 по 2022 год. Первым важным фактором стала позиция ведущих держав ЕС, включивших идею ИТР в структуру собственного стратегического планирования.

Так, уже в 2018 году была обнародована Индо-Тихоокеанская стратегия Франции, ставшая первым стратегическим документом уровня страны – члена ЕС, нацеленным на решение вопросов в формирующемся регионе. В принятой концепции Франция определяла свою роль как «посредническая, инклюзивная и стабилизирующая держава», которая стремится содействовать установлению «стабильности, основанной на законе, и многополярного порядка» в регионе¹.

С момента принятия Стратегии французское правительство активно приступило к ее реализации. За 2018–2019 годы удалось договориться о новых бизнес-соглашениях с китайской и индийской сторонами. Заключенные договоры охватывали сферы атомной энергетики (строительство

завода по переработке отработанного ядерного топлива в КНР и атомной электростанции «Джайтапур» в Индии) и гражданской авиации (300 лайнеров на 30 млрд евро для Китая, авиационные двигатели на 10–12 млрд для Индии). Также была намечена программа развития солнечной энергетики с Индией в рамках Международного солнечного союза.

Не менее важным в этом контексте является австралийское направление. В феврале 2019 года был подписан долгосрочный контракт с Австралией на поставку 12 подводных лодок проекта «Barracuda». При активном содействии новозеландского премьер-министра Дж. Ардерн в мае 2019 года была запущена новая многосторонняя инициатива – «Крайстчерчский призыв», призванная консолидировать усилия государств и цифровых компаний в борьбе против экстремизма в цифровом пространстве [Чихачев, 2020].

Также в 2020 году был опубликован германский стратегический документ «Стратегические приоритеты в Индо-Тихоокеанском регионе»², в котором ИТР был объявлен «приоритетом германской внешней политики». Предполагая вероятную экономическую зависимость от взаимоотношения с экономиками стран региона, правительство ФРГ делало основной акцент на недопущении эскалации региональных конфликтов и диверсификации отношений со странами региона, в том числе и в вопросах науки, культуры, образования. Вместе с тем в сравнении с региональными усилиями Франции политика Германии в отношении ИТР выстраивалась относительно пассивно. К числу немногих политических шагов ФРГ можно отнести отправку в регион фрегата «Бавария» на период с августа 2021 по февраль 2022 года в рамках совместных военно-морских учений с кораблями флотских соединений США, Японии, Австралии и ведущих стран ЕС [Чихачев, Гуляев, 2022]. Скованность политики Германии в ИТР с момента принятия стратегии можно объяснить как нежеланием германского правительства идти на открытую конфронтацию с Китаем, так и сосредоточением основных усилий на борьбе с пандемией Covid-19 и проблематике европейско-российских отношений.

Вместе с тем говорить об исключительной роли американского фактора, как основы принятия Европой идеи ИТР, было бы не совсем верно. Уже в 2019 году при анализе взаимоотношений США и ЕС в контексте нарастающей конфронтации Вашингтона и Пекина отмечался низкий уровень взаимодействия между союзниками относительно

¹France's Indo-Pacific Strategy https://www.diplomatie.gouv.fr/IMG/pdf/en_dcp_a4_indopacifique_022022_v1-4_web_cle878143.pdf

²Policy guidelines for the Indo-Pacific region <https://rangun.diplo.de/blob/2380824/a27b62057f2d2675ce2bbfc5be01099a/policy-guidelines-summary-data.pdf>

позиции по сдерживанию Китая [Приходько, 2019]. В отличие от американцев, европейские элиты демонстрировали активное нежелание открытого противостояния с КНР, в том числе и из-за вовлеченности в экономический проект «Один пояс, один путь». Те же тенденции отмечали и западные аналитики, рекомендовавшие наращивать усилия по координации политических позиций относительно ИТР между США и Европой. Признавая, то, что Евросоюз не готов открыто принять Индо-Тихоокеанскую идею из-за нежелания идти на разрыв отношений с Китаем, американские эксперты предлагали сделать упор на общность интересов США и ЕС. По их мнению, это давало Европе возможность солидаризироваться с США без необходимости формального принятия ИТР как концепции [Brattberg, Le Corre, 2019].

Принятие Евросоюзом Индо-Тихоокеанской стратегии, на первый взгляд, свидетельствовало о значительном сближении позиций США и Европы по политике в регионе. Однако оформление в сентябре 2021 года военного союза AUKUS, сопровождавшееся срывом контракта на поставки подводных лодок между Францией и Австралией в пользу аналогичного соглашения между Канберрой и Вашингтоном, наглядно продемонстрировало неготовность США учитывать непосредственные интересы как минимум ведущих стран ЕС.

В европейском научном сообществе также возникали определенные сомнения в возможности ЕС встроиться в концепт Индо-Пацифики с учетом ситуации с AUKUS. Так, эксперт Центра исследований европейской политики Захарий Пайкин утверждает, что в силу географического отдаления континентальной части ЕС от ИТР Брюссель не сможет укрепить свое стратегическое присутствие в регионе в военном плане. Он полагает, что даже если европейские политики согласятся смириться с политикой администрации Байдена, это не снимет возможной обеспокоенности Вашингтона относительно претензий ЕС на более самостоятельное позиционирование себя в пределах ИТР [Paikin, 2021].

Тем не менее это не помешало сторонам приступить в декабре 2021 года к консультациям на высшем уровне относительно политики в ИТР. В ходе совместных обсуждений представители ЕС и США отметили сложившуюся общность интересов в вопросах защиты прав человека в ИТР, поддержки здравоохранения, а также инфраструктурного

строительства [EU-US: Joint Press Release by the EEAS and Department of State on the High-Level Consultations on the Indo-Pacific, 2021]. Тем не менее практическое воплощение обсуждаемых инициатив так и не было инициировано.

Таким образом, к 2022 году сложились ключевые предпосылки к принятию Индо-Тихоокеанской стратегии. Позиция ведущих стран ЕС под влиянием США обеспечила базу для принятия Брюсселем идеи Индо-Пацифики как основы азиатской политики. Несмотря на снижение внимания к ИТР, в свете нарастания противоречий, спровоцированных событиями на Украине, ЕС сохраняет потенциал для расширения своего влияния в ИТР.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исследование доктринальных документов ЕС, посвященных регламентированию его политики в Азии, позволяет выявить четкую историческую тенденцию к принятию европейскими элитами идеи Индо-Тихоокеанского региона, как одной из основных политических парадигм. С 1994 года пространственные параметры азиатской стратегии последовательно расширялись, охватив территории современного ИТР уже в начале XXI века. Таким образом, принятие Стратегии исторически важно, как акт фиксирования проявившихся ранее тенденций политического позиционирования ЕС в регионе.

При этом стоит отметить такие тенденции зарождающейся Стратегии, как первенство экономических факторов в выстраивании отношений и фактический приоритет КНР в выстраиваемой структуре региональных партнерств. Обращение к идее ИТР в доктринальных документах можно рассматривать, как попытку сбалансировать эти тренды в пользу большей диверсификации политических действий ЕС в Азии.

Также стоит отметить, что вопреки складывающемуся впечатлению о выборе такого геополитического вектора под влиянием США, генезис Стратегии свидетельствует о самостоятельном выборе ЕС в пользу ИТР как геополитической концепции. Трения между Вашингтоном и Брюсселем в ИТР наиболее ярко проявились в кейсе образования AUKUS. Они подтверждаются также отсутствием практических действий по координированию политики в регионе.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Мельникова Ю. Ю. Стратегия ЕС в Индо-Тихоокеанском регионе: внутренние драйверы и фактор КНР // Гуманитарные науки // Вестник Финансового университета. 2021. № 2. Т. 12. С. 31–37.
2. Коновалов И. А. Индо-Тихоокеанский регион в установках доктринальных документов Великобритании, Франции и Германии // Вестник Центра изучения международных отношений в Азиатско-Тихоокеанском регионе. 2022. Вып. 7. С. 30–38.
3. Towards a new Asia strategy // EUR-Lex. 1994, June 13. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:51994DC0314&from=EN>
4. Europe and Asia: A Strategic Framework for Enhanced Partnerships // EUR-Lex. 2001, September 04. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:52001DC0469&from=en>
5. Печищева Л. А. Индия – ЕС: перспективы сотрудничества // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2018. Вып. 2 (800). С. 160–166.
6. Shared Vision, Common Action: A Stronger Europe: A Global Strategy for the European Union's Foreign And Security Policy // European External Action Service. 2016, June. URL: https://www.eeas.europa.eu/sites/default/files/eugs_review_web_0.pdf
7. Чихачев А. Ю. Основы современной внешней политики Франции в Индо-Тихоокеанском регионе // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2020. Вып. 1 (838). С. 111–123.
8. Чихачев А. Ю., Гуляев Е. В. Стратегии Франции и Германии в Индо-Тихоокеанском регионе // Мировая экономика и международные отношения. 2022. № 5. Т. 66. С. 59–67.
9. Приходько О. В. США – Европа: китайский фактор и пределы трансатлантической солидарности // США и Канада: экономика, политика, культура. 2019. № 4. Т. 49. С. 5–30.
10. Brattberg E., Le Corre P. The Case for Transatlantic Cooperation in the Indo-Pacific // Carnegie Endowment for International Peace. 2019, December URL: https://carnegieendowment.org/files/WP_BrattbergLeCorre_FINAL1.pdf
11. Paikin Z. AUKUS and the Strategic Compass / Towards a European 'third way' in the Indo-Pacific? // CEPS. 2021, December 21. URL: <https://www.ceps.eu/aukus-and-the-strategic-compass/>
12. EU-U.S.: Joint Press Release by the EEAS and Department of State on the High-Level Consultations on the Indo-Pacific// European External Action Service. 2021, December. URL: https://www.eeas.europa.eu/eeas/eu-us-joint-press-release-eeas-and-department-state-high-level-consultations-indo-pacific_en

REFERENCES

1. Melnikova, Yu. Yu. (2021). EU Strategy in the Indo-Pacific region: Domestic drivers and the Chinese factor. Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University, 12(2), 31–37. (In Russ.)
2. Konovalov, I. A. (2022) Indo-Pacific in British, French and German Strategig Guideline Documents. Vestnik of the scientific centre of studies of international relations in the Asia Pacific region. The digest of articles of an international scientific conference, 30–38. (In Russ.)
3. Towards a new Asia strategy (1994, June 13). EUR-Lex. <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:51994DC0314&from=EN>
4. Europe and Asia: A Strategic Framework for Enhanced Partnerships (2001, September 04). EUR-Lex <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:52001DC0469&from=en>
5. Pechishcheva, L. A. (2018). India – the EU: The perspectives of cooperation. Vestnik of the Moscow State Linguistic University. Social Sciences, 2(800), 160–166. (In Russ.)
6. Shared Vision, Common Action: A Stronger Europe: A Global Strategy for the European Union's Foreign and Security Policy (2016, June). European External Action Service. https://www.eeas.europa.eu/sites/default/files/eugs_review_web_0.pdf
7. Chikhachev, A. Y. (2020). Basics of French Foreign Policy in Indo-Pacific Region. Vestnik of the Moscow State Linguistic University. Social Sciences, 1(838), 111–123. (In Russ.)
8. Chikhachev, A. Y., Guliaev, E. V. (2022). French and German Strategies in the Indo-Pacific. World Economy and International Relations, 66 (5), 59–67 (In Russ.)
9. Prikhodko, O. V. (2019). The United States – Europe: The Chinese Variable and Limits of Transatlantic Solidarity. USA & Canada: Economics, Politics, Culture, 49(4), 5–30. (In Russ.)
10. Brattberg, E., Le Corre, P. (2019, December) The Case for Transatlantic Cooperation in the Indo-Pacific. Carnegie Endowment for International Peace. https://carnegieendowment.org/files/WP_BrattbergLeCorre_FINAL1.pdf
11. Paikin, Z. (2021, December 21) AUKUS and the Strategic Compass/Towards a European 'third way' in the Indo-Pacific? CEPS <https://www.ceps.eu/aukus-and-the-strategic-compass/>
12. EU-U.S.: Joint Press Release by the EEAS and Department of State on the High-Level Consultations on the Indo-Pacific// European External Action Service. 2021, December. URL: https://www.eeas.europa.eu/eeas/eu-us-joint-press-release-eeas-and-department-state-high-level-consultations-indo-pacific_en

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Китаев Роман Викторович

аспирант кафедры международных отношений и внешней политики России
Института международных отношений и социально-политических наук
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Kitaev Roman Viktorovich

Postgraduate Student of the Department of International Relations and Foreign Policy of Russia
Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию	20.09.2022	The article was submitted approved after reviewing accepted for publication
одобрена после рецензирования	28.01.2023	
принята к публикации	12.02.2023	

Научная статья

УДК 327

DOI 10.52070/2500-347X_2023_1_850_68

Педагогическая деятельность комбрига Н. М. Потапова в Московском институте иностранных языков

Корнеев В. В.¹, Данилова Н. Н.²

¹Российский государственный социальный университет, Москва, Россия

vvkorni86@bk.ru

²Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия

danani@list.ru

Аннотация.

В статье освещаются малоизвестные факты педагогической деятельности в Московском институте иностранных языков (ныне МГЛУ) крупного военного специалиста РККА, генерал-лейтенанта царской армии Н. М. Потапова. Основные методы исследования – анализ, синтез, обобщение, систематизация. На основе изучения архивного материала авторы пришли к выводу, что Н. М. Потапов был востребованным специалистом, продуктивно и увлеченно обучавшим студентов французскому военному переводу.

Ключевые слова:

Московский институт иностранных языков, Н. М. Потапов, СССР в 30-е годы, педагогическая деятельность, военный перевод

Для цитирования:

Корнеев В. В., Данилова Н. Н. Педагогическая деятельность комбрига Н. М. Потапова в Московском институте иностранных языков // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2023. Вып. 1(850). С. 68–75. DOI 10.52070/2500-347X_2023_1_850_68

Original article

Pedagogical Activity of Brigade Commander N.M. Potapov at the Moscow Institute of Foreign Languages

Vladimir V. Korneev¹, Nadezhda N. Danilova²

¹Russian State Social University, Moscow, Russia

vvkorni86@bk.ru

²Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

danani@list.ru

Abstract.

The article highlights little-known facts about the pedagogical activity at the Moscow Institute of New Languages (now MSLU) of a prominent military specialist of the Red Army, lieutenant general of the tsarist army N. M. Potapov. The main research methods are analysis, synthesis, generalization, systematization. Based on the study of archival material, the authors concluded that N.M. Potapov was a sought-after specialist, productively and enthusiastically teaching students French military translation.

Keywords:

Moscow Institute of New Languages, N.M. Potapov, USSR in the 30s, pedagogical activity, military translation

For citation:

Korneev, V. V., Danilova, N. N. (2023). Pedagogical activity of brigade commander N. M. Potapov at the Moscow Institute of Foreign Languages. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social Sciences, 1(850), 68–75. 10.52070/2500-347X_2023_1_850_68

ВВЕДЕНИЕ

С момента основания с 1930 года в Московском институте иностранных языков (МИИЯ) (ныне МГЛУ)¹ трудились яркие и неординарные личности. Одним из них являлся Николай Михайлович Потапов (1871–1946), генерал-лейтенант Русской императорской армии, полиглот, современник и участник больших исторических событий первой половины XX века. Он стоял у истоков создания Красной Армии, советского военного законодательства и военной печати, являлся активным участником операции «Трест»².

Имя Н. М. Потапова отражено в справочной и исторической литературе, где он представлен, прежде всего, как военный специалист [Россия в Гражданской войне. 1918–1922, 2021]. Вместе с тем значительное место в жизни этого человека занимала педагогическая и научная деятельность, о которой известно значительно меньше. Редко сообщается о том, что с 1932 года и до своей кончины в 1946 году он преподавал в Московском Инязе.

В архиве Московского государственного лингвистического университета сохранилось личное дело Н. М. Потапова. Сведения, извлеченные из этого дела, а также из других документальных источников, стали основой настоящей статьи. Авторы публикации поставили перед собой цель – раскрыть исторические условия и осветить некоторые обстоятельства педагогической деятельности Н. М. Потапова. Полагаем, что данная сторона жизни Н. М. Потапова значима не только с познавательной точки зрения. Знания о педагогической деятельности Н. М. Потапова способствуют сохранению традиций Московского государственного лингвистического университета.

ЗНАНИЕ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ И СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ

Международная обстановка в 1930-е годы характеризовалась нарастанием межгосударственных противоречий, вызванных экономическими кризисами капитализма, противоречиями Версальско-Вашингтонской системы, появлением и распространением фашизма. Положение СССР на

международной арене определялось двумя факторами. С одной стороны, неуклонно повышалась роль Советского Союза в мире. С другой стороны, нарастала угроза безопасности СССР – первого в мире социалистического государства. Внешнеполитическая обстановка заметно повлияла на особенность внутривнутриполитического курса в стране.

В области внутренней политики перед СССР стояла задача всесторонней модернизации общества и создания основ социалистического строя в том понимании, которое было присуще тогдашнему руководству страны. Поэтому организация системы подготовки профессиональных кадров приобретала важнейшее значение.

С конца 1920-х годов ЦК ВКП(б) постоянно указывал на необходимость улучшения «дела подготовки красных специалистов для всех отраслей государственного строительства» [КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986), 1984, т. 4, с. 361]. Поскольку хозяйственное производство требует «всемерного внедрения ... высших достижений не только нашей, но и заграничной науки и техники» [там же, с. 355], необходимы были специалисты, знающие иностранные языки. Впоследствии с развертыванием социалистического строительства требования к знанию иностранных языков только повышались.

Вместе с тем документы свидетельствуют, что действовавшая тогда система профессиональной подготовки кадров отставала от запросов общества и государства. На ноябрьском Пленуме ЦК ВКП(б) 1929 года речь шла не только о количестве, но и о качестве подготовки новых специалистов. В частности, в постановлении «О кадрах народного хозяйства» отмечалось крайне слабое исполнение решения ноябрьского 1928 года Пленума ЦК ВКП(б) относительно использования иностранного опыта. Для преодоления этих недостатков предлагался ряд мер: увеличить количество работников, отправляемых за границу; шире использовать внутри страны зарубежных специалистов; обеспечить учреждения и ведомства иностранной технической литературой, организацию чтения лекций иностранными специалистами, а также «изучение студентами и молодыми специалистами иностранных языков» [КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986), 1984, т. 5, с. 23]. В свою очередь, это повлекло за собой необходимость улучшения школьного образования, в том числе усиление внимания государства к подготовке учителей иностранных языков. Тем самым активизация подготовки педагогических кадров стала следствием объективных процессов, а также частью спланированной политики руководства страны

¹Первоначальное название вуза – «Институт Новых языков в Москве», сокращенно «МИИЯ». В 1934 г. МИИЯ преобразован в Московский педагогический институт новых языков (МОПИИЯ), в 1935 – в Московский государственный педагогический институт иностранных языков (сначала – МОГПИИЯ, затем – МГПИИЯ) [МГЛУ – 85 лет, 2016, с. 68–69].

²Операция «Трест» – спланированная органами ВЧК-ГПУ в 1922–1925 гг. операция по дезинформации и дезорганизации антисоветских организаций за рубежом (Прим. авт.).

по созданию в стране профессиональных кадров высшей квалификации.

ВЫСШИЕ УЧЕБНЫЕ ЗАВЕДЕНИЯ СТРАНЫ В 1930-Е ГОДЫ

В 1930-е годы социалистическое строительство обусловило коренные и масштабные изменения в системе высшего образования по двум направлениям. С одной стороны, возрастало количество вузов, численность студентов и профессорско-преподавательского состава, с другой стороны – совершенствовался учебно-воспитательный процесс, преодолевался разрыв между теоретической и практической подготовкой студентов, улучшалось материально-бытовое положение профессорско-преподавательского состава и студентов и др.

Так, в начале первой пятилетки (1928 / 29 учеб. год) страна насчитывала 152 высших учебных заведения со 176,6 тыс. студентов. К концу пятилетки (1931 / 32 учеб. год) имелось 701 высшее учебное заведение с количеством студентов, превышавшим 405 тыс. человек [Чуткерашвили, 1961]. К началу третьей пятилетки (1938 / 39 учеб. год) в СССР насчитывалось уже 708 вузов, в которых обучалось 602,9 тыс. студентов [Дейнеко, 1957]. Подчеркнем, что наибольший численный рост вузов происходил в РСФСР. В 1927 / 28 учебном году в республике было 90 вузов и 114,2 тыс. студентов, в 1940 / 41 – 481 и 478 тыс. соответственно. По сравнению с до-революционным временем число высших учебных заведений в РСФСР к 1940 / 41 учеб. году возросло почти в семь раз (с 72 до 481), а контингенты студентов – почти в шесть (с 86,5 тыс. до 478 тыс.). Вообще, по количеству студентов РСФСР в 1940 / 41 учебном году превосходила Великобританию, Германию, Францию, Италию и Японию, вместе взятые [Чуткерашвили, 1961, с. 181, 189].

Применительно к нашей теме особо отметим рост педагогических вузов в 1930-е годы. По данным П. Н. Шимбирева, если в 1927 году в СССР насчитывалось 27 педагогических вузов с 15,5 тыс. студентов, то в 1937 / 38 учебном году – 239 со 149,8 тыс., а в 1940 году – 398 (включая и университеты) со 204,1 тыс. студентов [Шимбирев, 1947]. Другими словами, количество педагогических вузов в стране с начала первой пятилетки возросло практически в 15 раз; в результате, педвузы к началу войны составляли более половины всех высших учебных заведений страны. Одновременно в 1930-е годы в педагогических вузах происходят качественные изменения. С целью повышения их профессиональной составляющей совершенствовалась направленность и повышалось качество обучения;

отменялась производственная практика на предприятиях и в колхозах, усиливались требования к прохождению студентами педагогической практики и т. п. Всё это, в конечном счете, создавало ту особую общественную и нравственную атмосферу, в которой протекала учеба студентов, педагогическая деятельность вузовских преподавателей, в том числе и комбрига Н. М. Потапова.

НАЧАЛО РАБОТЫ Н. М. ПОТАПОВА В МИНЯ

Готовясь к поступлению на работу, Н. М. Потапов представил в институт необходимые документы и заполнил соответствующие анкеты. Судя по записи в личном листке по учету кадров, на момент его заполнения (май 1932 г.) Н. М. Потапов находился в резерве высшего начальствующего состава Политуправления РККА (*Архив МГЛУ. Л. 4*). Согласно трудовой книжке, на момент поступления в МИНЯ общий трудовой стаж Потапова составлял 44 года, а педагогический стаж в вузах – 12 лет (*Архив МГЛУ. Л. 2–3*). В карточке учета преподавательских кадров в графе «сведения о совместительстве» Н. М. Потапов записал: «основная должность – редактор иностранной литературы в Военгизе»¹. Здесь же, в разделе «общее количество научных работ и перечень главнейших из них», указал: «более крупных – ок. 15 оригинальных и ок. 12 переводных; менее крупных статей и записок несколько десятков» (*Архив МГЛУ. Л. 47*). Что касается знания иностранных языков, то в личном листке по учету кадров было зафиксировано: «владеет свободно» – французский, немецкий и сербский; «читает и переводит со словарем» – английский, итальянский, польский, чешский (*Архив МГЛУ. Л. 4*). Через три года в автобиографии Николай Михайлович назовет также болгарский язык, с пометкой «читаю, но не пишу и не говорю». Такая же запись была сделана и в отношении польского языка [Потапов, 1989].

В автобиографии Н. М. Потапова, составленной в 1935 году и впервые опубликованной в 1989 году, говорится о том, что в Московском институте новых языков он стал работать с 1932 года «доцентом на французском факультете» [там же, с. 75]. Документы, находящиеся в личном деле, конкретизируют данный факт. Согласно «трудовому списку»², трудовой книжке и приказу по Ин-

¹Военгиз – гос. воен. изд-во, созданное в 1924 г. В настоящее время – Военное издательство Министерства обороны РФ (*Прим. авт.*).

²«Трудовой список» – документ, подтверждающий трудовой стаж в государственных, кооперативных и общественных организациях. В него вносились общие данные (дата и номер приказа о приеме на работу, должность, размер заработной платы и др.). В качестве документа введен в СССР в 1926 г. вместо расчетной книжки. Упразднен в 1939 г. в связи с введением трудовой книжки единого образца (*Прим. авт.*).

ституту № 1242 от 21 ноября 1932 года, Н. М. Потапов зачислен в МИНЯ 1 сентября 1932 года «исполняющим обязанности доцента военной кафедры для проведения занятий по французскому военному переводу» (*Архив МГЛУ*. С. 2). Причем, фигурирующий в автобиографии Потапова «французский факультет» в то время еще не существовал. Первоначально в состав института входило две секции: педагогическая и переводческая. В 1932–1933 гг. добавились секции технической информации и экскурсионно-переводческая. В это же время в институте работали сектор заочного обучения и подготовительные курсы. В каждой секции функционировало три отделения – английского, немецкого, французского языков. И только в 1935 году отделения и секции были преобразованы в факультеты [МГЛУ – 85 лет, 2016; Бюллетень, 1930].

С 1931 года в МИНЯ на всех отделениях было введено преподавание военного дела. Военное обучение, которое проходили все студенты, включало в себя общевоинскую подготовку, основы военно-санитарной службы, военный перевод. Обязательными являлись военные сборы, которые проводились летом и зимой с выездом студентов и преподавателей в военные лагеря. В начале 1932 года в Инязе была организована кафедра военных наук, где студенты проходили военную подготовку [Помним! Московский Иняз в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., 2020]. По-видимому, создание этой кафедры и стало предпосылкой приема на работу в МИНЯ Н. М. Потапова. О самом же Потапове как о военном специалисте и знатоке французского языка в институте, вероятнее всего, знали по линии военных структур и учреждений. Н. М. Потапов в 1921–1924 годы работал старшим преподавателем по французскому классу, а затем и заведовал кафедрой французского языка в Военной Академии РККА (*Архив МГЛУ*. Л. 19, 33). В 1923 году Потапов составил для слушателей Академии РККА первый военный француско-русский словарь, который ныне является библиографической редкостью.

Итак, с 1 сентября 1932 года, практически с момента основания военной кафедры, Н. М. Потапов стал преподавателем французского военного перевода. Но как объяснить, что Потапов был назначен «исполняющим обязанности доцента»?

В октябре 1932 года Президиумом ЦИК СССР был утвержден типовой Устав высшей школы, которым предусматривались следующие категории вузовских преподавателей: профессор, доцент, ассистент и преподаватель [Синецкий, 1947]. Потапов, не имевший тогда ученого звания, был назначен сразу «и.о. доцента», т. е. без промедлений

был принят на достаточно высокую должность. На наш взгляд, подобное решение было обусловлено острой потребностью вуза в подобного рода специалистами, а также лингвистическими способностями самого Н. М. Потапова.

Что касается преподавателей «исполняющих обязанности», то в 1930-х годах в вузах страны это было обычным явлением. К примеру, в 1937 году из числа 27 432 преподавателей 1145 профессоров и 4602 доцентов находились в данном статусе [Чуткерашвили, 1978].

ПРЕПОДАВАТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ Н. М. ПОТАПОВА

1930-е годы для Московского Иняза являлись особой эпохой, временем поиска организационных форм, решения творческих педагогических задач, создания учебно-материальной базы. Напомним банальный, но очень важный факт. В нашей стране такой вуз создавался впервые. Отсюда многочисленные трудности. До 1936 года учебные занятия проходили в самых разных помещениях и частях Москвы и, как правило, в вечернее время. Бывшие студенты вспоминали, что остро не хватало преподавателей, учебников и пособий. Но всё это компенсировалось энтузиазмом и огромной тягой к учебе большинства студентов, ответственным отношением к своему делу преподавателей [МГЛУ – 85 лет, 2016; МГЛУ – 80 лет, 2010]. Первое постоянное здание Иняз получил после расформирования Коммунистического университета национальных меньшинств Запада им. Мархлевского в Петровском переулке. В 1939 году постановлением Экономического Совета при Совнаркоме Союза ССР институту передавалось здание на Метростроевской ул., 38 (ныне Остоженка, 38)¹.

До конца 30-х годов Н. М. Потапов в основном находился в статусе внешнего совместителя, поскольку основным местом его работы являлся Военгиз. В июне 1936 года он вновь был определен в кадры РККА и назначен начальником отдела переводной литературы Управления Государственного военного издательства при Народном комиссариате обороны СССР. Через месяц ему было присвоено звание «комбрига»² [Россия в Гражданской войне, 2021]. В мае 1938 года Н. М. Потапов

¹История университета. Официальный сайт МГЛУ. URL: <https://linguanet.ru/ob-universitete/istoriya-universiteta/>

²**Комбриг** 1. первичное воинское звание высшего командного состава в Сухопутных войсках и Военно-воздушных силах Советской Армии в 1935–1940 гг.; 2. сокращенное название должности командира бригады [Военный энциклопедический словарь, 1986].

был уволен из кадров РККА в отставку по возрасту, но, по-видимому, продолжал работать в Военгизе.

Основные должности, которые занимал Н. М. Потапов в Инязе — «преподаватель», «и. о. доцента», «доцент» на военной кафедре, либо на французском факультете. Основная читаемая дисциплина — французский военный перевод. Некоторое время Н. М. Потапов работал на условиях почасовой оплаты. В 1932 году для должности «и.о. доцента» она составляла 8 руб. 33 коп. / час., включая оплату за отпуск (*Архив МГЛУ. Л. 49*). В отдельные периоды его педагогическая деятельность оплачивалась в соответствии со штатно-должностным расписанием. В декабре 1939 года, имея полставки должности доцента, Н. М. Потапов получал оклад в 350 руб., в 1942 году на полную ставку как заведующий секцией французского языка общеполитической кафедры перевода и штатный старший преподаватель перевода — 700 руб., затем в 1943 году — 550 руб. в месяц за полставки старшего преподавателя (*Архив МГЛУ. Л. 51, 60*). Учебная нагрузка соответствовала установленным нормам. В 1939 году для должности преподавателя военного перевода она составляла 10 часов в неделю, т. е. примерно 350–370 часов в год (*Архив МГЛУ. Л. 51*). Как и другим преподавателям, Потапову, несмотря на статус внешнего совместителя, предоставлялся летом ежегодный отпуск, который составлял 56 суток.

Для всего профессорско-преподавательского состава, студентов, администрации и хозяйственных работников вуза особым периодом в их жизни и деятельности стала Великая Отечественная война. В это время Николай Михайлович был уже в преклонном возрасте, но, как и другие советские люди, стремился по мере сил помогать своей Родине. 16 октября 1941 года он был освобожден от работы в связи с эвакуацией института из Москвы, но уже меньше чем через пять месяцев вновь приступил к своим обязанностям. 4 марта 1942 года Николай Михайлович написал заявление на имя директора института И. А. Жолдака с просьбой о восстановлении его на работе. Резолюция директора на этом заявлении была следующей: «Использовать, представить на утверждение». В этот же день был подписан приказ о назначении Н. М. Потапова с 5 марта 1942 года на полную ставку заведующим секцией французского языка общеполитической кафедры перевода и одновременно старшим преподавателем военного перевода (*Архив МГЛУ. Л. 55*). Однако участвовавшие болезни не давали возможность Потапову работать в полную силу. С 1942 по начало 1946 года он часто болел, из-за чего вынужден был в 1943 году перейти на полставки. При этом руководство института не раз предоставляло

Николаю Михайловичу отпуск по болезни с сохранением заработной платы.

С самого начала работы Николая Михайловича в Инязе отношение к нему со стороны руководства было самым благожелательным. В январе 1933 года в отзыве военной кафедры было сказано: «Тов. Н. М. Потапов, проводя занятия во всех французских группах по военному переводу, проявил в высшей степени добросовестное отношение к своим обязанностям. Не имея учебника для занятий, разработал учебные материалы для каждого занятия и общую программу по военному переводу. Владея несколькими языками и имея законченное высшее военное образование, в полной мере соответствует званию доцента» (*Архив МГЛУ. Л. 24–25*). Данную характеристику Н. М. Потапов заслужил всего лишь спустя полгода после начала преподавательской деятельности в институте (!) В январе 1935 года на кафедре подняли вопрос о присвоении Потапову ученого звания «доцент». 13 ноября 1935 года на заседании Совета вуза данное ходатайство было поддержано (*Архив МГЛУ. Л. 16, 23*). Видимо, именно тогда на Н. М. Потапова был составлен следующий отзыв: «т. ПОТАПОВ Николай Михайлович состоит преподавателем Института с 1 сентября 1932 года. В совершенстве владея французским языком, хорошо зная языки немецкий и английский, т. ПОТАПОВ является исключительно ценным языковым педагогом и потому, как квалифицированный военный специалист, занимавший ответственные должности в Старой и Красной Армии (в рядах последней состоит и в настоящее время), образцово поставил дело обучения военному переводу студентов, сознательно усваивающих под его руководством военную терминологию на изучаемом языке.

Кроме академических занятий т. ПОТАПОВ — в порядке общественной нагрузки все время ведет занятия в кружках военного перевода. Как педагог, всегда педантичный в явке на занятия, ровный и корректный в обращении, и всегда готовый в любое время помочь студентам, ПОТАПОВ заслуженно пользуется большим уважением своих слушателей. За свою ударную работу был за три года дважды премирован...». Отзыв подписали директор Института Якубовский, секретарь партийного комитета Гаврилов и председатель профсоюзного комитета Гальперин (*Архив МГЛУ. Л. 26*).

Получить ученое звание доцента Н. М. Потапову в 1935–1936 годах не удалось. Постановлением Совета Института 20 апреля 1936 года ему было присвоено звание преподавателя (*Архив МГЛУ. Л. 59*). Ученое звание доцента по кафедре «Военная подготовка» будет присвоено Н. М. Потапову Высшей аттестационной комиссией Всесоюзного

комитета по делам высшей школы при СНК СССР 8 июля 1944 года (*Архив МГЛУ. Л. 15*).

Возвращаясь к оценке педагогической деятельности Н. М. Потапова в институте, укажем и на другие факты. В процессе работы над статьей нами были изучены архивные документы в Институте российской истории Российской академии наук (ИРИ РАН, личный фонд Н. М. Потапова), где указано на две грамоты, которыми Николай Михайлович был награжден в МОПИИЯ. Одна из них – «за подготовку педагогических кадров», другая – «за высококачественную постановку военно-переводческой подготовки (к XVI годовщине РККА)» (*Научный архив ИРИ РАН. Фонд 8, опись 1*). В архиве также сохранились рабочие материалы, использовавшиеся Потаповым при подготовке к учебным занятиям – сотни вырезок из газет, журналов, листовок с фотографиями, схемами, таблицами по военной тематике, с пояснениями на русском и иностранных языках. Эта своеобразная «педагогическая лаборатория» показывает, как обстоятельно Николай Михайлович готовился к лекциям и практическим занятиям. Кроме того, он продолжал заниматься публикационной деятельностью, судя по сохранившимся и неопубликованным рукописям (*там же*). 12 марта 1946 года приказом № 33 Николай Михайлович Потапов был исключен из списка МГПИИЯ «ввиду смерти» (*Архив МГЛУ. Л. 60; Архив МГЛУ. С. 4–5*).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Социалистическое строительство, успехи Советского Союза на дипломатическом фронте создавали предпосылки для расширения контактов СССР с зарубежными странами с целью изучения

и внедрения внутри государства передового опыта западных держав, а также для отстаивания собственных интересов на международной арене. Лозунг «Иностранные языки – в массы!», выдвинутый в конце 1920-х годов, стал частью большой программы форсированной модернизации советского общества. В результате, в 1930-х годах со стороны государства усилилось внимание и возросли требования к изучению иностранных языков, началась масштабная подготовка преподавателей, в первую очередь, французского, немецкого и английского языков. Одновременно принимались меры по улучшению материально-бытового положения студентов и преподавателей, повышению социального статуса педагогических работников.

Московский институт иностранных языков, созданный в годы первых пятилеток, нуждался в профессиональных кадрах, которые подбирались не только в столице, но и по всей стране. Как показывает настоящее исследование, определяющим условием приема на работу являлась квалификация человека, его лингвистические и педагогические способности. Бывший дворянин, генерал-лейтенант царской армии Н. М. Потапов имел прекрасную языковую подготовку, немалый опыт общения в иноязычной среде, большой объем военных знаний и желание работать на благо своей страны. До самой смерти, почти до 75-летнего возраста, комбриг Н. М. Потапов ответственно подходил к организации учебного процесса, продолжал заниматься переводческой и научно-исследовательской деятельностью. Именно поэтому в Инязе Николай Михайлович пользовался большим почетом и уважением. Данный пример показывает, что социальное происхождение

«бывших» не всегда являлось отрицательно определяющим компонентом их последующей служебной и профессиональной деятельности в советском государстве.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Россия в Гражданской войне. 1918–1922: Энциклопедия: в 3 т. Т. 2. / отв. ред. А. К. Сорокин. М. : Политическая энциклопедия, 2021.
2. Московский государственный лингвистический университет – 85 лет. М. : ИПК МГЛУ «Рема», 2016.
3. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). Т. 4. 1926–1929. 9-е изд., доп. и испр. М. : Политиздат, 1984.
4. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). Т. 5. 1929–1932. 9-е изд., доп. и испр. М. : Политиздат, 1984.
5. Чуткерашвили Е. В. Развитие высшего образования в СССР. М. : Высшая школа, 1961.
6. Дейнеко М. М. 40 лет народного образования в СССР / под ред. М. Ф. Шабоевой. М. : Министерства просвещения РСФСР, 1957.
7. Шимбирев П. Н. 30 лет советского высшего педагогического образования // Вестник высшей школы. 1947. № 11. С. 36–41.

8. Потапов Н. М. Автобиография // Военно-исторический журнал. 1989. № 10. С. 75–78.
9. Московский государственный лингвистический университет – 85 лет. М. : ФГБОУ ВО МГЛУ, 2016.
10. Бюллетень Народного комиссариата по просвещению РСФСР. 1930. № 24.
11. Помним! Московский Иняз в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. / авт.-сост. И. А. Климова ; предисл. и ред. Н. Н. Даниловой. М. : ФГБОУ ВО МГЛУ, 2020.
12. Синецкий А. Я. Формирование профессорско-преподавательских кадров высшей школы // Вестник высшей школы. 1947. № 11. С. 24–35.
13. Чуткерашвили Е. В. В годы строительства социализма // Вестник высшей школы. 1978. № 1. С. 38–42.
14. Московский государственный лингвистический университет – 80 лет. М. : ИПК МГЛУ «Рема», 2010.
15. Военный энциклопедический словарь / пред. гл. ред. комиссии С. Ф. Ахромеев. М. : Воениздат, 1986.

REFERENCES

1. Sorokin, A. K. (Ed.) (2021). Rossiya v Grazhdanskoy voyne = Russia in the Civil War. 1918–1922: Encyclopedia: in 3 vols. Moscow: Political Encyclopedia, Vol. 2. (In Russ.)
2. Moskovskiy gosudarstvennyy lingvisticheskiy universitet – 85 let. (2016) = Moscow State Linguistic University – 80 years. Moscow: IPK MGLU «Rema». (In Russ.)
3. KPSS v rezolyutsiyakh i resheniyakh s'yezdov, konferentsiy i plenumov TSK (1984) = The CPSU in the resolutions and decisions of congresses, conferences and plenums of the Central Committee (1898–1986). T. 4. 1926–1929. 9th ed., supplement. and correct. Moscow: Politizdat. (In Russ.)
4. KPSS v rezolyutsiyakh i resheniyakh s'yezdov, konferentsiy i plenumov TSK (1984) = The CPSU in the resolutions and decisions of congresses, conferences and plenums of the Central Committee (1898–1986). T. 5. 1929–1932. 9th ed., supplement. and correct. Moscow: Politizdat. (In Russ.)
5. Chutkerashvili, Ye. V. (1961). Razvitiye vysshego obrazovaniya v SSSR = Development of higher education in the USSR. Moscow: Higher School. (In Russ.)
6. Deyneko, M. M. (1957). 40 let narodnogo obrazovaniya v SSSR = 40 years of public education in the USSR. Moscow: State Educational and Pedagogical Publishing House of the Ministry of Education of the RSFSR. (In Russ.)
7. Shimbirev, P. N. (1947). 30 years of Soviet higher pedagogical education. High School Bulletin, 11, 36–41. (In Russ.)
8. Potapov, N. M. Autobiography. (1989). Military History Journal, 10, 75–78. (In Russ.)
9. Moskovskiy gosudarstvennyy lingvisticheskiy universitet – 85 let. = Moscow State Linguistic University – 85 years. (2016). Moscow: FGBOU VO MSLU. (In Russ.)
10. Byulleten Narodnogo komissariata po prosveshcheniyu RSFSR. (1930) = Bulletin of the People's Commissariat for Education of the RSFSR, 24. (In Russ.)
11. Moskovskiy gosudarstvennyy lingvisticheskiy universitet i Velikaya Otechestvennaya voyna 1941–1945 gg. (2020) = Moscow State Linguistic University and the Great Patriotic War 1941–1945. Moscow: FGBOU VO MSLU. (In Russ.)
12. Sinetskiy, A. Ya. (1947). Formation of professors and teachers in higher education. High School Bulletin, 11, 24–35. (In Russ.)
13. Chutkerashvili, Ye. V. (1978). During the years of building socialism. High School Bulletin, 1, 38–42. (In Russ.)
14. Moskovskiy gosudarstvennyy lingvisticheskiy universitet – 80 let. (2010) = Moscow State Linguistic University – 80 years. Moscow: IPK MGLU «Rema». (In Russ.)
15. Akhromeev, C. F. (Ed.) (1986). Voennyj jenciklopedicheskij slovar' = Military Encyclopaedic Dictionary. Moscow: Voenizdat. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Корнеев Владимир Владимирович

кандидат исторических наук, доцент
доцент кафедры комплекса гуманитарных дисциплин (субъект-субъектные отношения)
Российского государственного социального университета

Данилова Надежда Николаевна

кандидат филологических наук
доцент кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации
факультета заочного обучения
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Korneev Vladimir Vladimirovich

PhD (History), Associate Prof.
the Department of the Complex of Humanitarian disciplines (subject-object relations)
Russian State Social University.

Danilova Nadezhda Nikolayevna

PhD (Philology), Associate Prof.
the Department of Linguistics and Intercultural Communication
the Faculty of Distance Education
Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию	29.12.2022	The article was submitted
одобрена после рецензирования	29.01.2023	approved after reviewing
принята к публикации	12.02.2023	accepted for publication

Научная статья

УДК 327

DOI 10.52070/2500-347X_2023_1_850_76

Проблемы комплектования армии в Канаде в разгар Первой мировой войны (по материалам канадской прессы)

Е. С. Симоненко

*Приморская государственная сельскохозяйственная академия, Уссурийск, Россия
eka-1982.82@mail.ru*

Аннотация. В статье рассматриваются особенности процесса комплектования канадского экспедиционного корпуса в разгар Первой мировой войны и проблемы, которые сопровождали добровольческий набор. Исследуются трудности, с которыми столкнулись власти, а также меры, направленные на стимулирование вербовочной кампании. В результате стало ясно, что в условиях продолжавшейся войны единственным выходом из сложившегося положения являлось введение в Канаде конскрипции.

Ключевые слова: история Канады, Первая мировая война, добровольческая армия, проблемы комплектования войск, Сэм Хьюз

Для цитирования: Симоненко Е. С. Проблемы комплектования армии в Канаде в разгар Первой мировой войны (по материалам канадской прессы) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2023. Вып. 1 (849). С. 76–82. DOI 10.52070/2500-347X_2023_1_850_76

Original article

Problems of Army's Recruiting in Canada at the Height of World War I (based on the Canadian Press)

Ekaterina S. Simonenko

*Primorskaya State Agricultural Academy, Ussuriysk, Russia
eka-1982.82@mail.ru*

Abstract. The paper examines the features of the process of recruiting the Canadian Expeditionary Force at the height of the First World War and the problems that accompanied the recruitment of volunteers. It examines the difficulties faced by the authorities, as well as measures aimed at stimulating the recruitment campaign. As a result, it became obvious that in the conditions of the ongoing war, the only way out of the current situation was the introduction of the transcript in Canada.

Keywords: history of Canada, World War I, volunteer army, recruitment problems, Sam Hughes

For citation: Simonenko, E. S. (2023). Problems of Army's Recruiting in Canada at the Height of World War I (based on the Canadian Press). Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social Sciences, 1(850), 76–82. DOI 10.52070/2500-347X_2023_1_850_76

ВВЕДЕНИЕ

В первые месяцы после начала Первой мировой войны процесс мобилизации канадских добровольцев происходил под руководством министра милиции С. Хьюза. Его представления о войне сводились к идее о неизбежности европейского конфликта, в котором Канада должна была принять самое активное участие. Решительный характер министра и авторитарный стиль его руководства предопределили своеобразный характер канадской мобилизации. Фактически она вышла из-под контроля британских властей вследствие отказа от официального мобилизационного плана, предусматривавшего слишком медленные темпы комплектования войск [Симоненко, 2021]. В результате он сумел преодолеть присущую жителям Канады инертность и в кратчайшие сроки создать полноценную добровольческую армию. Во многом благодаря своей предприимчивости и удивительному трудолюбию он смог набрать, экипировать и транспортировать в Европу 250 тыс. человек. В условиях дефицита профессиональных военных министр сделал ставку на создание так называемой «гражданской» армии, привлекая на службу чиновников, бизнесменов и лиц других гражданских профессий [Симоненко, 2022]. Несмотря на активную деятельность департамента милиции и министра С. Хьюза в 1915 году наметились первые симптомы кризиса набора в армию. Из результатов всеобщей переписи населения 1911 года следовало, что в Канаде проживало более 1,5 млн мужчин призывного возраста (от 20 до 44 лет). Из них к началу 1915 года в армию было набрано порядка 150 тыс. человек (10 % всего населения). Из них 75 тыс. уже были отправлены в Европу, остальные проходили азы воинской подготовки в доминионе, но требовалось вдвое больше (*Cambridge Independent*, 16.07.1915).

ТРУДНОСТИ ПРОЦЕССА КОМПЛЕКТОВАНИЯ ВОЙСК

В первую очередь трудности возникали при формировании батальонов в сельской местности и среди отдельных слоев городского населения. У фермеров либо уже не оставалось сыновей, годных к армейской службе, либо им требовались рабочие руки для выполнения сельскохозяйственных работ, и они не могли отправлять в армию своих наемных работников. Молодые люди, жившие в больших городах и принадлежавшие к высшему и среднему классу, которых нередко видели на танцплощадках и катках, не торопились обращаться на призывные пункты. По свидетельству офицеров, осуществлявших

набор, в армию шли в основном из пригородов и сельской местности, по социальной принадлежности представители трудовых классов, нередко отцы больших семейств. Как выразился специалист по канадскому рабочему движению И. Абелла, представители трудового класса, долгое время сидевшие без работы, поступали на военную службу по одной простой причине – они были голодны. Другим рабочим их работодатели не оставляли иного выбора, кроме как уйти в армию. Были известны случаи, когда в «зарплатных» конвертах работники вместе с деньгами обнаруживали записки следующего содержания: «Твой король и страна нуждается в тебе» [Abella, 1975, с. 8]. Это была одна из самых необычных формулировок для увольнения.

Среди приходивших на вербовочные пункты добровольцев подавляющее большинство составляли выходцы из Англии, Шотландии и Ирландии. Считалось, что люди, рожденные в Соединенном Королевстве и иммигрировавшие в Канаду, лучше понимали, чем грозит война и каковы ее последствия для метрополии и империи в целом. Кроме того, им была свойственна крепкая привязанность к родине и врожденная любовь к путешествиям. По статистике из 55 тыс. военнослужащих первых двух контингентов, примерно 42 тыс. имели британское происхождение и только 12,5 тыс. были рождены в Канаде [Hopkins, 1919]. При этом в первых двух контингентах в составе офицерского корпуса преобладали лица канадского происхождения [Brown, Cook, 1976]. К маю 1916 года 61 % добровольцев были выходцами с британских островов, 28 % составляли лица англоканадского и 4,5 % франкоканадского происхождения, 6 % – натурализованные жители доминиона других национальностей (*Blairmore Enterprise*, 19.05.1916). Таким образом, коренного перелома в этом вопросе не наблюдалось.

В период призыва третьего контингента имперская «Торонто Глоуб» писала, что добровольцы не хотели идти в армию, отчасти из-за того, что не разбирались в текущей политической и стратегической ситуации. В газете сообщалось, что население должно было знать о причинах войны, о ходе боевых действий и о возможных последствиях для Канады. Поэтому политические деятели должны были день и ночь вести разъяснения в своих избирательных округах и пропагандировать участие в войне. На первых порах в процессе вербовки не применялись плакаты и специальная литература пропагандистской тематики, которые могли значительно помочь делу. Работа призывных пунктов часто приостанавливалась из-за дефицита служащих. Нередко батальоны, полностью укомплектованные и обученные, оставались дома из-за недостатка океанского транспорта [The Canadian Annual Review of Public Affairs. War Series,

1915]. Все это тормозило и без того вялый набор в армию.

ПРОПАГАНДА ВОЕННЫХ ИДЕЙ СРЕДИ НАСЕЛЕНИЯ

Особое внимание правительство уделяло пропаганде военных идей среди населения. В июле 1915 года патриотические организации, существовавшие почти во всех канадских городах, провели показательные демонстрации, где дети солдат, ушедших на фронт, несли баннеры с призывами поступать на службу. В средствах массовой информации периодически появлялись сообщения о том, что отпрыски известных фамилий, подавая пример остальным, поступали добровольцами в канадский экспедиционный корпус и ехали сражаться на фронт. Уже к началу 1915 года находились в Европе или сражались на фронте единственный сын канадского генералгубернатора, сыновья провинциальных министров Онтарио, Манитобы, Н. Брансуика, сыновья федеральных министров милиции, транспорта, мореплавания. Министр без портфеля и лидер консерваторов в сенате Дж. Лоухид отправил на фронт своего брата. В рядах канадской армии также служили сыновья, братья и другие родственники членов обеих палат парламента, видных политиков и общественных деятелей [The Canadian Annual Review of Public Affairs. War Series, 1918].

На страницах федеральной и провинциальной прессы регулярно появлялись сообщения о случаях проявления беспрецедентного патриотизма, когда на службу поступали целыми семьями. Например, У. Нанн из Торонто отправился на фронт вместе с двумя сыновьями и братом. Семья Фаулер из Торонто отправила на фронт дочь-медсестру и четверо сыновей. Б. Арнольд из Эдмонтона поступил на службу вместе с пятью сыновьями, двумя племянниками и зятем. Канадец У. Херси из Новой Шотландии отправил на фронт шесть сыновей и четырех братьев. Житель Квебека Г. Хеймлин пошел служить в армию после того, как отправил на фронт сначала троих старших, а затем и двоих младших сыновей [там же].

Пробуждению военного духа должны были содействовать и «поучительные» истории отдельных канадцев, которые для поступления на службу прилагали «невероятные» усилия. Провинциальная «Саскатун Феникс» в выпуске от 25 июня 1915 года поместила заметку, в которой описывалась история охотника Мартина. Он прошел пешком 480 миль из отдаленного поселения в дикой местности до ближайшего призывного пункта, чтобы поступить на службу. Канадец У. Макдональд

прибыл в Ванкувер из Аризоны, пройдя пешком более 1,5 тыс. миль [там же].

Предполагалась дальнейшая популяризация военной службы в обществе, в том числе в местах, где обычно собирались мужчины (пивные, спортивные мероприятия, общества по интересам), а также путем широкого использования рекламной продукции военного характера (объявлений, плакатов, афиш, брошюр, листовок) (*The Alderson News*, 1.06.1916).

Особое внимание правительство уделяло участию в пропагандистских кампаниях женщин. Для стимулирования набора в армию было выпущено несколько серий военных плакатов, где наряду с другими сюжетами широко использовался образ материнства. Он воплощал в себе семейные ценности, которые следовало сохранять и защищать от врага. Действительно, чаще всего на плакатах матери изображались слабыми и нуждающимися в защите. Такие изображения имели несколько адресатов. Во-первых, они были рассчитаны на сыновей и на их чувство ответственности перед своими матерями. Кроме того, по мнению разработчиков рекламной продукции, именно мать обладала в семье наибольшим влиянием и могла убедить сына поступить на службу. Во-вторых, плакаты были обращены к самим женщинам-матерям. В таких случаях изображениям сопутствовали вопросы примерно следующего содержания: «Вы знаете, что произошло с детьми в Бельгии? Как вы думаете, что случится с вашими детьми, если немцы вторгнутся в Канаду?» Таким образом, матерям прививалась мысль о том, что существовал один единственный путь избежать такого «ужасного» будущего и спасти своих детей – отправить мужей на фронт. Разработчики рекламной продукции нередко делали ставку не только на сюжет, но и на цвет изображения. На плакатах и баннерах часто использовались яркие тона (черные и оранжевые), чтобы «потребитель» проникался чувством серьезности и торжественности ситуации [Reyburn, 1998].

В этот период времени в средствах массовой информации доминиона неуклонно росло убеждение в том, что страна не сможет выполнить даже половину того, что она, по мнению британских и канадских властей, должна была сделать в текущей войне. Эту точку зрения транслировали не только либеральные и франкоканадские националистические издания, но и большинство консервативных газет и журналов. Согласно их позиции, проблемы заключались в том, что в среде канадского населения отсутствовал должный патриотический настрой, а в департаменте милиции во главу угла ставились не военные, а политические и партийные интересы. Общественные патриотические фонды,

оказывавшие помощь семьям добровольцев, были невелики, а их средства зачастую распределялись не по назначению (*Claresholm Advertiser*, 4.11.1915). Многих потенциальных добровольцев не устраивал тот факт, что после поступления на службу приходилось месяцами ждать отправки в Европу, а затем на фронт. Был известен случай, когда 12-й канадский конный полк, расквартированный в Калгари, был вынужден ожидать отправки на материк почти год, а когда пришло официальное распоряжение об отбытии, оказалось, что он будет сражаться на фронте как пехотное подразделение. Департамент милиции не мог набрать добровольцев именно в пехотные роты, так как их ряды несли самые большие потери на фронте, поэтому многие рекруты предпочитали артиллерию, кавалерию, инженерные войска, медицинские части. Для преодоления возникших трудностей одни печатные издания предлагали задуматься о смене руководства канадской армией, предлагая на пост главнокомандующего кандидатуру «опытного солдата» и губернатора доминиона герцога Коннаутского (*Claresholm Advertiser*, 28.10.1915). Другие вспоминали, что в Англии новая добровольческая армия, состоявшая почти из 3 млн человек, была создана усилиями лорда Дерби. Они считали, что властям доминиона нужно найти «своего лорда Дерби», который бы упорядочил систему добровольного набора в доминионе и помог преодолеть кризис комплектования войск (*Didsbury Pioneer*, 10.05.1916).

ПРОБЛЕМА ВВЕДЕНИЯ В СТРАНЕ КОНСКРИПЦИИ

Другой проблемой, которая широко обсуждалась в политических и общественных кругах доминиона в периоды спада военного набора, была конскрипция. До войны любого, кто упоминал о возможности введения обязательной воинской повинности, бесцеремонно одергивали, но уже к началу 1915 года перспектива введения конскрипции обсуждалась и на уровне правительства, и в обществе. Многие канадские издания выступали за введение «умеренного принуждения» в виде дополнения к системе добровольного набора. «Монреаль Джорнэл оф Коммерс» в выпуске от 29 января 1915 года заявляла, что «прогульщиков» и «слабаков», которые уклонялись от исполнения своих обязательств перед империей, могла превратить в мужчин только конскрипция. Если они продолжат игнорировать свои обязательства, то дадут в руки сильный аргумент тем, кто выступает за введение системы обязательной службы [The Canadian Annual Review ... 1915]. «Виннипег Фри Пресс» опросила видных

бизнесменов провинции, и большинство из них высказались «за» введение всеобщей воинской повинности (*Claresholm Advertiser*, 20.01.1916). Но были и противники конскрипции, которые приводили разумные доводы. Один профессор из университета Торонто подсчитал, что Франция, которая ввела конскрипцию спустя две недели после объявления войны, набрала 4 млн, в Британии же на добровольной основе поступило на службу немногим меньше 3 млн человек [там же].

В качестве альтернативного варианта предлагалось вместо издания специального законодательства о конскрипции, ограничиться распоряжением Тайного Совета, который инициировал бы передачу канадской милиции в распоряжение имперских властей. В этом случае любой милиционер, призванный на действительную службу, должен был прибыть с оружием туда, куда укажет старший офицер. Предполагалось, что если Тайный Совет издаст закон в момент, когда в работе парламента будет объявлен перерыв, то в течение 15 дней парламент должен собраться, чтобы подтвердить законность этого распоряжения. Такая схема была прописана в §§ 69–71 действовавшего закона о милиции, и сторонники умеренных действий призывали реализовать уже существующее законодательство, вместо издания новых правил [Kings Regulations and Orders for the Canadian Militia, 1917].

Еще в марте 1915 года премьер-министр Р. Борден заявил, что Канада могла отправить на материк 200–300 тыс. солдат [War Measures and Politics. Canada, 1915]. Однако спустя девять месяцев в новогоднем обращении 1916 года к жителям доминиона он без консультации со своими коллегами сообщил, что Канада берет на себя обязательство отправить на фронт полмиллиона человек. В соответствии с январской статистикой 1916 года в канадскую армию было зачислено 225 тыс. человек [Recruiting, Manufacturing and Production Canada, 1916] поэтому перед доминионом стояла задача завербовать в армию еще более четверти миллиона человек. В первые месяцы нового года правительство было настроено оптимистично и разговоры о конскрипции были под запретом, однако «в народе» ходили слухи о том, что в скором времени власти будут вынуждены принять в Канаде «план Дерби» и создать регулярную армию на принудительной основе. Тем более другие автономные владения империи либо уже ввели всеобщую воинскую повинность, как в Н. Зеландии, либо как в Австралии собирались это сделать в ближайшем будущем (*Blairmore Enterprise*, 13.10.1916). Все эти опасения министр милиции легко парировал, заявляя, что канадская схема комплектования армии на добровольной основе

лучше других и что он не намерен ее менять. Еще во второй половине 1915 года при активной поддержке министра в стране стали массово создаваться лиги гражданского рекрутирования. Они популяризировали в обществе идею добровольной военной службы и отвергали мысль о том, что она доживает свои последние дни. С.Хьюз заявлял, что в истории много примеров, когда армии добровольцев наносили поражение армиям профессионалов. Например, армия, победившая в битве при Ватерлоо, состояла на треть из крестьян. «У нас есть, говорил генерал, фермеры, рыбаки, охотники, индейцы, тысячи крепких и атлетически сложенных молодых людей и большое студенческое сообщество из университетов — все они нужны армии» (*The Alderson News*, 06.04.1916; *Blairmore Enterprise*, 31.03.1916).

Главная задача, которая стояла перед министерством милиции и его департаментом, заключалась в том, что они должны были набрать в армию 30 % мужского населения. К началу весны следовало сформировать два армейских корпуса по четыре полных дивизий каждый. При этом генерал С.Хьюз заявил, что собирается создать несколько специализированных полков, состоявших из индейцев, метисов, японцев и других аборигенных и натурализованных жителей Канады небританского происхождения. На призыв генерала ответили несколько провинций. В марте 1916 года министр получил предложение из Британской Колумбии завербовать в армию 12 тыс. индейцев, проживающих в резервациях в четырех западных провинциях. Из Ванкувера пришло предложение сформировать батальон натурализованных японцев, из морских провинций и западного Онтарио — батальон поляков [Nicholson, 1962].

Расходы на вербовку, обучение и снаряжение таких сил могли составить полмиллиарда долларов, исходя из того, правительство тратило в среднем по 1 тыс. долл. на подготовку одного рекрута (*Blairmore Enterprise*, 11.02.1916). Однако вскоре стало ясно, что все усилия офицеров-вербовщиков не дали видимого результата. Поступление на службу шло всё более и более медленными темпами, причем особый спад наблюдался в летние месяцы, когда подавляющее количество потенциальных добровольцев были заняты в сельскохозяйственном производстве. Статистика свидетельствовала о том, что в первые три месяца 1916 года на службу поступало примерно по 1 тыс. человек в день. Вдохновленный этим успехом генерал С. Хьюз в интервью «Нью-Йорк Таймс», затем перепечатанном канадской столичной и провинциальной прессой, заявил, что, если будет нужно, то Канада отправит 1 млн человек для спасения мировой цивилизации (*The Alderson News*,

6.04.1916; *Blairmore Enterprise*, 31.03.1916). С апреля по декабрь 1916 года количество добровольцев резко сократилось, в среднем на службу поступало по 300 человек в день. При этом в июне 1916 г. количество добровольцев составило половину от апрельских показателей, а к декабрю их число сократилось еще на 50 % [The Canadian Annual Review ... 1918]. Для того чтобы снизить напряжение среди фермеров, которые отказывались отправлять своих сыновей и наемных работников в армию из-за недостатка рабочих рук, С.Хьюз приказал солдат, проходивших военное обучение в тренировочных лагерях, отправлять по домам для участия в посевных кампаниях и уборке урожая. Такие акции были проведены осенью 1915 года и весной 1916 года (*The Alderson News*, 2.03.1916).

Канадские потери на фронте продолжали неуклонно расти, и правительство вынуждено было использовать все возможные способы убеждения, агитации и даже уговоры. По распоряжению министра около 1 тыс. офицеров запаса начали разъезжать по всей стране с целью склонить мужское население призывного возраста идти в армию. Они пытались путем уговоров, а иногда и ругани вербовать добровольцев прямо на улицах, переходя из дома в дом, с предприятия на предприятие. В одних провинциях устраивались показательные марши солдат, в других применялась идея так называемых батальонов друзей, когда друзей, знакомых, выпускников одного колледжа, жителей одной деревни зачисляли в один батальон [The Canadian Annual Review ... 1918]. Помимо этого, министр приказал предоставить всем служащим в государственных департаментах сотрудникам призывного возраста возможность поступить на службу, заявив, что ушедших на фронт мужчин с успехом могли заменить женщины (*Blairmore Enterprise*, 4.02.1916).

К середине 1916 года дефекты канадской программы по вербовке добровольцев стали слишком очевидны. Законодательное собрание города Фредериктона направила в департамент милиции резолюцию, в которой предлагалось организовать армейский набор разумными «научными методами», под которыми подразумевалась некая форма принуждения при поступлении на службу. Однако министр С. Хьюз, опасаясь падения своего авторитета в первую очередь среди населения из-за отказа от существовавшего добровольного способа набора, категорически отказался [Keshen, 1996]. Взамен он предложил альтернативный план, который предполагал проведение добровольной регистрации всех мужчин призывного возраста. Акция должна была стартовать в августе 1916 года. По плану каждый мужчина призывного возраста мог обратиться в местный магистрат и объявить

о своем желании или нежелании сражаться на фронте (*The Alderson News*, 17.08.1916). Работодатели могли предоставить в местные вербовочные пункты информацию о работниках, которые представляли большую ценность и которых они не желали отпускать на службу в армию. В целом между предпринимателями и вербовочными агентами должно было быть налажено полное взаимопонимание и сотрудничество [Labour, Recruiting, and Reconstruction. Canada, 1916].

Подавляющее большинство сельскохозяйственных производителей и частных предпринимателей отказывались предоставлять полиции сведения для военной переписи ввиду того, что это мероприятие носило исключительно добровольный характер. По статистике из 70 тыс. регистрационных карточек, выпущенных в имперском Торонто, было заполнено лишь 30 % [The Canadian Annual Review ... 1918]. Фермеры Онтарио заявили, что поступление на службу людей, занятых в сельскохозяйственном производстве, вызовет дальнейшее сокращение производства сельскохозяйственной продукции, необходимой не только метрополии, но и для собственного потребления. Для того чтобы исправить ситуацию фермеры предложили создать на местах специально уполномоченные комиссии ответственных граждан, куда бы вошли и представители сельскохозяйственной отрасли производства. Они должны были освобождать фермеров от службы и выдавать им специальные значки, удостоверяющие их занятость. В результате для тех, кто по разным причинам не подходил под требования военной службы или был освобожден от нее по уважительным причинам, были выпущены специальные значки, которые они должны были постоянно носить. В первую очередь,

такие значки получили рабочие призывного возраста, занятые в стратегически важных отраслях промышленного производства, в том числе и в сельском хозяйстве. Помимо них значки получили все те, кто хотел поступить на службу, но по разным причинам был забракован на разных этапах военного освидетельствования. Наконец, их выдавали всем бывшим членам канадских экспедиционных сил, уволенных со службы с почетом. Для тех, кто носил такие значки или их имитацию без санкции властей с целью обмана, предусматривались штрафы [Canada in the Great World War, 1918]

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В разгар Первой мировой войны Канада столкнулась с мобилизационным кризисом из-за недостатка добровольцев, желавших участвовать в войне, напрямую не затрагивавшей ее интересов. Все усилия правительства в лице министра милиции С. Хьюза и его департамента, нацеленные на стимулирование добровольческого набора, сводились к широкомасштабной пропагандистской кампании вреди населения, включавшей проведение военных митингов и демонстраций, публикации в прессе, распространение рекламной продукции военной тематики. Но уже к середине 1916 года стало ясно, что добровольная система набора находится в глубоком и непреодолимом кризисе. Все усилия департамента милиции и министра С. Хьюза оказались бесплодными. В условиях продолжавшейся войны единственным выходом из сложившегося положения являлось введение в доминионе обязательной воинской повинности (конскрипции).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Симоненко Е. С. Сэм Хьюз и мобилизация канадских добровольцев для участия в войне (август 1914 – октябрь 1915) // Научный диалог. 2021. № 12. С. 429–444.
2. Симоненко Е. С. Сэм Хьюз и преодоление кризиса комплектования канадской армии в разгар Первой мировой войны (1915–1916) // Научный диалог. 2022. № 5. Т. 11. С. 499–514.
3. Abella I. The Canadian Labor Movement 1902–1960. Canadian Historical Association. Ottawa: Canadian Historical Association, 1975.
4. Hopkins J.C. Canada at War: A Record of Heroism and Achievement 1914–1918. Toronto: Canadian Annual Review, 1919.
5. Brown R.C., Cook R. Canada, 1886–1921: a Nation Transformed. Toronto: McClelland and Stewart, 1976.
6. The Canadian Annual Review of Public Affairs. War Series / Ed. by J. Castell Hopkins. Vol. 15. Toronto: Canadian Annual Review Publishing, 1915.
7. The Canadian Annual Review of Public Affairs. War Series / Ed. by J. Castell Hopkins. Vol. 16. Toronto: Canadian Annual Review Publishing, 1918.
8. Reyburn K. Blurring the Boundaries: Images of Women in Canadian Propaganda of World War I. MA Thesis. Ontario: University of Guelph, 1998.
9. Kings Regulations and Orders for the Canadian Militia / by Minister of Militia and Defence. Ottawa: King's Printer, 1917.
10. War Measures and Politics. Canada // The Round Table. A Quarterly Review of the Politics of the British Empire. March 1915. № 18. Vol. 5. P. 422–433.

11. Recruiting, Manufacturing and Production. Canada // The Round Table. A Quarterly Review of the Politics of the British Empire. March 1916. Vol. 6. № 22. P. 315–319.
12. Nicholson G. Canadian Expeditionary Force 1914–1919. Ottawa: R. Duhamel, Queen's Printer and Controller of Stationery, 1962.
13. Keshen J. Propaganda and Censorship during Canada's Great War. Alberta: University of Alberta Press, 1996.
14. Labor, Recruiting, and Reconstruction. Canada // The Round Table. A Quarterly Review of the Politics of the British Empire. September 1916. Vol. 6. № 24. P. 743–746.
15. Canada in the Great World War. An Authentic Account of the Military History of Canada from the Earliest Day to the Close of the War of the Nations [Various Authorities]. Vol. 2. Toronto: United Publishers of Canada, 1918.

REFERENCES

1. Simonenko, E. S. (2021). jem H'juz i mobilizacija kanadskih dobrovol'cev dlja uchastija v vojne (avgust 1914 – oktjabr' 1915) = Sam Hughes and Mobilization of Canadian Volunteers for War (August 1914–October 1915). Nauchnyi dialog, 12, 429–443. (In Russ.).
2. Simonenko, E. S. (2022). Sam Hughes and Overcoming Recruiting Crisis of Canadian Army at Height of First World War (1915–1916). Nauchnyi dialog, 11(5), 499–514. (In Russ.).
3. Abella, I. (1975). The Canadian Labor Movement 1902–1960. Canadian Historical Association. Ottawa: Canadian Historical Association.
4. Hopkins, J. C. (1919). Canada at War: A Record of Heroism and Achievement 1914–1918. Toronto: Canadian Annual Review.
5. Brown, R., Cook, R. (1976). Canada, 1886–1921: a Nation Transformed. Toronto: McClelland and Stewart.
6. Hopkins J. Castell (Ed.) (1918). The Canadian Annual Review of Public Affairs. War. Vol. 15. Toronto: Canadian Annual Review Publishing.
7. Hopkins, J. C. (Ed.) (1918). The Canadian Annual Review of Public Affairs. War Series. Vol. 16. Toronto: Canadian Annual Review Publishing.
8. Reyburn, K. (1998). Blurring the Boundaries: Images of Women in Canadian Propaganda of World War I. MA Thesis. Ontario: University of Guelph.
9. Kings Regulations and Orders for the Canadian Militia (1917) / by Minister of Militia and Defence. Ottawa: King's Printer.
10. War Measures and Politics. Canada (1915). The Round Table. A Quarterly Review of the Politics of the British Empire, 5 (18). 422–433.
11. Recruiting, Manufacturing and Production. Canada (1916). The Round Table. A Quarterly Review of the Politics of the British Empire, 22 (6). 313–319.
12. Nicholson, G. (1962). Canadian Expeditionary Force 1914 –1919. Ottawa: R. Duhamel, Queen's Printer and Controller of Stationery.
13. Keshen, J. (1996). Propaganda and Censorship during Canada's Great War. Alberta: University of Alberta Press.
14. Labor, Recruiting, and Reconstruction. Canada (1916). The Round Table. A Quarterly Review of the Politics of the British Empire, 6 (24). 743–746.
15. Various Authorities (1918). Canada in the Great World War. An Authentic Account of the Military History of Canada from the Earliest Day to the Close of the War of the Nations. Vol. 2. Toronto: United Publishers of Canada.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Симоненко Екатерина Сергеевна

кандидат исторических наук

доцент межфакультетской кафедры естественно-научных и социально-гуманитарных дисциплин

Приморской государственной сельскохозяйственной академии

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Simonenko Ekaterina Sergeevna

PhD (History)

Associate Professor of the Inter-Institutional Department of Natural Sciences and Social and Humanitarian Discipline

Primorskaya State Agricultural Academy

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

13.01.2023
03.02.2023
12.02.2023

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

Профессиональная субъектность молодых ученых: процесс формирования и анализ компонентов структуры

О. С. Иванченко

Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М.И. Платова, Новочеркасск, Россия
ivanchenko_os@npi-tu.ru

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы привлечения и закрепления молодых ученых в сфере науки. Исследовательский ракурс смещен с внешних факторов регулирования (государственная политика, финансирование) на внутренние факторы и регуляторы в контексте теории субъектности. Представлен авторский взгляд на специфику формирования профессиональной субъектности с опорой на теоретические положения подходов в рамках деятельностной парадигмы. Определен процесс формирования профессиональной субъектности молодых ученых, состоящий из стадий и этапов, находящихся в системной, иерархической связи. Выделены структурные компоненты модели профессиональной субъектности молодых ученых.

Ключевые слова: профессиональная субъектность молодых ученых, профессиональное образование, профессиональная деятельность, процесс

Благодарности. Статья выполнена в рамках реализации гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки ведущих научных школ России (НШ-239.2022.2).

Для цитирования: Иванченко О. С. Профессиональная субъектность молодых ученых: процесс формирования и анализ компонентов структуры // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. Вып. 1 (850). С. 83–90. DOI 10.52070/2500-347X_2023_1_850_83

Original article

Professional Subjectivity of Young Scientists: the Process of Formation and Analysis of the Components of the Structure

Olga S. Ivanchenko

Platov South-Russian State Polytechnic University (NPI), Novocherkassk, Russia
ivanchenko_os@npi-tu.ru

Abstract. The article is devoted to attracting and securing young scientists in the field of science. The research perspective is shifted from external regulatory factors (public policy, financing) to internal factors and regulators in the context of the theory of subjectivity. The author's view on the specifics of the formation of professional subjectivity based on the theoretical provisions of approaches within the framework of the activity paradigm is presented. The process of formation of professional subjectivity of young scientists is defined, consisting of stages and stages that are in a systematic, hierarchical relationship. The structural components of the model of professional subjectivity of young scientists are highlighted.

Keywords: professional subjectivity of young scientists, professional education, professional activity, process

Acknowledgments. The research was performed within the grant of the President of the Russian Federation for state support for the leading scientific schools of the Russian Federation (NSH-239.2022.2).

For citation: Ivanchenko, O. S. (2022). Professional subjectivity of young scientists: the process of formation and analysis of the components of the structure. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social Sciences, 1(850), 83–90. 10.52070/2500-347X_2023_1_850_83

ВВЕДЕНИЕ

Молодые ученые¹ как особая социально-профессиональная группа находятся в активной общественно-политической и научной повестке. Государство рассматривает данную профессиональную группу как стратегический ресурс в достижении научно-технологического лидерства и развития², для поддержки которого использует программный подход и широкую систему финансовых механизмов. Например, объем государственного финансирования науки за последние годы значительно вырос (объем ассигнований из федерального бюджета в 2019 году составил 422,15 млрд руб., а в 2005 году – 230,78 млрд руб.)³. Объем финансирования молодежной науки в 2016 году составил – 874,8 млн руб., а в 2018 году уже свыше 1 млрд руб. [Орлова, 2019]. Однако несмотря на увеличение объемов финансирования численность молодых научных кадров остается вызовом для российской науки: в динамике за 10 лет численность возрастной группы до 29 лет сократилась на 3 п.п. с 19,3 % в 2010 году до 16,3 % в 2020 [там же]. Соответственно можно сделать вывод, что государственные механизмы (прежде всего финансовые) привлечения, закрепления и поддержки молодых ученых являются значимыми, но малоэффективными. В этой связи научного осмысления требуют внутриличностные регуляторы профессионального поведения молодых научных кадров. Целесообразным является обращение к концепции профессиональной субъектности.

Проблемами становления профессиональной субъектности в социологии посвящены работы многих отечественных ученых [Голенкова, Игитханян, 2005; Козырева, Ниамова, 2010; Профессионалы в эпоху реформ: динамика идеологии, статуса и ценностей, 2013], которые акцентируют внимание на том, что в процессе социализации человек приобрел не только личность, но и субъектность [Шамионов, 2008], обретение субъектности рассматривается как

процессы, опирающиеся на законы социализации [Клименко, 2012]. При этом исследования профессиональной субъектности такой профессиональной группы, как молодые ученые до сих пор остаются за пределами научного дискурса.

Целью данной статьи является исследование процесса формирования профессиональной субъектности молодых ученых и выделение компонентов ее структуры, определяющие вектор деятельности в профессиональной среде.

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ОСНОВА ИССЛЕДОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ СУБЪЕКТНОСТИ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

Обращение к личности как субъекту деятельности рассматривается в рамках концепции социальной субъектности, где субъектность определяется как способность индивида выступать в качестве активного творца, способного к конструированию и проектированию социальной реальности [Луков, 2012].

Молодой ученый как представитель социально-профессиональной группы выступает элементом системы общественных отношений как динамичный субъект в общественно-воспроизводственном контексте [Щербакова, Черных, 2015]. Субъектность является системообразующим принципом в осуществлении всех форм человеческой жизнедеятельности, прежде всего, предметно-практической деятельности. В таком случае целесообразно говорить о профессиональной субъектности.

В рамках данного исследования ключевыми подходами к феномену профессиональной субъектности молодых ученых являются:

- структурно-функциональный подход (Т. Парсонс, Р. Мертон), где профессиональная субъектность рассматривается в контексте анализа институциональной системы, в которой действие выступает элементом «системы человеческого действия», а сознательность интерпретируется как работа механизма человеческого сознания, в котором ориентация индивида на действия других людей ставится в зависимость от механизмов «институционализации» ценностей и «образцов» культуры, превращающихся в принудительные «нормы» поведения [Давыдов, Фомина, 1990]. В таком контексте образцы и нормы стандартизируют и упорядочивают ролевое поведение, делая его предсказуемым и создают условия для социального порядка, стабильности и поддерживаются социальными институтами;

- концепция социокультурного механизма саморегуляции жизнедеятельности (В. И. Чупров,

¹В содержательной интерпретации «молодой ученый» в данном исследовании мы руководствуемся определением, закрепленном в Распоряжении Правительства РФ от 29.11.2014 N 2403-р «Об утверждении Основ государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года»: «молодой ученый – это работник образовательной или научной организации, имеющий ученую степень кандидата наук возрасте до 35 лет или ученую степень доктора наук в возрасте до 40 лет либо являющийся аспирантом, исследователем или преподавателем образовательной организации высшего образования без ученой степени в возрасте до 30 лет».

²Примером служат следующие нормативные акты: Стратегия научно-технологического развития РФ Утверждена Указом Президента РФ от 1 декабря 2016 № 642; Указ Президента РФ от 7 мая 2018 № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года».

³Федеральный закон от 29 ноября 2018 № 459-ФЗ «О федеральном бюджете на 2019 год и на плановый период 2020 и 2021 годов».

Ю. А. Зубок) имеет особую актуальность в исследовании профессиональной субъектности в условиях ослабления авторитета институциональных структур и институционального регулирования и как следствие – актуализации процесса саморегуляции;

- социализационный подход (А. И. Ковалева, Н. А. Перинская), на основании которого были определены стадии и этапы формирования профессиональной субъектности;

- диспозиционная концепция личности (В. А. Ядов) лежит в основе выделения и анализа компонентов структуры профессиональной субъектности молодых ученых;

- системно-деятельностный подход позволил обозначить системную и иерархическую связь стадий, этапов формирования профессиональной субъектности молодых ученых и компонентов ее структуры.

Выбранная методологическая рамка позволила сформулировать авторскую интерпретацию профессиональной субъектности, понимаемой как форма самоопределения в профессии и системообразующий принцип субъекта при осуществлении профессиональной деятельности. Она не мыслима без способности личности к самостоятельному целеполаганию и без выработки профессиональных критериев, которые детерминируют творческую активность.

ПРОЦЕСС ФОРМИРОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ СУБЪЕКТНОСТИ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

Как уже было отмечено, становление профессиональной субъектности опирается на законы социализации. Интерпретация понятия профессиональной социализации основано на субъект-субъектном подходе (Ч. Кули, Дж. Мид, Н. Смелзер), где личность выступает активным субъектом социализационного процесса и способна к конструированию и переконструированию реальности в процессе взаимодействия и адаптации к социальной среде.

Профессиональная социализация связана как с профессиональным образованием, так и с профессиональной деятельностью, образующими стадии становления профессиональной субъектности. Схема процесса формирования профессиональной субъектности представлена на рисунке 1.

Стадия профессионального образования. Профессиональная ориентация на профессию ученого осуществляется именно в процессе образования, в стенах вуза. Первичная форма приобщения к научному труду происходит в период обучения в форме различных видов научно-исследовательской работы [Горшков, Шереги, 2020]. Студенты знакомятся с научным трудом, выполняя курсовые работы, участвуют в научных конференциях

Рис. 1. Процесс формирования профессиональной субъектности молодых ученых

и олимпиадах, тем самым тестируют свои способности и заинтересованность к науке как профессии. Период обучения в вузе является основополагающим в выявлении предрасположенности к научному труду, который одновременно является стимулом к саморазвитию и самообразованию.

В этой связи важную роль играет образовательная (вузовская) культура, обеспечиваемая профессорско-преподавательским составом. Культура вуза, сложившееся взаимоотношения между вузовским сообществом и студентами являются важными элементами формирования профессиональной субъектности будущего ученого. Основным агентом профессиональной социализации выступает профессорско-преподавательский состав, в частности научный руководитель, который является транслятором особого научного этноса, основанного как на профессиональных, так и на культурно-личностных качествах обучаемого. От них зависит интерес и желание студентов войти в научное сообщество.

На стадии профессионального образования можно выделить три этапа становления профессиональной субъектности.

Первый этап – *профессиональный выбор* – мотивированно-осознанный выбор профессии ученого. Данный этап характеризуется определенной противоречивостью, так как субъект (студент) имеет недостаточные, расплывчатые представления о будущей профессии.

Второй этап – *проявление профессиональной направленности* – начальное освоение профессиональных знаний, умений и навыков и формирование необходимых профессионально-личностных качеств, способностей, предрасположенностей.

Третий этап – *профессиональное самоопределение* – может рассматриваться, с одной стороны, как поэтапный процесс включения будущего ученого в научное сообщество и достижение равновесного состояния в социально-стратификационной структуре научного сообщества, с другой – как процесс осознания субъектом своей принадлежности к научному сообществу, т. е. формирования субъектной позиции и устойчивой профессиональной идентичности [Левичева, 2008].

Второй стадией формирования профессиональной субъектности является *профессиональная деятельность*. В качестве этапов профессиональной деятельности выступают *профессиональная адаптация и интеграция*, основанные на осознании своей принадлежности к профессиональному сообществу и своего места в наборе профессиональных «ролей», на степени признания своего профессионализма референтной профессиональной группой и соответствии эталонам профессии и т. д.

Профессиональная адаптация интерпретируется как процесс и результат реакции индивида на воздействие профессиональной среды в соответствии с индивидуальными (групповыми) особенностями, которые находят выражение как в форме приспособления к внешним воздействиям, так и изменения внутренней природы субъекта адаптации.

В основе определения интеграции мы исходили из существующей в социологии базовой дефиниции социальной интеграции, понимаемой как «процесс включения индивида в различные социальные группы и отношения посредством организации совместной деятельности» [Селиванова, Зайцев, 2014, с. 43].

Успешность профессиональной адаптации и интеграции реализуется через факторы и регуляторы, одним из которых выступает *идентичность*, формирующая представление субъекта о себе как носителя определенной профессии и степени принятия норм и ценностей конкретного профессионального сообщества. В формировании профессиональной идентичности конструктивным фактором выступает семейная профессиональная преемственность [Юревич, Ушаков, Гаврилова, 2016; Рехтина, 2017].

Культурно-нормативный регулятор строится на идентификации с культурными ценностями, правилами и нормами, преобладающими в конкретном сообществе (группе). Ценности выступают основой в воспроизводстве образца и поведенческим регулятором в определенных условиях [Парсонс, 1998]. Принятие и следование нормам является своего рода гарантом воспроизводства социальных групп, отношений и структур.

Коммуникативный регулятор является основой интеграционных процессов и катализатором становления индивида в социальной группе, регенерирует процессы освоения профессиональных ролей, овладения различными видами профессиональной деятельности. Основываясь на теории коммуникативного действия, Ю. Хабермас утверждал, что достижение рационального баланса между различными мнениями достигается путем исключения доминирующей позиции и созданием единой платформы, удовлетворяющей интересы и учитывающей мнения всех участников коммуникации [Хабермас, 2006].

Профессиональная самореализация в качестве сущностного смысла субъектности проявляется в творческом осуществлении профессиональной деятельности, согласованности притязаний субъекта с его возможностями и окружающей реальностью.

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ СУБЪЕКТНОСТИ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

Существует два устоявшихся подхода к определению модели профессиональной субъектности. Первый основан на потенциально-статическом аспекте (субъективный опыт, отношения, качества) и действенно-реализационном аспекте (субъективная активность) взаимообусловленный характер такой деятельности проявляется в конкретной ситуации [Зайцева, 2010]. Второй основан на ценностно-смысловом (включает такие ценности как свобода, ответственность, рефлексия) и обеспечивает осознанность выбора в действенном компоненте (инициативность, самостоятельность, креативность) [Миронов, 2009; Пусько, 2016].

Синтез этих двух подходов позволяет предложить модель профессиональной субъектности молодых ученых, структура которой состоит из четырех компонентов.

Рефлексивный компонент основан на рефлексии, в процессе которой происходит осмысление субъектом своего профессионального выбора и самоидентификации с профессиональным сообществом. Рефлексивность происходит в институциональных условиях, т. е. в обстоятельствах, влияющих на субъекта и определяющих его возможную predisposedность к определенным действиям. Способность к рефлексии проявляется в процессе межличностного и группового взаимодействия. При этом рефлексивная форма взаимодействия является сложным процессом интерпретации и самоинтерпретации, что проявляется в адекватном восприятии существующей действительности [Чупров, Зубок, Романович, 2016]. Степень адекватности понимания протекающих процессов выражается в форме аффективно-чувственных переживаний; они могут проецироваться и как положительные переживания (например, требования молодых ученых к профессии ученого, уверенность и определенность выстраивания карьерных ожиданий), и как негативные (например, выход из профессии, депрофессионализация). Одним из ключевых элементов рефлексии является доверие, понимаемое как стремление положиться на партнера профессионального взаимодействия в пределах допустимого [там же]. При этом рассматривается доверие к системе (социальным институтам, прежде всего, образованию) и к индивидам – с точки зрения надежности преемственных образцов [там же].

Деятельностный компонент отражает особенности потребностей, мотивов и установок в профессиональной сфере молодых ученых,

формирующихся в условиях институциональной и социокультурной среды. *Потребности* рассматриваются как «причины деятельности» (А. Г. Здравомыслов) и движущая сила активности молодого ученого. *Мотивы* – как осмысление субъектов возможного результата своей деятельности в соотношении с целями и групповыми нормами [Чупров, 2008]. *Установки* представляют собой готовность субъекта воспринимать реальность определенным образом и действовать в конкретных условиях определенным образом (Д. Н. Узнадзе).

Мотивационный компонент характеризуется как совокупный процесс к побуждению субъекта к активной деятельности. Источником активности выступают *потребности*, а интересы определяют ее деятельностную направленность. В свою очередь, *интересы*, активизируют направленность сознания на осмысление деятельности по удовлетворению потребностей. Осмысленность мотивам придают ценности.

Ценностный компонент определяет значимость профессиональной деятельности (профессиональной социализации и интеграции в сфере науки) как ценности с точки зрения профессионального развития отдельной личности, социальной группы и всего сообщества.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Обращение к изучению профессиональной субъектности молодых ученых, как активных субъектов деятельности, является продуктивным базисом для выстраивания теоретического конструкта и эмпирических индикаторов и позволяет ответить на ключевые исследовательские вопросы: какими смыслами наполнен выбор научной деятельности в качестве профессии молодыми людьми? Чем определяются их ожидания? Какими смыслами и культурными образцами они руководствуются?

Ориентация на концепцию саморегуляции при поиске ответов на поставленные вопросы отнюдь не умаляет значение целенаправленного регулирования, исходные жизненные параметры формируют именно институты. Устойчивые институциональные образцы являются ориентиром для жизненных устремлений и конструирования своей профессиональной стратегии, тем самым делают процесс саморегуляции менее конфликтным. Эффективность целенаправленного регулирования зависит от корреляции институциональных образцов с внутренними установками молодежи, с пониманием функционирования объектов регулирования, непротиворечивостью внешнего воздействия внутренним механизмам личности.

Проведенный теоретический анализ формирования профессиональной субъектности молодых ученых позволил выделить стадии и этапы, которые имеют системную и иерархическую связь, а также представить модель профессиональной субъектности молодых ученых с четырехкомпонентной структурой, основанной на деятельностно-смысловых аспектах. Первый – рефлексивно-ценностный аспект, актуализирующий рефлексию и ценностно-смысловую сферу личности и выражающийся в профессиональной

субъектной позиции, субъектном опыте и субъектных качествах личности. Второй – деятельностно-реализационный, представленный непосредственно субъектной активностью, реализуемой через внутренние побуждение и мотивацию.

Понимание внутренней структуры профессиональной субъектности молодых ученых позволит на теоретическом и эмпирическом уровне определить главные действующие детерминанты привлечения и закрепления их в сфере науки.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Орлова С. Ю. Отчет о результатах экспертно-аналитического мероприятия «Анализ реализации мер государственной поддержки молодых российских ученых в 2016–2017 годах и истекшем периоде 2018 года» // Бюллетень Счетной палаты Российской Федерации. 2019. № 4 (256). С. 162–214.
2. Голенкова З. Т., Игитханян Е. Д. Профессионалы – портрет на фоне реформ // Социологические исследования. 2005. URL: https://www.isras.ru/files/File/Socis/2005-2/golenkova_igitxan.pdf
3. Козырева П. М. Ниамова А. Э. Тенденции и факторы формирования инновационного потенциала специалистов // Россия реформирующаяся: Ежегодник. 2010. Вып. 9. С. 169–184.
4. Профессионалы в эпоху реформ: динамика идеологии, статуса и ценностей: коллективная монография / под ред. В. А. Мансурова. М.: ИС РАН, 2013.
5. Шамионов Р. М. Субъектность личности в процессе социализации в изменяющихся условиях бытия и субъектное благополучие // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Философия. Психология. Педагогика. 2008. Вып. 2. Т. 8. С. 105–109.
6. Клименко В. А. Профессиональная социализация студентов: структурно-функциональная модель // Социологический альманах. 2012. № 3. С. 95–96.
7. Луков Вал. А. Теории молодежи: Междисциплинарный анализ: монография. М.: Канон+. 2012.
8. Щербакова Л. И., Черных С. С. Социально-профессиональная субъектность инженерных кадров как фактор инновационного развития страны // Вестник Южно-Российского государственного политехнического университета им. М. И. Платова. 2015 № 6. С. 184–189.
9. Давыдов Ю. Н., Фомина В. Н. Действие социальное // Современная западная социология: Словарь. М.: Политиздат, 1990.
10. Горшков М. К., Шереги Ф. Э. Молодежь России в зеркале социологии. К истокам многолетних исследований. М.: ФНИСЦ РАН, 2020.
11. Левичева В. Ф. Самоопределение социальное // Энциклопедический словарь. Социология молодежи / отв. ред. Ю. А. Зубок, В. И. Чупров. М.: Academia, 2008. С. 417–418.
12. Селиванова Ю. В., Зайцев Д. В. Социальная интеграция личности: социологический подход к анализу понятия // Известия Саратовского университета. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2014. Вып. 14 (2). С. 41–44.
13. Юревич А. В., Ушаков Д. В., Гаврилова Е. В. Социальные детерминанты научного творчества: модель факторов формирования молодых ученых // Управление наукой и наукометрия. 2016. № 1. С. 115–124.
14. Рехтина Л. С. Молодой ученый: инициализация научного сотрудника через систему коллективных исследовательских проектов // Социальные явления. 2017. № 1 (7). С. 70–77.
15. Парсонс Т. Система современных обществ / под ред. М. С. Ковалевой. М.: Аспект Пресс, 1998.
16. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб.: Наука, 2006.
17. Зайцева И. В. Развитие профессиональной субъектности будущего инженера в условиях лингвообразования // Вестник Оренбургского государственного университета. 2010. № 11 (117). С. 160–166.
18. Миронов Г. А. Теоретическая модель профессиональной субъектности будущих специалистов // Акмеология. 2009. № 4. С. 101–105.
19. Пусько В. С. некоторые размышления о компетентностной модели профессионального образования // Гуманитарный вестник Военной академии ракетных войск стратегического назначения. 2016. № 4–2 (4) С. 102–104.
20. Чупров В. И., Зубок Ю. А., Романович Н. А. Отношение к социальной реальности в российском обществе: социокультурный механизм формирования и воспроизводства. М.: ИНФРА-М, 2016. С. 218–219
21. Чупров В. И. Мотивационная сфера сознания молодежи // Энциклопедический словарь. Социология молодежи / отв. ред. Ю. А. Зубок, В. И. Чупров. М.: Academia, 2008. С. 282–284.

REFERENCES

1. Orlova, S. Yu. (2019). Report on the results of the expert-analytical event «Analysis of the implementation of state support measures for young Russian scientists in 2016–2017 and the expired period of 2018». Bulletin of the Accounting Chamber of the Russian Federation, 4(256), 162–214. (In Russ.)
2. Golenkova, Z. T., Igithkanyan, E. D. (2005). Professionals – portrait against the background of reforms. Sociological Research. https://www.isras.ru/files/File/Socis/2005-2/golenkova_igitxan.pdf. (In Russ.)
3. Kozyreva, P. M., Nizamova, A. E. (2010). Trends and factors in the formation of innovative potential of young specialists. Russia reforming: Yearbook, 9, 169–184. (In Russ.)
4. Mansurov, V. A. (Ed.). (2013). Professionaly v epohu reform: dinamika ideologii, statusa i cennostej = Professionals in the era of reforms: the dynamics of ideology, status and values. Moscow: Institute of sociology. (In Russ.)
5. Shamionov, R. M. (2008). Subjectivity of personality in the process of socialization in changing conditions of being and subjective well-being. Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy is a scientific periodical, 8(2), 105–109. (In Russ.)
6. Klimenko, V. A. (2012). The professional socialization of students: a structural and functional model. Sotsiologicheskii al'manakh, 3, 95–96. (In Russ.)
7. Lukov, Val. A. (2012). Teorii molodezhi: Mezhdisciplinarnyj analiz = Theories of youth: Interdisciplinary analysis. Moscow: Kanon+. (In Russ.)
8. Shcherbakova, L. I., Chernykh, S. S. (2015). Social'no-professional'naja sub#ektnost' inzhenernyh kadrov kak faktor innovacionnogo razvitiya strany = Socio-professional subjectivity of engineering personnel as a factor of innovative development of the country. Bulletin of Bulletin of the South-Russian State Technical University (NPI), 6, 184–189. (In Russ.)
9. Davjdov, Yu. N., Fomina, V. N. (1990). Dejstvie social'noe = Social action, Sovremennaya zapadnaya sociologiya: Slovar' (pp. 79–80). Moscow: Politizdat. (In Russ.)
10. Gorshkov, M. K., Sheregi, F. E. (2020). Molodezh' Rossii v zerkale sociologii. K istokam mnogoletnih issledovanij = The youth of Russia in the mirror of sociology. To the origins of long-term research. Moscow: FCTAS RAS. (In Russ.)
11. Levicheva, V. F. (2008). Samoopredelenie social'noe = Self-determination is social. In Yu. A. Zubok, V. I. Chuprov, Enciklopedicheskij slovar'. Sociologiya molodezhi (pp. 417–418). Moscow: Academia. (In Russ.)
12. Selivanova, Yu. V., Zaitsev, D. V. (2014). Social integration of personality: a sociological approach to the analysis of the concept. Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 14(2), 41–44. (In Russ.)
13. Yurevich, A. V., Ushakov, D. V., Gavrilova, E. V. (2016). Social determinants of scientific creativity: a model of factors of formation of young scientists. Upravleniye naukoy i naukometriya, 1, 115–124. (In Russ.)
14. Rekhina, L. S. (2017). Young scholar: initiation of researchers through the system of collective research projects. Social phenomena, 1(7), 70–77. (In Russ.)
15. Parsons, T. (1998). Sistema sovremennyh obshchestv = The system of modern societies. In M. S. Kovaleva. Moscow: Aspekt Press. (In Russ.)
16. Habermas, J. (2006). Moral'noe soznanie i kommunikativnoe dejstvie = Moral consciousness and communicative action. St Petersburg: Nauka. (In Russ.)
17. Zaitseva, I. V. (2010). Razvitie professional'noj sub#ektnosti budushhego inzhenera v usloviyah lingvoobrazovaniya = Development of professional subjectivity of a future engineer in the context of language education. Vestnik of the Orenburg State University, 11(117), 160–166. (In Russ.)
18. Mironov, G. A. (2009). Teoreticheskaja model' professional'noj sub#ektnosti budushhih specialistov = Theoretical model of professional subjectivity of future specialists. Acmeology, 4, 101–105. (In Russ.)
19. Pusko, V. S. (2016). Nekotorye razmyshleniya o kompetentnostnoj modeli professional'nogo obrazovaniya = Some reflections on the competence model of vocational education. Gumanitarnyi vestnik Voennoi akademii raketnykh voisk strategicheskogo naznacheniya, 4–2(4), 102–104. (In Russ.)
20. Chuprov, V. I., Zubok, Yu. A., Romanovich, N. A. (2016). Otnoshenie k social'noj real'nosti v rossijskom obshchestve: sociokul'turnyj mekhanizma formirovaniya i vosпроизводства = Attitude to social reality in Russian society: socio-cultural mechanism of formation and reproduction. Moscow: INFRA-M. (In Russ.)
21. Chuprov, V. I. (2008). Motivacionnaya sfera soznaniya molodezhi = Motivational sphere of youth consciousness. In Yu. A. Zubok, V. I. Chuprov, Enciklopedicheskij slovar'. Sociologiya molodezhi (pp. 282–284). Moscow: Academia. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Иванченко Ольга Сергеевна

кандидат социологических наук

доцент кафедры социальных и гуманитарных наук

Южно-Российского государственного политехнического университета (НПИ) им. М. И. Платова

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ivanchenko Olga Sergeevna

PhD (Sociology)

Associate Professor of the Department of the Social and Humanitarian Sciences

of the Platov South-Russian State Polytechnic University (NPI)

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

18.10.2022
15.01.2023
12.02.2023

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

Реализация аналитических компетенций сотрудниками управления экстренного реагирования Центра управления в кризисных ситуациях МЧС России по г. Москве: разработка стратегий и мер

С. А. Мельков¹, Д. Н. Попов², А. В. Чаевич³

^{1,2}Академия гражданской защиты МЧС России, Химки, Россия

¹304304@mail.ru

²5659681@mail.ru

³Московский университет путей сообщения, Москва, России, chaevich_alex@mail.ru

Аннотация: В статье двумя методами исследования изучается формирование аналитических компетенций сотрудников управления. Методом Диаграммы Исикавы авторы выявили три управленческие проблемы. Методом SWOT-анализа авторы выработали шесть стратегий и шесть конкретных предложений (мер) по улучшению формирования аналитических компетенций сотрудников.

Ключевые слова: Диаграмма Исикавы, аналитические компетенции, компетентностная модель, МЧС России, программа развития, управленческая проблема, управление экстренного реагирования, экспертная группа, SWOT-анализ

Для цитирования: Мельков С.А., Попов Д.Н., Чаевич А.В. Реализация аналитических компетенций сотрудниками управления экстренного реагирования Центра управления в кризисных ситуациях МЧС России по г. Москве: разработка стратегий и мер // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2023. Вып. 1 (850). С. 91–98. DOI 10.52070/2500-347X_2023_1_850_91

Original article

Implementation of Analytical Competences by Employees of the Emergency Response Department of the EMERCOM Crisis Management Center in Moscow: Development of Strategies and Measures

Sergei A. Melkov¹, Dmitry N. Popov², Alexander V. Chaevich³

^{1,2}Civil Defence Academy of the Ministry of the Russian Federation for Civil Defence Emergencies and Elimination of Consequences of Natural Disasters, Khimki, Russia, ¹304304@mail.ru, ²5659681@mail.ru

³Moscow University of Communications, Moscow, Russia, chaevich_alex@mail.ru

Abstract. In the article, the formation of analytical competencies among employees of the department under consideration is studied using two research methods. Using the Ishikawa Diagram method, the authors identified 3 management problems. Using the SWOT analysis method, the authors developed 6 strategies and 6 specific proposals (measures) to improve the formation of analytical competencies among employees of the department in question.

Keywords: Ishikawa diagram, analytical competencies, competency model, EMERCOM of Russia, development program, managerial problem, emergency response department, expert group, SWOT analysis

For citation: Melkov, S. A., Popov, D. N., Chaevich, A. V. (2023). Implementation of analytical competences by employees of the emergency response department of the EMERCOM Crisis Management Center in Moscow: Development of Strategies and Measures. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social Sciences, 1(850), 91–98. 10.52070/2500-347X_2023_1_850_91

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Во-первых, результаты всё большего числа исследований показывают, что все (!) сотрудники различных государственных и муниципальных структур должны владеть аналитическими компетенциями [Мельков, Микрюков, Лябах, 2017; Коляденкова, 2017]. Наверно, эту мысль можно поставить под сомнение, но, если только за исключением технического персонала.

Во-вторых, по объективным причинам сокращающееся количество финансовых ресурсов (имеются в виду условия антироссийских и российских санкций), которые российское государство сможет выделять на развитие государственного и муниципального управления, полагаем, всё равно заставит власти различных уровней искать иные ресурсы, возможно нестандартные, неожиданные, инновационные и т. п. ресурсы для своего развития [Данкова, Горикова, 2018].

В-третьих, в условиях постковидных и санкционных ограничений компетентность каждого сотрудника различных государственных и муниципальных структур становится, на наш взгляд, стратегическим ресурсом развития органа власти, организации, учреждения [Данкова, 2018]. Недавние изменения в руководстве правительства нашей страны и некоторых государственных корпораций, осуществленные президентом России, подтверждают эту мысль в полной мере.

В-четвертых, начавшееся (или ускорившееся) с 2014 года сложное, возникшее с участием России, геополитическое противостояние различных стран объективно ставит вопрос о профессиональной готовности российского государства и работающих на него профессионалов участвовать в этом противостоянии. С нашей точки зрения, динамичное обновление политических, управленческих и иных элит неизбежно в нашей стране [Понеделков, Старостин, 2014]. А недавние изменения (см. п. 3 актуальности) в полной мере доказывают эту мысль – президенту нужны креативные управленцы.

В-пятых, многие исследовательские структуры в нашей стране уже несколько лет назад зафиксировали серьезный общественный запрос на перемены [Братерский, Кулешова, 2021]. Во многих органах власти и управления постепенно зреет запрос на специалистов с аналитическими компетенциями. И, скорее всего, существующее в настоящее время доминирование лояльности всё же может смениться доминированием профессиональной компетентности (а не еще большим запросом на лояльность). Авторы статьи на это надеются.

ЛАПИДАРНОЕ ОПИСАНИЕ ПРОБЛЕМНОГО ПОЛЯ И МЕТОДОЛОГИИ ИССЛЕДОВАНИЯ

Исследуемая *проблема*: не сформированность задачи формирования аналитических компетенций у всех (за исключением, пожалуй, технического персонала) сотрудников и работников в различных государственных и муниципальных структурах и их готовности реализовать эти компетенции в своей профессиональной деятельности.

Объект исследования: управление персоналом в организации.

Предмет исследования: процесс реализации аналитических компетенций в организации.

Методы исследования: Диаграмма Исикавы, SWOT-анализ (описание привлеченных экспертных групп будет представлено в тексте далее, перед началом каждого метода).

Гипотеза: предполагаем, что значительно улучшить аналитическую компетентность сотрудников рассматриваемой организации только путем решения как минимум трех выявленных в исследовании управленческих проблем. На самом деле мы понимаем, что этих проблем намного больше.

ВЫЯВЛЕНИЕ УПРАВЛЕНЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ В ПРОЦЕССЕ РЕАЛИЗАЦИИ АНАЛИТИЧЕСКИХ КОМПЕТЕНЦИЙ СОТРУДНИКАМИ РАССМАТРИВАЕМОГО УПРАВЛЕНИЯ

С привлечением экспертной группы из пяти сотрудников управления экстренного реагирования (*далее* УЭР) ЦУКС¹ Главного управления (*далее* ГУ) МЧС России по г. Москве был применен метод Диаграммы Исикавы. Все эксперты заняты управленческим трудом. Экспертная группа работала в апреле 2022 года. Далее одновременно опишем ход (т. е. методологию) применения данного метода и полученные результаты (рисовать здесь ход применения этого метода по этапам мы не будем, чтобы не уменьшать степень оригинальности авторского текста).

На первом этапе применения метода Диаграммы Исикавы сформированная авторами экспертная группа выявила основную исследуемую проблему «постоянной практической реализации аналитических компетенций сотрудниками УЭР ЦУКС ГУ МЧС России по г. Москве»².

¹ЦУКС – Центр управления в кризисных ситуациях. Устойчивая аббревиатура.

²Мы считаем, что в такой формулировке она больше похожа на задачу, а не на проблему. Но мы не вправе менять мнение экспертов.

РАСЧЕТ ЧИСЛОВОГО ВЕСА ПО ДИАГРАММЕ ИСИКАВЫ

Наименование проблемы / подпроблемы	Кол-во повторений	Экспертная оценка	Итого
Отсутствие компетенций по применению новых инновационных средств	3	4,2	12,6
Недостаточная автоматизация деятельности ЦУКС ГУ МЧС России по г. Москве	3	3,8	11,4
Технические сбои в работе электронных систем прогнозирования	2	4,6	9,2
Недостаточный контроль за уровнем сформированности компетенций	4	4,8	19,2
Недостаточное нормативно-правовое регламентирование реализации (компетенций)	3	4,2	12,6
Отсутствие методик диагностики аналитических компетенций у сотрудников	2	3	6
Заинтересованность руководства	4	1,2	4,8

На втором этапе применения метода Диаграммы Исикавы сформированная авторами экспертная группа дискуссионным путем выявила четыре подпроблемы, однозначно влияющие на выявленную на первом этапе проблему. Здесь мы их описывать не будем, лишь от себя заметим, что ни один из выявленных экспертами аспектов принципиально не является новым, т. е. ранее не известным или неожиданным для экспертов или для авторов статьи.

На третьем этапе применения метода Диаграммы Исикавы совместными усилиями экспертов в строящуюся диаграмму были добавлены всего 14 причин, влияющих, по мнению экспертов, на выявленные ими же подпроблемы.

Затем эксперты *по важности* для себя для каждой проблемы или подпроблемы выставили коэффициент от 1 до 5.

А далее началась оценочная работа непосредственно авторов статьи. Был рассчитан числовой вес критериев. Полученные авторами статьи результаты представлены в таблице 1. Обратим внимание на то, что мы сознательно не вставляли в таблицу 1 проблемы или подпроблемы, набравшие менее двух повторений экспертов, априори считая их в этом случае не существенными.

Далее авторы рассчитали коэффициент корреляции Кендалла, для понимания степени согласованности экспертной группы (в силу громоздкости расчетов все таблицы / матрицы рангов приводить не будем). Мы получили результат: $W = 0.74$, что позволяет судить о наличии высокой степени согласованности мнений экспертов. Следовательно, эти мнения мы обоснованно рассматриваем как валидные.

Таким образом, методом Диаграммы Исикавы были выявлены три управленческие проблемы (по мнению экспертной группы, см. таблицу 1¹):

- отсутствие компетенций по применению новых инновационных средств;
- недостаточный контроль за уровнем сформированности компетенций;
- недостаточное нормативно-правовое регламентирование формирования аналитической компетентности сотрудников.

ВЫРАБОТКА СТРАТЕГИЙ ПО ПОВЫШЕНИЮ АНАЛИТИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ СОТРУДНИКОВ УЭР ЦУКС ГУ МЧС РОССИИ ПО Г. МОСКВЕ

Для выработки стратегий по повышению аналитической компетентности сотрудников УЭР ЦУКС ГУ МЧС России по городу Москве авторы применили метод SWOT-анализа. В качестве экспертов в процессе применения метода приняли участие пять руководителей² подразделений управления экстренного реагирования ЦУКС ГУ МЧС России по городу Москве.

Подчеркнем, что эксперты количественно выделили много слабых сторон, отрицательно влияющих на функционирование рассматриваемого нами управления в целом. Но при этом по содержанию

¹В таблице 1 были выделены более темным фоном проблемы / подпроблемы, набравшие наибольший числовой вес от экспертов (напомним, что проблемы или подпроблемы, набравшие менее 2-х повторений экспертов, нами сознательно в итоговую таблицу по Диаграмме Исикавы не включались).

²Это другие эксперты, но все они также заняты управленческим трудом.

таблицы 2 заметно, что велико и количество возможностей (их эксперты выделили девять) для развития (изменения, улучшения и т. п.) реализации аналитических компетенций в Управлении. Их рост, скорее всего, в перспективе может значительно улучшить эффективность деятельности УЭР ЦУКС ГУ МЧС России по г. Москве и не только этого управления. Вероятнее всего, потенциальный рост эффективности можно будет осуществить путем полноценного использования выявленных возможностей при разработке верных стратегий.

Проведем далее парные сравнения выявленных в 1-й матрице причин и сформулируем стратегии по решению выявленных экспертами проблем / подпроблем (см. таблицу 3).

Таким образом, в таблице 3 эксперты сформировали шесть реальных стратегий развития

аналитических компетенций у сотрудников рассматриваемого нами управления. За исключением такой стратегии, как «реализация аналитических компетенций сотрудниками УЭР ЦУКС ГУ МЧС России по г. Москве», которую поддерживали четыре эксперта (это тоже большинство из них), все остальные стратегии были поддержаны всеми (!) пятью экспертами. Следовательно, мы можем сделать вывод, что опрошенные эксперты считают все выработанные стратегии развития аналитических компетенций сотрудниками рассматриваемого нами управления реалистичными.

Далее авторами разработаны адресные предложения по улучшению процесса реализации аналитических компетенций сотрудниками рассматриваемого нами управления (см. таблицу 4).

Таблица 2

ПЕРВАЯ МАТРИЦА SWOT-АНАЛИЗА РЕАЛИЗАЦИИ АНАЛИТИЧЕСКИХ КОМПЕТЕНЦИЙ СОТРУДНИКАМИ УПРАВЛЕНИЯ ЭКСТРЕННОГО РЕАГИРОВАНИЯ ЦУКС ГУ МЧС РОССИИ ПО ГОРОДУ МОСКВЕ

Сильные стороны реализации аналитических компетенций	Слабые стороны реализации аналитических компетенций
Были выявлены пять сильных сторон.	Были выявлены восемь слабых сторон.
Возможности для развития реализации аналитических компетенций	Угрозы сложившейся реализации аналитических компетенций
Были выявлены девять таких возможностей.	Были выявлены пять таких угроз.

Таблица 3

ВТОРАЯ МАТРИЦА SWOT-АНАЛИЗА РЕАЛИЗАЦИИ АНАЛИТИЧЕСКИХ КОМПЕТЕНЦИЙ СОТРУДНИКАМИ УЭР ЦУКС ГУ МЧС РОССИИ ПО Г. МОСКВЕ

Пара сопоставления	Сравниваемые пункты, предлагаемые стратегии и количество поддержавших экспертов
Сильные стороны – слабые стороны	1–4 В рамках проведения текущего контроля за деятельностью сотрудников сформировать в готовящейся сотрудниками справке несколько дополнительных пунктов, которые будут отображать уровень сформированности компетенций (в том числе аналитических, поддержали пять экспертов).
Сильные стороны – возможности	3–5 Провести для всех сотрудников УЭР ЦУКС ГУ МЧС России по г. Москвы курсы повышения квалификации в области развития аналитических компетенций (возможно, в дистанционном формате) (поддержали пять экспертов).
Сильные стороны – угрозы	5–3 Внедрить практику применения метода кейс-стади (ситуационного анализа) для оценки степени сформированности аналитических компетенций и, в том числе, для их развития (поддержали пять экспертов).
Слабые стороны – возможности	4–3 Создание программы формирования и развития аналитических компетенций у сотрудников УЭР ЦУКС ГУ МЧС России по г. Москве (поддержали пять экспертов).
Слабые стороны – угрозы	5–2 Создание компетентностной модели для сотрудников (в том числе, для принимаемых на работу), по которой проводить обучение и контроль за их деятельностью (поддержали четыре эксперта).
Возможности – угрозы	3–2 Обязательное проведение вступительных испытаний для будущих сотрудников УЭР ЦУКС ГУ МЧС России по г. Москве для определения уровня сформированности их профессиональных (в том числе аналитических) компетенций, с учетом профиля их образования (поддержали пять экспертов).

Таблица 4

**НЕКОТОРЫЕ КОНКРЕТНЫЕ ПРЕДЛАГАЕМЫЕ АВТОРСКИЕ МЕРЫ, НАПРАВЛЕННЫЕ НА УЛУЧШЕНИЕ
РЕАЛИЗАЦИИ АНАЛИТИЧЕСКИХ КОМПЕТЕНЦИЙ СОТРУДНИКОВ УЭР ЦУКС ГУ МЧС РОССИИ ПО Г. МОСКВЕ**

Проблема / подпроблема	Предлагаемая мера	Субъект реализации	Затраты (ресурсы)	Эффект (планируемый результат)
Контроль за уровнем сформированности аналитических компетенций у сотрудников не проводится	Внедрить практику применения метода кейс-стади (ситуационного анализа) для оценки сформированности аналитических компетенций у сотрудников	Управление кадров ГУ МЧС России по г. Москве	Не требуются	Повышение качества мониторинга компетентности сотрудников, а также развитие аналитических компетенций в процессе прохождения ими учебных кейсов и решения практических задач
Курсы повышения квалификации для развития аналитических компетенций сотрудников не проводятся (специальные)	Внедрить разработанную программу обучения и развития аналитических компетенций сотрудников в план проведения курсов повышения квалификации для сотрудников	Запрос от Управления кадров ГУ МЧС России по г. Москве. Запрос на создание курсов повышения квалификации по данной программе – Департамент кадровой политики МЧС России	Не требуются	Таким образом, для сотрудников будут проводиться специализированные курсы по развитию аналитических компетенций, адаптированные под задачи управления
Проблематика аналитической компетенции в МЧС России не рассматривается	Внедрить во всех изданиях МЧС России (имеются в виду, не только ведомственные СМИ, но и все электронные ресурсы) рубрику «Аналитика в кризисных ситуациях»	Департамент образовательной и научно-технической деятельности	Не требуются	Получится популяризировать сферу аналитики в кризисных ситуациях, что позволит в дальнейшем актуализировать тему аналитической компетентности
	Внедрить в научных изданиях вузов и научных организаций МЧС России рубрику «Аналитика в кризисных ситуациях»			
Отсутствие компетентной модели сотрудников Управления экстренного реагирования ЦУКС ГУ МЧС России по г. Москве	Запуск инициативной НИР по разработке компетентностной модели сотрудников МЧС России	Департамент кадровой политики МЧС России	700 тыс. рублей	Наличие компетентностных моделей сотрудников МЧС России позволит на их базе создать аналогичную (по аналитической проблематике) для ГУ МЧС России по Москве
	Создание компетентной модели для сотрудников Управления экстренного реагирования ЦУКС ГУ МЧС России по г. Москве	Департамент кадровой политики МЧС России	80 тыс. рублей.	В рамках данной модели будет проводиться текущий контроль за деятельностью сотрудников, таким образом будет проще определить сильные стороны работников – тем самым оптимизировать кадровое обеспечение и организовать курсы повышения квалификации

Таблица 5

**ПРОГРАММА РАЗВИТИЯ И ФОРМИРОВАНИЯ АНАЛИТИЧЕСКИХ КОМПЕТЕНЦИЙ
У СОТРУДНИКОВ ЦУКС ГУ МЧС РОССИИ ПО ГОРОДУ МОСКВЕ**

Название учебных дисциплин	Время (академические часы)	Уровень сложности (1 – базовый, 2 – продвинутый)
Методы стратегического планирования и прогнозирования	46	2
Использование современных систем прогнозирования	24	2
Инструменты качества SPC, MSA, FMEA, Process Analysis	12	1
Статистика	18	2
Анализ данных	32	2
Скорочтение	8	1
Мнемотехника	10	1
Тайм-менеджмент руководителя	10	2

Подытоживая показания таблицы 5 заметим, что предлагаемая нами Программа развития и формирования аналитических компетенций у сотрудников рассматриваемого нами управления, носит, скорее, рамочный характер и может обсуждаться. При желании, конечно, можно либо менять дисциплины местами, либо заменять их на новые (например, ввести учебную дисциплину «Разработка баз данных») и т. п. Кроме того, полагаем, можно ввести учебные дисциплины с точечным изучением методов исследования, например, «Кейс-стади», «SWOT-анализ и PEST-анализ» и т. д.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование влечет за собой ряд выводов. Во-первых, развитие аналитических компетенций у сотрудников МЧС России – достаточно сложный процесс, который в обязательном порядке требует разработки аналитической компетентностной модели, что явно выходит за рамки полномочий рассматриваемого нами управления. На наш взгляд, такое решение может быть принято на уровне федерального органа исполнительной власти или в российском парламенте.

Во-вторых, для практической реализации этой аналитической компетентностной модели в практику деятельности как МЧС России, так и любого

иного органа государственной власти, по всей видимости, обязательно следует разработать и внедрить Программу развития и формирования аналитических компетенций.

В-третьих, для развития компетентностной модели и внедрения Программы развития и формирования аналитических компетенций нужны желание управленческих кадров и их управленческая воля.

В-четвертых, на перспективу мы хотим обратить внимание на то, что диалектика логической и творческой активности в деятельности сотрудников органов власти и управления до сих пор недостаточно исследована. Для творческой деятельности, как минимум, характерны:

- врожденная познавательная потребность;
- сверхчувствительность к проблемам;
- умение менять точку зрения на любую проблему (надситуативная активность);
- внутреннее понимание, что решение задачи не является завершением работы;
- развитая креативность;
- способность приходить к озарению (инсайту) (*Независимая газета*. 20.07.2022)¹.

Хотя это тема для отдельного и очень большого самостоятельного исследования.

¹URL: https://www.ng.ru/education/2022-07-20/8_8491_education1.html

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Мельков С. А., Микрюков В. О., Лябах А. Ю. Должен ли выпускник российского вуза владеть аналитическими навыками? (на примере направления «Государственное и муниципальное управление») // Прикладные научные исследования и экспериментальные разработки, основанные на результатах фундаментальных и поисковых исследований 2017. С. 145–150.
2. Коляденкова В. С. Мнение студентов о роли и месте аналитической деятельности в сфере государственного и муниципального управления // ГосРег: государственное регулирование общественных отношений. 2017. № 3 (21). С. 19.
3. Данкова Ж. Ю., Горикова Ю. А. Диагностика аналитических компетенций административно-управленческого персонала Академии гражданской защиты МЧС России // ГосРег: государственное регулирование общественных отношений. 2018. № 2 (24). С. 109–113.
4. Данкова Ж. Ю. Формирование аналитических компетенций государственных служащих // Социально-гуманитарные знания. 2018. № 4. С. 95–101.
5. Понеделков А. В., Старостин А. М. Лидерско-элитная проекция политических процессов современной России: итоги исследований последнего 20-летия (1994–2014). Информационно-аналитические материалы с международным участием «Лидер, элита, регион», 27–28.10.2014 г., Ростов-на-Дону. Ростов н/Д: ЮРИУ РАНХиГС, 2014.
6. Братерский А. В., Кулешова А. В. Открытый (в)опрос: общественное мнение в современной истории России. М.: ВЦИОМ, 2021.

REFERENCES

1. Melkov, S. A., Mikryukov, V. O., Lyabakh, A. Yu. (2017). Dolzen li vipusknik rossiyskogo vuza vladet analiticheskimi navikami = Should a graduate of a Russian university have analytical skills? (on the example of the direction «State and municipal management»). In: Prikladnie nauchnie issledovania I eksperementalnie razrabotki, osnovannye na rezultatah fundamentalnih I poiskovih issledovaniy = Applied scientific research and experimental development based on the results of fundamental and exploratory research, 145–150. (In Russ.)
2. Kolyadenkova, V. S. (2017). Mnenie studentov o roli I meste analiticheskoy deyatel'nosti v sfere gosudarstvennogo I municipal'nogo upravleniya = Students' opinion on the role and place of analytical activity in the field of state and municipal government. GosReg: state regulation of public relations, 3(21), 19. (In Russ.)
3. Dankova, Z. Yu., Gorikova, Yu. A. (2018). Diagnostika analiticheskikh kompetency administrativno-upravlencheskogo personala Akademii grazhdanskoy zaschity MCHS Rossii = Diagnostics of the analytical competencies of the administrative and managerial personnel of the Civil Defence Academy EMERCOM of Russia. GosReg: state regulation of public relations, 2(24), 109 – 113. (In Russ.)
4. Dankova, Z. Yu. (2018). Formation of analytical competencies of civil servants. Social and humanitarian knowledge, 4, 95–101. (In Russ.)
5. Ponedelkov, A. V., Starostin, A. M. (2014). Lidero-elitnaya proektsia politicheskikh processov sovremennoy Rossii: itogi poslednego 20-letia (1994 – 2014) = Leader-elite projection of the political processes of modern Russia: results of studies of the last 20 years (1994–2014). Informacionno-analiticheskie material s mezdunarodnim uchastiem «Lider, elita, region», 27–28.10.2014, Rostov-na-Donu. – Rostov n\D: izdatelstvo" YURIU RANKHiGS – Information and analytical materials with international participation «Leader, elite, region», 27–28.10.2014, Rostov-on-Don. - Rostov n / a: Publishing house: YURIU RANEPА. (In Russ.)
6. Braterskiy, A. V., Kuleshova, A. V. (2021). Otkritiy vopros: obchestvennoe mnenie v sovremennoy istorii Rossii = Open (c)poll: public opinion in the modern history of Russia. Moscow: VCIOM. (Vol. 1). (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Мельков Сергей Анатольевич

доктор политических наук, профессор
заведующий кафедрой государственного и муниципального управления
Академия гражданской защиты МЧС России им. генерал-лейтенанта Д. И. Михайлика,

Попов Дмитрий Николаевич

студент III курса Академии гражданской защиты МЧС России
направление «Государственное и муниципальное управление», уровень магистратуры
заместитель начальника Управления экстренного реагирования
Центра управления в кризисных ситуациях
Главного управления МЧС России по г. Москве,

Чаевич Александр Владимирович

доктор политических наук, доцент
профессор кафедры «Методология права и юридическая коммуникация»
Российского университета транспорта (МИИТ)
Юридический институт

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Melkov Sergey Anatolievich

Doctor of Political Sciences, Professor
Head of the Department of State and Municipal Administration
of the Civil Defence Academy of the Ministry of the Russian Federation
for Civil Defence, Emergencies and Elimination of Consequences of Natural Disasters

Popov Dmitry Nikolaevich

3rd year student of the Civil Defence Academy of the Ministry of the Russian Federation for Civil Defence, Emergencies and Elimination of Consequences of Natural Disasters, direction «State and municipal management», master's degree
Deputy Head of the Emergency Response Department of the Central Control Center of the Main Directorate of the Ministry of the Russian Federation for Civil Defence, Emergencies and Elimination of Consequences of Natural Disasters for Moscow

Chaevich Alexander Vladimirovich

Doctor of Political Sciences, Associate Professor
Professor of the Department «Methodology of Law and Legal Communication», Russian University of Transport (MIIT), Institute of Law

Статья поступила в редакцию одобрена после рецензирования принята к публикации	30.10.2022	The article was submitted approved after reviewing accepted for publication
	11.01.2023	
	12.02.2023	

Научная статья

УДК 316:311.2; 303:523.

DOI 10.52070/2500-347X_2023_1_850_99

Панельная, поточная и стихийная онлайн-выборки в социологических исследованиях: методика построения и реализации

В. Л. Примаков

*Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
vprim2007@yandex.ru*

Аннотация. В статье выявляются технологические особенности построения и реализации панельной, поточной и стихийной онлайн-выборок в социологических исследованиях. Дается методологическое обоснование широкого применения этих выборок в практике «количественных» исследовательских проектов, их существенные различия, характеристики приемов и способов осуществления.

Ключевые слова: онлайн-социологические исследования, онлайн-выборка, панельная выборка, поточная выборка, стихийная выборка

Для цитирования: Примаков В. Л. Панельная, поточная и стихийная онлайн-выборки в социологических исследованиях: методика построения и реализации // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2023. Вып. 1 (850). С. 99–106. DOI 10.52070/2500-347X_2023_1_850_99

Original Article

Panel, River and Spontaneous Online Sampling on Sociological Research: Methods of Construction and Implementation

Vyacheslav L. Primakov

*Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
vprim2007@yandex.ru*

Abstract. The article concerns the analysis of technological features of the construction and implementation of panel, river and spontaneous online samples in sociological research. The author reveals methodological rationale of the wide application of these samples in quantitative research projects, their essential difference, characteristics of techniques and methods of implementation.

Keywords: online-sociological research, online sampling, panel sampling, river sampling, spontaneous sampling

For citation: Primakov, V. L. (2023). Panel, river and spontaneous online sampling in sociological research: methods of construction and implementation. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social Sciences, 1(850). 99–106. DOI 10.52070/2500-347X_2023_1_850_99

ПОЧЕМУ ПАНЕЛЬНАЯ, ПОТОЧНАЯ И СТИХИЙНАЯ ОНЛАЙН-ВЫБОРКИ?

Интерес ученых, а особенно, практиков к проведению онлайн выборочных исследований в области социологии и смежных с ней областях, например, в маркетинге, экономике и др., сегодня действительно растет как у нас в стране, так и за рубежом. Так, по данным исследовательской ассоциации «ESOMAR Global Market Research» в 2007 году в мире проводилось 20 % «количественных» онлайн-исследований, при этом в России – только 7 %. В 2016 году таких исследований в мире осуществлялось уже 33 %, в то время как в России – 14 %¹. Растут коммерческие предложения и запросы на подобные исследования.

Прикладная профессиональная среда активно использует наработки в выборочном онлайн-проектировании. И если практики повсеместно реализуют различные онлайн-методики выборочных исследований, то на научно-теоретическом и методологическом уровне их анализа, в том числе и в преподавательской практике, доминирует классический подход, основанный на аналоговых офлайн-методиках. Внимательно следя за учебной, учебно-методической литературой в этой области методики социологических исследований, можем отметить, что за последние несколько лет получили широкое межвузовское распространение лишь некоторые издания, и то лишь частично сосредоточенные на онлайн выборочных отборах [Чуриков, 2020], хотя конференций, статей, публикаций о сущности, особенностях и проблемах в данной области предостаточно². Акцентируя данный тезис, мы можем утверждать, что серьезного научного теоретического и методологического осмысления практика осуществления онлайн выборочных социологических исследований до сих пор не получила.

Одной из причин дефицита серьезного научного анализа широкой практики построения онлайн-выборок является тот факт, что классическая теория выборочного исследования вступает в явное противоречие с практикой. И существо ее, как нам видится, отражает, прежде всего, проблема

репрезентативности онлайн выборочных социологических исследований. Поскольку онлайн-выборка не в состоянии обеспечить общепринятый вариант случайной выборки, вероятностно-статистическая ошибка которой, собственно, и является показателем (критерием) репрезентативности в ее классическом понимании. Этот вывод мы обосновывали в одной из статей по данной тематике [Примаков, 2021]. Несмотря на некоторую безусловность данного вывода, полагаем, что разговор об этой проблеме может и должен быть продолжен.

Однако представляется возможным подойти к проблеме с другой стороны. Попробуем облечь ее в следующую формулировку: «Как обеспечить, если не задаваемую и не контролируемую репрезентативность, то относительно приемлемое качество воспроизведения (близость) структурных элементов генеральной совокупности в выборке онлайн социологического исследования?»

Напомним, что в «качественных» исследованиях с направленными и / или целевыми выборками проблема репрезентативности не стоит в принципе. Предлагаем усложнить задачу и сосредоточить внимание на таких методиках, которые бы обеспечивали возможность реализовывать «количественные» стратегии исследования, т. е. возможность собирать и анализировать эмпирические данные с обоснованным использованием в последующем математико-статистического аппарата их анализа. Полагаем, что рассматриваемые методики в оптимальной степени обеспечивают массовый набор единиц анализа в онлайн-выборку, возможности воспроизведения значимых элементов структуры изучаемой совокупности объектов, «количественный» уровень анализа и статистической проверки гипотез. Ради объективности заметим, что существуют и другие методики, правда, менее распространенные и не настолько же эффективные для решения обозначенного круга задач.

И еще один аргумент. Практика проводимых инициативных (как и заказных и / или коммерческих) социологических исследований сегодня в подавляющем большинстве случаев строится на анализе эмпирических данных, полученных с помощью именно онлайн-выборок. Выявлено, например, то, что за последние пять лет на кафедре социологии Московского государственного лингвистического университета онлайн-выборки применялись для сбора данных при подготовке 96 % ВКР студентов бакалавриата и магистратуры, 93 % из них – это «количественные» социологические исследования. Есть уверенность, что анализ рассматриваемых методик поможет инициативным

¹Как это работает – Riversampling. Онлайн опросы.
URL: <https://riversampling.ru/kak-eto-rabotaet/>

²Особенности построения онлайн выборок.
URL: https://studref.com/418011/sotsiologiya/osobennosti_postroeniya_onlayn_vyborok/;
Проблемы формирования выборки для интернет-опросов
URL: https://spravochnik.ru/marketing/problemy_formirovaniya_vyborki_dlya_internet-oprosov/;
Применение онлайн методов в социологических и маркетинговых исследованиях. URL: <http://www.voxru.net/online-research.pdf>

исследователям в грамотном конструировании онлайн-выборок и сборе качественного эмпирического материала.

СОДЕРЖАНИЕ И ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ ПАНЕЛЬНОЙ ОНЛАЙН-ВЫБОРКИ

Панельная онлайн-выборка в исследовательской практике эмпирической социологии является достаточно распространенной, но при этом относительно затратной и трудоемкой методикой. *Панельная онлайн-выборка* (Directional online sampling) формируется на основе интернет-панелей, баз (списков) потенциальных (согласившихся участвовать в панели, «завербованных») респондентов с использованием регистрационных данных.

Интернет-панели (Access panels) – это база данных потенциальных респондентов, интернет-пользователей, из которой формируется выборочная совокупность конкретного исследования. Панельную выборку нередко также называют завербованной.

Панельная выборка как метод конструирования выборочной совокупности использовалась и раньше, хотя и не так широко. Причин тому много, и основная из них связана с проблемами создания и поддержания онлайн-панелей. При некотором различии подходов к осуществлению панельной онлайн-выборки, можно определенным образом этапизировать этот процесс.

1 этап – составление онлайн-панели, базы данных респондентов, основы выборочного панельного исследования. Онлайн-панель представляет собой базу респондентов, пользователей интернета, добровольно согласившихся участвовать в опросе, зарегистрировавшихся и, соответственно, заполнивших анкету с указанием своих идентификационных характеристик (чаще всего, социально-демографических) и электронного адреса (как правило). Эти процедуры являются практически обязательными. Важно четко идентифицировать будущего панелиста по возможно широкому набору признаков, а также определить канал электронной связи с ним. Такая многопрофильность отбора позволяет использовать различные способы проверки и избежать двойных регистраций.

Важный вопрос этого этапа связан с определением приемов и способов поиска, рекрутинга, отбора и расширения будущей онлайн-панели. Чаще всего говорят о следующих приемах и способах:

- размещение на web-ресурсах, в банерных сетях, социальных сетях и т. п. приглашений всем желающим для участия в панельном исследовании;

- адресная рассылка типичным посетителям различных сайтов приглашений в панель на основе скрининга по определенным характеристикам; отправка персональных приглашений в панель осуществляется на основе соответствий заданным критериям;

- предложение посетителям сайта, как зарегистрированным, так и незарегистрированным на нем (например, новостного ресурса), пройти по ссылке для участия в исследованиях; сюда же можно отнести способ приглашений в панель пользователей, пришедшим благодаря контекстной рекламе и рекламе, размещенной на разных тематических площадках, популярных развлекательных и новостных сайтах, других сайтах (например, посвященных поиску работы);

- методика «снежного кома», предполагающая рассылку приглашений участниками предыдущих исследований, либо заинтересованными в приглашении других панелистов; существуют и иные способы, основанные на методике «снежного кома», например, «управляемая респондентом выборка» (RDS – Respondent-Driven Sample); этот способ эффективен при онлайн-опросах ограниченных совокупностей со множеством внутрисетевых связей;

- использование опросов организаций, частных исследователей, которые в свои опросные листы нередко включают предложение респонденту стать участником такой панели и иногда принимать участие в онлайн-опросах.

Существуют и другие способы. В конечном итоге осуществляется регистрация будущих панелистов в личном кабинете, сбор согласий с условиями участия и подтверждений (как правило, e-mail), а также регистрационных признаков (например, социально-демографических, специальных, тематических, целевых). На основе подобных регистраций, соответствий и подтверждений составляется база данных участников будущих конкретных панельных социологических исследований.

Для обеспечения качества онлайн-панелей важно ориентироваться на принципы и правила рекрутирования, верификации панельного обследования, изложенные в требованиях международных организаций. Например, международная профессиональная ассоциация исследовательских компаний ESOMAR разработала стандарты качества при проведении маркетинговых исследований, опросов общественного мнения и социальных исследований¹.

¹ГОСТ Р ИСО 20252-2014. Исследование рынка, общественного мнения и социальных проблем. URL: https://standartgost.ru/g/%D0%93%D0%9E%D0%A1%D0%A2_%D0%A0_%D0%98%D0%A1%D0%9E_20252-2014

2 этап – отбор и участие панелистов в конкретном онлайн-исследовании. Конкретное исследование, онлайн-опрос, как правило, имеет свой набор контролируемых признаков (параметров), по которым строится выборка, чаще всего выраженная в долевого распределение по ним. Подобным образом строятся как стратифицированные, так и квотные выборки, а также нередко целенаправленные, ориентированные на целевые аудитории.

Основным содержанием этого этапа является:

- рассылка приглашений на участие в конкретном онлайн-опросе панелистов из состава созданной базы данных;

- рассылка ссылок на участие в панельных онлайн-опросах, когда, например, используются уникальные ссылки для каждого панелиста;

- контроль прохождения онлайн-опроса (по месту полноте, дате, времени, IP-адресу, открытым, контрольным вопросам, на автозаполнение, повторное заполнение, использование «хитрых вопросов» на проверку внимательности заполнения и пр.), выявление так называемых спидстеров (быстрое заполнение по схеме), «профессиональных панелистов» (участвующих систематически в панельных-опросах, зарегистрированных одновременно в нескольких панелях, а также в одной панели под разными именами и e-mail и пр.). Техническим решением выявленных негативных эффектов часто называют использование технологии digital fingerprinting (цифровой отпечаток компьютера (браузера) для частичной идентификации и пр.);

- регистрация прохождения онлайн-опроса и качества выполненной работы. В конечном итоге работа панелистов должна быть проверена, оценена и оплачена.

3 этап – оценка качества панели, оплата труда панелистов, работа по «поддержанию» панели. Опытные организаторы панельных исследований, а также организации, владеющие онлайн-панелями и представляющие их для других участников исследовательского рынка, прекрасно понимают особую важность данного этапа работы с панелью. Основное содержание данного этапа связано с:

- расчетом панелистов за выполненную работу;

- рассылкой благодарностей за участие в обследовании, отдельных результатов анализа;

- «поддержанием» панели (поддержание контактов; периодическая рассылка информации о проектах, их результатах; пополнение панели новыми респондентами; вовлечение их в сообщества: работа над дизайном исследования; предложение альтернативы; обмен панелями и пр.).

Для «поддержания» панели в рабочем состоянии важно отслеживать ее качество. Например,

профессиональные организаторы онлайн-панелей регулярно контролируют такие показатели как «загруженность», «уровень отклика» (Response Rate), уровень «заполняемости» анкет (Completion Rate), «осыпания» панели (Retention Rate) и др. Не менее важно своевременно регистрировать изменения профилей панелистов, удалять неактивных участников и набирать новых, предупреждать блокировку приглашений к опросам со стороны спам-фильтров.

Подчеркнем также, что практика исследований позволяет реализовать как вероятностные, так и невероятностные панели. Невероятностная панель набирается путем самостоятельного решения пользователя стать участником панели. Вероятностная панель формируется в соответствии с базовыми принципами формирования случайной выборки. Вне зависимости от конкретного метода отбора респондентов основное требование состоит в том, чтобы все члены интересующей группы имели равную вероятность присоединиться к панели. Как правило, такое возможно, когда имеется полная и исчерпывающая база данных будущих панелистов, а выводы распространяются исключительно на исследуемую совокупность.

В заключение отметим, что владение (составление, контроль, поддержание, расширение) онлайн-панелями – дело весьма затратное по ресурсам. Поэтому их владельцы, желая окупить затраты, нередко оформляют их в коммерческое предложение под требования заказчика.

ХАРАКТЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ ПОТОЧНОЙ ОНЛАЙН-ВЫБОРКИ

Не менее интересный и относительно экономичный способ формирования выборочной совокупности в онлайн-исследовании сформировался под названием поточная (или потоковая) выборка. Нередко поточную выборку называют отсеянной (или отобранной) тогда, когда в методику ее реализации, как часто бывает, включается скрининг (прескрининг, ривер-скрининг) с отсевом респондентов по заданным характеристикам (например, квотам) или иным целевым параметрам – для таргетинга. Обилие подобных названий обусловлено, скорее всего, тем, что подобная методика пришла в социологию из маркетинга, прежде всего, из западной маркетинговой практики и реализовывалась в различных технических модификациях.

Поточная онлайн-выборка (River online sampling) как метод представляет собой совокупность

приемов и способов привлечения респондентов в онлайн-выборку среди пользователей интернета в режиме реального времени под конкретный опрос. Она обеспечивает относительно высокое качество отобранных единиц анализа, быстрые сроки проведения исследований, эффективный и много-профильный таргетинг, а самое главное, большое количество респондентов для участия в исследовании. Однако данный метод в отечественной социологической практике слабо распространен главным образом потому, что он требует, во-первых, специальных знаний, а во-вторых, технических и организационных возможностей, которыми владеют далеко не все исследовательские агентства, а уж тем более не все инициативные исследователи.

У технологии River sampling два главных отличия от онлайн панельного выборочного исследования. Во-первых, респонденты в исследование отбираются не из онлайн-панелей, а привлекаются со всего интернет-пространства, с различных сайтов и интернет-площадок, где люди проводят время (социальные сети, блоги, группы, новостные порталы, приложения, игры и пр.). Для привлечения респондентов используются анонсы, баннеры, по-папы, офферы и т. п. Во-вторых, очевидно, что такой поток может и должен быть отфильтрован, адаптирован к задачам конкретного исследования. В данной составляющей заключается еще одно отличие от панелей – прескрининг респондентов, хотя и в панелях происходит своеобразный отсев по определенным характеристикам после заполнения анкеты. Причем главное отличие заключается в том, что в поточной выборке нет необходимости заполнять респондентам так называемые «профилирующие» анкеты, оставлять контакты, регистрироваться. Поток респондентов может быть таргетирован как отбором целевых площадок (групп) привлекаемых, так и прескринингом (ривер-скринингом, отсевом по заданным характеристикам) в ходе заполнения исследовательского инструментария.

При этом открытым и неформализованным остается вопрос об источниках привлечения респондентов в ривер-выборку. Это обстоятельство ориентирует некоторых организаторов поточной выборки постоянно оценивать два вышеобозначенных аспекта¹. Первый связан с необходимостью таргетирования кластеров интернет-площадок, интернет-сайтов, посетители которых рекрутируются в ривер. Поточная выборка, основанная на одном интернет-сайте, с большой долей вероятности будет состоять из респондентов, схожих (т. е. одно-

родных) по некоторым социальным характеристикам и установкам. Этого следует избегать, если требуется представительство широких групп населения, и на практике обычно используется много интернет-источников.

Подчеркивая мысль о необходимости целевой кластеризации интернет-площадок, можно привести пример из исследовательской практики. Так, в одном из исследований по изучению отношения к семейным разводам выяснилось, что мнение об этом социальном акте имеют практически все и отношение к нему самое различное, но в наиболее типичной распространенной оценке «скорее нейтральное». Изначально полагалось, что для составления поточной выборки достаточно было выложить ссылку на различных сайтах, в социальных сетях, группах. В последующем осуществлялся скрининг по полу и возрасту, приближающим структуру к генеральной совокупности. Но углубленный анализ показал, что основной водораздел в отношении к семейным разводам определялся не полом и возрастом, а наличием, прежде всего, личного опыта участия в разводах, в том числе и для детей разведенных. И обсуждения, оценки, отношения к разводам этими людьми осуществлялись не на широкодоступных площадках, а в особых тематических группах, на специализированных форумах, которые практически не попали в выборку, поскольку пережившие разводы не проявляли типичной общестатистической активности как участия в опросе, так и в распространенной нейтральной оценке возможности разводов.

Второй аспект связан с подбором участников опроса. Для того чтобы определить, подходят ли для опроса люди, которые захотели в нем участвовать, может потребоваться прескрининг (предварительный отбор). При отборе участников для конкретного исследования можно использовать самые разные скрининговые параметры. Если нет задачи включить человека в панель, то отбор определяется контролируемыми характеристиками, конкретными задачами исследования, с таким расчетом, чтобы отобранные объекты обеспечили максимальное разнообразие (вариацию) изучаемых признаков. Либо обеспечивали выполнение квотных заданий. В рассмотренном выше контексте поточная выборка приобретает характер отсеянной (или отобранной).

Таким образом, отличительные технологические особенности поточной выборки можно резюмировать следующим образом:

- 1) исследователь таргетирует интернет-площадки с целью определения, локализации целевых групп; предварительная ориентация, выход на интернет-площадки целевых групп осуществляется

¹Diy_research (Исследовательская мастерская):

Потоковые выборки (river samples).

URL: https://vk.com/@diy_research-potokovye-vybornki-river-samples

по набору необходимых характеристик целевых аудиторий;

2) поток респондентов целевой аудитории заполняет электронную анкету в онлайн доступе; размещая предложения пройти опрос на различных тематических площадках, получается выборка из различных сообществ и групп;

3) ривер-респонденты участвуют, как правило, в прескрининге (ривер-скрининге; отборе, отсева по заданным характеристикам, чаще всего социально-демографическим) в ходе заполнения инструментария, а не перед его прохождением, как в панели, позволяющем исследователю точно понимать необходимые квотные характеристики;

4) в исследовании участвуют респонденты, имеющие необходимый интерес к тематике исследования и определенную мотивацию, прошедшие прескрининг; в результате исследования получаются выборки, в которых представлены респонденты из различных (таргетированных) социально-демографических групп, в определенной степени заинтересованных и замотивированных, а не только готовых проходить опросы за вознаграждение;

5) построение и реализация поточной выборки требует специальных знаний и определенных организационных ресурсов; квалифицированная реализация метода зачастую подразумевает под собой работу отдельной группы (подразделения) исследовательской компании (агентства), поскольку достаточно сложно реализовать все организационные и программно-технологические особенности метода.

ОТЛИЧИТЕЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ СТИХИЙНОЙ ОНЛАЙН-ВЫБОРКИ

Изначально следует заметить, что стихийный метод издавна понимался как способ неконтролируемого, произвольного, спонтанного отбора, а правильнее даже сказать, набора единиц анализа в выборку и классифицировался как неслучайный. Поэтому *стихийная онлайн-выборка* (Spontaneous online sampling) представляет собой совокупность приемов и способов отбора, при котором единицы анализа в выборочную совокупность попадают произвольно, на основе желания респондента или некоторых представлений исследователя. В качестве возможных участников стихийно отобранных респондентов, как правило, выступают посетители самых различных интернет-площадок, которые проявили интерес к участию в исследовании.

Принципиальное отличие стихийной выборки от поточной, в которой рекрутинг организует также из состава широкой онлайн аудитории, а уж тем более, панельной, заключается в том, что, во-первых, определение этих онлайн сайтов, ресурсов не таргетировано в смысле определения целевых площадок поиска потенциальных респондентов. Любая площадка, где можно разместить ссылку на участие в исследовании, может быть использована для стихийного отбора. Даже исследовательские сайты, на которых нередко размещают онлайн-анкеты, как правило, не ориентированы на конкретные целевые группы. Скорее они могут отчасти локализовать участников (например, локальные сети и т. п.), что не сродни таргетированию.

Второе отличие связано с тем, что стихийная выборка в наиболее распространенном ее исполнении не предполагает прескрининг ни во время, ни до проведения исследования. Подобное обстоятельство заставляет исследователя особенно внимательно отнестись к процедурам «ремонта» выборки после проведения исследования. Понимая, что стихийная выборка изначально и гарантированно не в состоянии обеспечить нередко даже квотную структуризацию, исследователь вынужден продумывать процедуры приближения структуры выборки к контролируемым квотным параметрам, что не всегда не только корректно и обоснованно, но и принципиально возможно.

Ну и третье принципиальное отличие стихийной онлайн-выборки от рассматриваемых других, на наш взгляд, связано с тем, что ни о какой контролируемой ее репрезентации говорить не приходится. И не только потому, что стихийная выборка относится к типу неслучайных. Главным образом потому, что при проектировании стихийной выборки даже квоты, как правило, не задаются, прескрининга (скрининга) не осуществляется, а степень соответствия каким-либо возможным квотным характеристикам может быть оценена, да и то не всегда, апостериори, т. е. после проведения исследования и то при условии наличия надежных статистических данных по параметрам котируемых характеристик и обоснованного «ремонта» выборки.

В обобщающем виде особенности проектирования стихийной выборки можно представить в следующих характеристиках методики отбора:

1) подбираются (с учетом решаемых задач и ресурсов) интернет-площадки, на которых будут размещаться онлайн опросники проводимого исследования; их набор обширен и, может быть, даже не связан с исследовательской деятельностью или изучаемой темой; но основой поток опросов (не путать с целенаправленной ривер-методикой),

как правило, аккумулируется на специализированных исследовательских web-сервисах;

2) определяются способы возможного «выхода», «встречи» с потенциальными носителями информации по проблеме исследования, их мотивирования на участие в онлайн-опросе; практика решения этой задачи предполагает большой набор постов и репостов, приглашений, призывов в блогах и микроблогах, форумах, в сетях, пабликах и пр., как правило, со ссылками на соответствующий web-ресурс; стоит отметить, что некоторые онлайн-сервисы предоставляют возможность прескрининга (скрининга) респондентов по ряду взаимосвязанных характеристик, что приближает стихийную выборку к поточной;

3) из обширной и доступной генеральной совокупности набираются (не отбираются) носители информации и их реакции (оценки, мнения, установки и пр.) по проблеме исследования;

4) собранная таким образом выборочная совокупность респондентов, исходя из целей и задач анализа, как правило, требует «ремонта» с целью возможного приближения ее структуры по значимым признакам к структуре в генеральной совокупности либо целевым параметрам; окончательная оценка приближения выборочной структуры генеральной осуществляется апостериори.

Следует отметить, что стихийный отбор, в силу, прежде всего, своей неформализованности и отсутствия жестких требований по представительности, предполагает широкий набор способов и приемов набора возможных респондентов. Среди них: «сетевой» (сетевых связей), «первого встречного», направленный (добровольный), «снежного кома», «социального френдинга», «удобная» и др.

Завершая анализ особенностей всех трех рассматриваемых в статье онлайн-выборок, есть смысл отметить, что современные онлайн-технологии предлагают достаточно обширный список сервисов их реализации (например, «Русопрос», «Яндекс Взгляд», «Webanketa», «Anketolog», «1ka», «Opross», «Google Forms», «Survio», «Survey Monkey» и др.)¹.

¹<https://webanketa.com/ru/>; <https://www.surveymonkey.com>
<https://oproso.ru/>; <https://rus-opros.com/>; <https://anketolog.ru/>;
<https://www.1ka.si/>; <https://docs.google.com/forms/u/0/>; <https://surveys.yandex.ru/>; <https://www.questionstar.ru/>; <https://simpoll.ru/>;
<https://fastuna.ru/>; <https://survey-studio.com/>; <https://www.simpleforms.ru/>; <https://www.testograf.ru/>; <https://www.fabuza.ru/> и др.

Такие готовые сервисы позволяют создавать стандартный web-опросник с помощью специального онлайн-конструктора и получать результаты опроса в виде распределений, графиков, кросс-таблиц, а также экспортировать данные в Excel, SPSS, другие совместимые программы. От исследователя требуется организовать e-mail рассылку и / или размещение на различных web-сайтах приглашений к опросу, указав в приглашении уникальную ссылку на анкету (URL). Программированием web-опросников, часто с предоставлением услуг хостинга анкет, занимаются специализированные компании.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Завершая описание методик реализации панельной, поточной и стихийной онлайн-выборки, следует еще раз подчеркнуть их общую нацеленность на решение важных и нетривиальных задач – массовый обоснованный отбор в выборочную совокупность единиц анализа в онлайн-исследовании. Совокупность перечисленных факторов позволяет также обоснованно реализовывать «количественные» исследовательские стратегии, обеспечивать относительно приемлемое качество (близость) воспроизведения структурных элементов генеральной совокупности, использовать математико-статистический аппарат анализа эмпирических данных. Это самое главное.

Во-вторых, очевидно, что реализация представленных методик, как и сама исследовательская онлайн-практика, сопряжена с целым набором ограничений, допущений, проблем. Причем, эти ограничения, проблемы касаются как всех рассматриваемых методик в общей мере, так и специфически каждой из них в отдельности. Впрочем, нам представляется необходимым посвятить анализу всех этих методик отдельную статью (статьи). Мы бы даже предложили расширить дискуссионную основу такого анализа, и пригласить к обсуждению не только академическое сообщество, но и практиков-исследователей.

enjoysurvey.com/; <https://www.createsurvey.ru/>; <https://www.typeform.com/>; <https://www.medallia.com/> и др.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Чуриков А. В. Основы построения выборки для социологических исследований. М. : Общественное мнение, 2020.
2. Примаков В. Л. Особенности формирования онлайн-выборок в социологических исследованиях // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2021. Вып. 4 (845). С. 272–289.

3. Онлайн-исследования в России: тенденции и перспективы / под ред. А. В. Шашкина, И. Ф. Девятко, С. Г. Давыдова. М. : МИК, 2016.
4. Насретдинова М. М. Виды выборок для онлайн опросов // Психология, социология и педагогика. 2014. № 9. URL: <https://psychology.snauka.ru/2014/09/3517>

REFERENCES

1. Churikov, A. V. (2020). Osnovy postroeniya vyborki dlya sociologicheskikh issledovaniy = Fundamentals of sampling for sociological research. Moscow: Obshchestvennoe mnenie. (In Russ.)
2. Primakov, V. L. (2021). Peculiarities of online sampling in sociological research. Vestnik Moscow State Linguistic University, 4(845), 272–289. (In Russ.)
3. Shashkin, A. V., Devyatko, I. F., Davydov, S. G. (Ed.). (2016). Onlajn-issledovaniya v Rossii: tendencii i perspektivy = Online research in Russia: trends and prospects. Moscow: MIK. (In Russ.)
4. Nasretdinova, M. M. (2014). Vidy vyborok dlya onlajn oprosov = Types of samples for online surveys. Psihologiya, sociologiya i pedagogika, 9. <https://psychology.snauka.ru/2014/09/3517> (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Вячеслав Леонидович Примаков

доктор социологических наук, профессор
профессор кафедры социологии Института международных отношений и социально-политических наук
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vyacheslav Leonidovich Primakov

Doctor of Sociology (Dr. habil), Prof.,
Professor of the Department of Sociology
Institute for International Relations and Social and Political Sciences
Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию	13.01.2023	The article was submitted
одобрена после рецензирования	03.02.2023	approved after reviewing
принята к публикации	12.02.2023	accepted for publication

Научная статья

УДК 316.334.52, 316.334.56, 316.422.44, 911.372.7

DOI 10.52070/2500-347X_2023_1_850_107

Проблемы управления соотношением техносреды и экологии мегаполиса в современных условиях (на примере города Москвы)

А. В. Саблуков¹, С. С. Соловьев²

^{1,2}Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия

¹asablukov@mail.ru

²ruisenior@yandex.ru

Аннотация. По научному убеждению авторов статьи, техносреда мегаполиса состоит из предметов искусственного происхождения, которые окружают жителя крупного современного города. Сегодня вопрос управления техносредой находится в тесной взаимосвязи с решением проблем экологии. Для подтверждения данных положений представлены результаты проведенных в Москве фокус-групп среди экспертов, являющихся достаточно информированными об экологической обстановке и состоянии технической среды в Москве.

Ключевые слова: социальное управление, техносреда города, экология города, мегаполис

Для цитирования: Саблуков А. В., Соловьев С. С. (2023). Проблемы управления соотношением техносреды и экологии мегаполиса в современных условиях (на примере города Москвы) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2023. Вып. 1 (850). С. 107–112. DOI 10.52070/2500-347X_2023_1_850_107

Original article

Problems of Managing the Ratio of the Techno-Environment and the Ecology of the Metropolis in Modern Conditions (on the Example of the City of Moscow)

Alexander V. Sablukov¹, Sergey S. Solovyov²

^{1,2}Moscow State Linguistic University, Russia

¹asablukov@mail.ru

²ruisenior@yandex.ru

Abstract. According to the authors, the techno-environment of a metropolis is all objects of artificial origin that surround a resident of a large modern city. Today, the issue of managing the technical environment is closely related to the solution of environmental problems. To confirm these provisions, the results focus groups conducted in Moscow among experts who are sufficiently informed about the environmental situation and the state of the technical environment in Moscow are presented.

Keywords: social management, city technical environment, city ecology, metropolis

For citation: Sablukov, A. V., Solovyov, S. S. (2023). Problems of managing the ratio of the techno-environment and the ecology of the metropolis in modern conditions (on the example of the city of Moscow). Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social Sciences, 1(850), 107–112. DOI 10.52070/2500-347X_2023_1_850_107

ВВЕДЕНИЕ

Проблемы социальной экологии в настоящее время стали как никогда более актуальны в связи увеличивающимся давлением человека на окружающую среду и, соответственно, с ответной реакцией этой среды на социум. С точки зрения урбанизации в данном случае имеют место, как минимум, три подхода:

- основанный на исходных идеях Ж. Ж. Руссо о городе как «бездушной машинной цивилизации», и, следовательно, развитие мегаполисов – это зло для природы и человечества и надо максимально деурбанизировать планету и общество [Стридзе, 2017];
- природа имеет огромный внутренний ресурс для того, чтобы переработать и адаптировать под себя все издержки развития цивилизации и роста городов; об этом говорят остатки пришедших в упадок цивилизаций [Баландин, 2004];
- разумное управление экологией города является ключом к успеху развития современных мегаполисов [Майснер, 2020].

Современные города как социально-территориальные образования в своем развитии, как правило, сталкиваются с двумя противоречивыми тенденциями. С одной стороны, увеличение площади жилищной и производственно-торговой застройки влечет за собой элементы технологизации быта, строительных конструкций, развитие транспорта, коммуникационных технологий, увеличение плотности населения и др. С другой – расширение городской застройки уменьшает количество зелени, изменяет флору и фауну территории, ухудшает рекреационные возможности и экологию в целом, порождает загрязнение и даже повышает температуру воздуха. Если не управлять развитием техносреды и экологии мегаполиса, то со временем он превратится в пыльные каменные джунгли, существенно ухудшающие качество жизни и здоровье горожан.

МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

В научной литературе понятие «техносреда» не является устоявшимся. Как ее не совсем точный эквивалент используется понятие «техносфера», охватывающее часть технологических объектов, производимых человеком, и одновременно система, а не просто растущий набор технологического оборудования [The unbearable burden of the technosphere, 2018]. Другими словами – техносфера – объект планетарной экологии, часть экосферы, которая содержит искусственные технические сооружения, изготавливаемые и используемые человеком.

Термин «Техносреда» в России оказался задействован как бренд исключительно для Фестиваля науки и технологий, прошедшего в 2021 году в Москве¹. В связи с этим мы считаем возможным предложить авторское определение: *техносреда мегаполиса* – это все предметы искусственного происхождения, которые окружают жителя крупного современного города, начиная от строений, инженерных сетей, транспорта и кончая информационными средствами, рекламой и гаджетами.

Проработка теоретических положений подкреплена в ходе проведения социологического исследования, основной целью которого, помимо уточнения теоретических позиций, была разработка механизмов управления соотношением техносреды и экологии мегаполиса в современных условиях. Для этого в 2021 году в Москве был проведено четыре фокус-группы с целью выявления проблем и перспектив развития техносреды и экологии мегаполиса в современных условиях. В качестве экспертов привлекались специалисты Департамента природопользования и охраны окружающей среды города Москвы, муниципальных образований, сотрудники ведомств ГО и ЧС, практические специалисты, занимающиеся благоустройством, развитием техносреды столицы, ученые имеющие научные труды и публикации в данной и смежных отраслях научного знания. Всего в работе приняли участие 28 экспертов.

ЭКСПЕРТНАЯ ОЦЕНКА ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ И СОСТОЯНИЯ ТЕХНОСРЕДЫ В МОСКВЕ

В ходе исследования установлено, что участники фокус-групп считают себя достаточно информированными об экологической обстановке и состоянии технической среды в Москве. О проблемах в экологической сфере и в области техносферы, а также содержании основных направлений экологической политики, о действиях властных структур в обеспечении благоприятной окружающей среды вследствие влияния технической среды большинство узнает из Интернета и социальных сетей, а также передач местного и городского телевидения и радиовещания. В случае необходимости получения дополнительной информация используются материалы соответствующих ведомств, общественных организаций.

Являясь заинтересованной стороной, эксперты стараются быть в курсе изменений в законодательстве по проблемам экологии и соответствующих законодательных инициатив.

¹Фестиваль науки и технологий «Техносреда», 2021. URL: <https://vdnh.ru/events/festival-nauki-i-tehnologiy-tekhnosreda/>

Эксперты сошлись во мнении, что техническая среда – это все предметы, созданные людьми. Понятие техническая среда включает в себя достаточно широкий спектр предметных значений от инженерных сетей, автомобилей и кончая гаджетами. Все это неизбежно создает определенные экологические проблемы, так как природная среда современных мегаполисов все больше и больше становится зависимой от сложной совокупности техники и технологической инфраструктуры.

Участники опроса едины в констатации того, что сегодня Москва вполне технологичный и технологизированный город. Вместе с тем в отношении возможности и необходимости развития техносреды мегаполиса мнения экспертов расходятся. Часть из них придерживаются такой точки зрения, что дальнейшее расширение техносферы Москвы может привести к необратимым экологическим последствиям. Другая часть считает, что опасность развития техники и технологической инфраструктуры для населения и окружающей среды преувеличена. Более того, они ссылаются на данные

объективного контроля, свидетельствующие о том, что наблюдается общее улучшение экологической ситуации. По их мнению, в значительной степени этому способствовало закрытие в Москве целого ряда крупных промышленных предприятий, переход на новые виды общественного транспорта и целый ряд других факторов. Все это оказывает позитивное влияние на экологическую ситуацию в Москве. Так, например, в городе не только увеличилось количество птиц, животных и насекомых, но и появились новые.

Эксперты, участвовавшие в исследовании, дали следующие оценки актуальности для Москвы решения экологических проблем, связанных с развитием техносреды (рис. 1).

Главными источниками экологических угроз в Москве остается рост транспортных средств, работающих на углеводородах и рост населения, сопровождающийся ростом отходов человеческой жизнедеятельности.

Безусловно, столица продолжает проигрывать соседним регионам по целому ряду показателей.

Медианная оценка экспертов

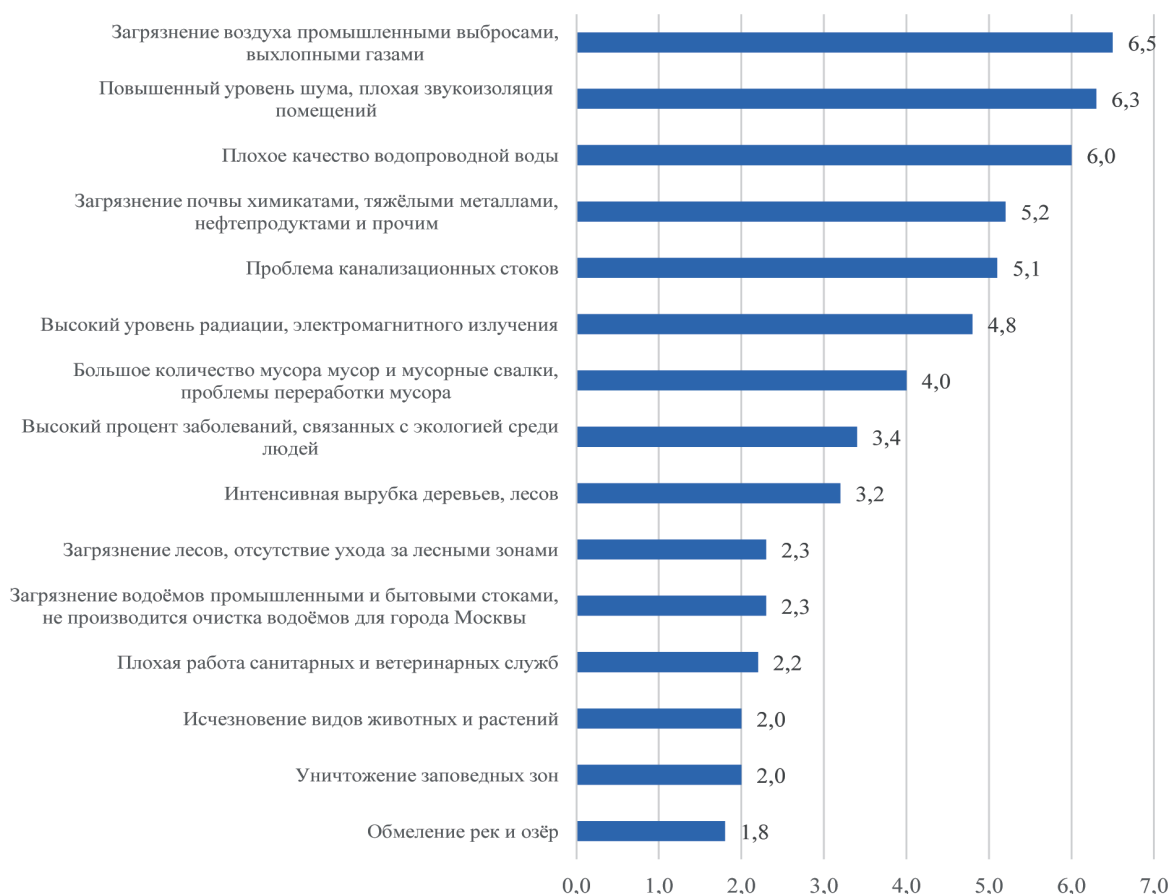

Рис. 1. Медианные оценки экспертов актуальности для Москвы решения экологических проблем, связанных с развитием техносреды (по 10-балльной шкале: 10- очень высокая; 1 – самая низкая)

Медианная оценка экспертов

Рис. 2. Медианные оценки экспертов негативного влияния источников техногенного воздействия на окружающую среду в Москве (по 5-балльной шкале: 1- не оказывает существенное негативное влияние, 5 - оказывает негативное влияние в наибольшей степени).

Но степень негативного влияния целого ряда факторов на экологическую ситуацию в Москве имеет устойчивую тенденцию к снижению.

Участники фокус-групп дали следующие оценки негативного влияния источников техногенного воздействия на окружающую среду в Москве (рис. 2).

По мнению экспертов, изменить к лучшему сложившуюся экологическую обстановку в Москве можно в первую очередь посредством дальнейшего выведения промышленности, промышленных предприятий в нежилые зоны и создания на их месте жилых зон и парков (примером может служить застройка практически в центре Москвы территории завода ЗИЛ современными жилыми и офисными зданиями и создание микрорайона принципиально нового типа ЗИЛАРТ). Москва может быть преобразована также путем повышения эффективности системы по сбору и переработке мусора и отходов; путем перехода на новые виды топлива; путем усиления контроля за выбросами посредством увеличения плотности сети датчиков загрязнений (с этой целью нужно создать очень подробную карту). Решение ряда вышеперечисленных проблем, по мнению экспертов, напрямую связано с необходимостью дальнейшего совершенствования природоохранного и

других законодательств, которые относятся к сфере экологии.

Для обеспечения благоприятной окружающей среды в Москве предлагаются следующие мероприятия (рис. 3).

Экспертное сообщество единодушно в том, что решением экологических проблем должны заниматься, в первую очередь, органы государственного управления. В то же время на региональном и местном уровне должна осуществляться совместная работа города, городских структур самоуправления и людей.

В качестве первоочередных задач по созданию благоприятной среды в Москве для органов государственного управления экспертами были определены следующие:

- разработка и безусловное выполнение региональных экологических программ;
- повышение уровня экологической культуры населения, вовлечение широких масс в природоохранные инициативы;
- подготовка кадров в области охраны окружающей природной среды;
- создание действенной системы экомониторинга.

Главными задачами органов местного самоуправления по снижению влияния техносферы на

Рис. 3. Медианные оценки экспертов актуальности для Москвы решения экологических проблем, связанных с развитием техносферы (по 10-балльной шкале: 10- очень высокая...1 – самая низкая)

окружающую природную среду эксперты считают качественную эксплуатацию жилого фонда, создание достаточного количества парковочных мест, приведение в порядок парковых и прогулочных зон, очистку водоемов и реконструкцию прибрежных зон.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Город Москва обладает всеми необходимыми ресурсами (финансовыми, научными, административными и пр.) для решения большинства экологических проблем в ближайшие три–пять

лет. Прежде всего, следует продолжить реализацию таких программ, как вывод экологически вредных производств за территорию города, перевод транспорта на газомоторное топливо, стимулирование перехода граждан на пользование электромобилями и другие. Существенное значение имеет дальнейшее совершенствование законодательной базы природоохранной деятельности. Ключевым фактором перехода к новому этапу решения экологических проблем столицы является комплексное решение вопроса формирования экологической культуры москвичей.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Стризое А. Л. Деурбанизация современного общества: природа, специфики, риски // Вестник Волгоградского университета. Серия «Философия». 2017. № 1. Т. 16. С. 67–71.
2. Баландин Р. К. Цивилизация против природы: Что происходит с погодой и климатом? М. : Вече, 2004.
3. Майснер Т. Н. Урбанизация и экология городской среды: риски и перспективы устойчивого развития // Гуманитарий Юра России. 2020. №3. Т. 9 (43). С.191–201.
4. The unbearable burden of the technosphere // The UNESCO Courier. URL: <https://en.unesco.org/courier/2018-2/unbearable-burden-technosphere>

REFERENCES

1. Strizoe, A. L. (2017). De-urbanization of modern society: nature, specifics, risks. Volgograd University Bulletin. Philosophy Series, 1(16), 67–71. (In Russ.)
2. Balandin, R. K. (2014). Civilizaciya protiv prirody: Chto proishodit s pogodoy i klimatom? = Civilization versus nature: What's going on with the weather and climate? Moscow: Veche. (In Russ.)

3. Maysner, T.N. (2020). Urbanization and the Ecology of the Urban Environment: Risks and Prospects for Sustainable Development. *Humanities of the South of Russia*, 9(43), 3, 191–201. (In Russ.)
4. The unbearable burden of the technosphere (2018). *The UNESCO Courier*. <https://en.unesco.org/courier/2018-2/unbearable-burden-technosphere>

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Александр Валентинович Саблуков

доктор социологических наук, доцент
профессор кафедры социологии Института международных отношений и социально-политических наук
Московского государственного лингвистического университета

Сергей Сергеевич Соловьев

кандидат социологических наук, доцент
старший научный сотрудник социологической лаборатории
Московского государственного лингвистического университета
доцент кафедры социологии Института международных отношений и социально-политических наук
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Alexander Valentinovich Sablukov

Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor
Professor of the Department of Sociology, Institute of International Relations and Social and Political Sciences
(Faculty), Moscow State Linguistic University

Sergey Sergeevich Solovyov

PhD (Sociological Sciences), Associate Professor
Senior Researcher at the Moscow State Linguistic University
Sociological Laboratory, Associate Professor of the Department of Sociology,
Institute of International Relations and Social and Political Sciences (Faculty)
Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию	11.01.2023	The article was submitted
одобрена после рецензирования	01.02.2023	approved after reviewing
принята к публикации	12.02.2023	accepted for publication

Научная статья

УДК 316.77

DOI 10.52070/2500-347X_2023_1_850_113

Исследования проблем этничности в рамках конструктивистского подхода

А. С. Согомонян

*Научно-исследовательский центр Военной академии ВВС им. Петра Великого, Балашиха, Россия
s_a_s13@mail.ru*

Аннотация. Данная статья является аналитической экспликацией основных подходов, предложенных сторонниками концепции «конструктивизма» к осмыслению понятия «этничность», представляемого ими как продукт социального конструирования. Целью проведенного исследования было выявление релевантности методологического базиса конструктивизма как этносоциологической парадигмы для анализа этничности в современных социально-политических условиях. Основные методы исследования являются теоретическими – анализ источников по освещенной в статье теме, сравнение и обобщение.

Ключевые слова: этнос, этничность, этногенез «конструктивизм», межэтнические взаимодействия

Для цитирования: Согомонян А. С. Исследования этничности в рамках конструктивистского подхода // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2023. Вып. 1 (850). С. 113–119. DOI 10.52070/2500-347X_2023_1_850_113

Original Article

Studies of Ethnicity Within The Constructivist Approach

Andrei S. Sogomonyan

*Scientific-research center of the Peter the Great Strategic Missile Troops Academy, Balashikha, Russia
s_a_s13@mail.ru*

Abstract. This article is an analytical explication of the main approaches proposed by the proponents of the concept of «constructivism» to the understanding of the concept of «ethnicity», which they represent as a product of social construction. The purpose of the study was to identify the relevance of the methodological basis of constructivism as an ethnosociological paradigm for the analysis of ethnicity in modern socio-political realities. The main research methods are theoretical – analysis of sources on the topic covered in the article, comparison and generalization.

Keywords: ethnos, ethnicity, ethnogenesis constructivism, interethnic interactions

For citation: Sogomonyan, A. S. (2023). Studies of ethnicity within the constructivist approach. Vestnik of the Moscow State Linguistic University. Social Sciences, 1(850), 113–119. 10.52070/2500-347X_2023_1_850_113

ВВЕДЕНИЕ

В конце 60-х годов XX века в Соединенных Штатах для объяснения особенностей формирования общественного мнения в контексте появления движений против сегрегации и дискриминации маргинальных групп социума или малых народов в научной среде шел активный поиск новых идей, концептуализирующих феномен этнических взаимодействий. Так, например, в научный обиход вошло понятие «правильный котел», абстрактно объяснявшее возможность слияния (смешения) расовых и национальных меньшинств с господствующей титульной расой (этносом). Предполагалось, что ассимиляция меньшинств в общей массе титульной расы (этноса) за счет длительности и частоты социальных контактов, в конечном счете, приведет сначала к усвоению ими типично «американских» ценностей белого населения США, а затем – и к потере идентичности. В дальнейшем от этой концепции пришлось отказаться, на смену ей пришла концепция «салата», в котором при разнородности состава отдельный ингредиент сохраняет свою сущность. Подобный подход к созданию диффузного, но вместе с тем разнородного в культурном отношении общества получил название мультикультурализма, что означало, по мнению С. Хантингтона, тенденцию к усилению значимости этнической идентичности в ущерб идентичности национальной [Хантингтон 2003].

Примерно в это время в зарубежной общественной мысли стала зарождаться идея этничности, как социального конструкта. Данное направление исследования этничности характеризуется интерпретацией этнической группы как совокупности людей, объединенных общими интересами, при этом, сама этничность понимается как результат субъектного воздействия.

СОДЕРЖАНИЕ КОНЦЕПЦИИ «КОНСТРУКТИВИЗМА»

Конструктивистский подход к осмыслению феномена этничности построен на тезисе о существовании интеллектуального конструкта политической, научной и творческой интеллигенции страны, чей властный потенциал, научные труды и продукты художественной деятельности формируют у населения область представлений о собственной культуре, дифференцируя ее среди множества других, что позволяет населению осознать свою этническую неповторимость и породить этническое консолидирующее чувство. Таким образом, интеллектуальная элита страны через средства массовой информации и образование в конкретном обществе конструирует

этничность и тем самым социальное пространство. Особое внимание в деле мобилизации членов этнической общности на совместные групповые действия, по мнению конструктивистов, заслуживают лидеры, использующие свой политический капитал и влияние на общественное мнение в целях реализации каких-либо своих политических и иных интересов, но не всегда выражающие волю народа. Предтечей теории «конструктивизма» выступили идеи П. Бергера и Т. Лукмана, сформулированные в совместном труде «Социальное конструирование реальности». Суть идей состоит в представлении социума как «результата упорядочивания исходного множества индивидов с помощью объективных, деперсонифицированных взаимосвязей между ними, а также возможностей отдельных индивидов конструирования типизированных схем-конструктов и наделения их смыслом» [Бергер, Лукман, 1995].

Наиболее заметный отечественный представитель «конструктивизма» В. А. Тишков интерпретирует этническую общность как социальную группу, членов которой объединяют общее название, происхождение, историческая судьба, разделяемое всеми чувство солидарности и принадлежность к одной культуре. Указанные признаки этничности являются результатом особых совместных усилий ключевых элементов системы – интеллектуальной элиты, конструирующей этносоциальное пространство [Тишков, 2021]. Полагая этнонациональные группы социальным конструктом, сторонники данного направления признают реальную значимость этничности в контексте ее влияния на мотивационно-деятельностную сферу жизни общества, а также на способность личности мобилизовать себя для достижения различных целей. В данном контексте представляет интерес точка зрения одного из конструктивистов, О. А. Платонова, на содержательные характеристики американского социального конструкта: «Америка – это не государство и не нация. Это просто большая территория, на которой временно проживают выходцы из разных стран. Главное в том, что Америка лишена фундаментальной основы прочной государственности – национального ядра, государственного народа. То, что именуется американским народом, является не качественно органичной и самобытной определенностью, а искусственным конгломератом чуждых друг другу лиц, объединенных общей страстью к потреблению и наживе и инстинктивным страхом ответственности за общие преступления перед человечеством. Такой конгломерат может существовать консолидировано только на относительно узких отрезках времени» [Платонов, 2013].

Основные положения теории «конструктивизма» прямо опровергают примордиальную сущность этничности, указывая на ее субъектное

происхождение, представляя ее результатом деятельности социальных акторов, составляющих референтное меньшинство: «...это определяемая, обнаруживаемая субъектом принадлежность к культурной группе» [Колосов, 1998, с. 98]. Субъектность этничности, как результата деятельности «социальных конструкторов» проявляется в подчеркивании сторонниками данной теории происхождения каждого структурного компонента ключевого понятия исключительно по воле человека. Если мы говорим о различиях, то они интерпретируемы: если границы, то прочерченные; если общности, то воображаемые; если интересы, то формируемые или конструируемые. Содержание конкретного «конструкта», таким образом, зависит от социальной принадлежности субъектов конструирования и самого контекста конструирования.

Одной из базовых категорий «конструктивизма» является «нация» как «...основной оператор всеохватывающей системы социальной стратификации» [Колосов, 1998, с. 100]. На всех этапах эволюции социума данный оператор выполнял «селективные» функции, при этом «системы социальной классификации, будучи институционализированы, закладывают основы для власти и легитимности с помощью задаваемых ими категорий, которым придается одновременно естественный и социально реальный характер» [Колосов, 1998, с. 102]. Конструктивисты четко разграничивают политический и этнический статус личности, используя операциональную функцию нации, которая помогает определить принадлежность человека к политической нации, т. е. гражданство либо этнической нации, т. е. собственно отношение к конкретной этнической общности. Данное «соперничество» между значениями нации выходит за рамки теоретического осмысления конструктивистами концепта этничности, являясь неотъемлемой частью социальной реальности.

В отечественном научном дискурсе «конструктивизм» представлен исследованиями таких ученых, как Ю. М. Бородай, А. Г. Здравомыслов, В. А. Тишков, Л. М. Дробижева, Ю. Г. Волков, Е. А. Ващавер и др. Толкование ими сущности этничности и этногенеза базируется на нескольких принципиально важных тезисах: во-первых, личность «сконструирована» на основе множества идентичностей, которые она способна выбирать исходя из сложившихся условий, менять, дополнять и создавать на их основе новые; во-вторых, национальность не является предписанной характеристикой или свойством конкретного человека – он сам ее или их определяет; в-третьих, возникновение этничности детерминировано влиянием социальных агентов и бытовых стереотипов. При этом,

отечественные конструктивисты, подчас отходя от базовых постулатов своей теории, заимствовали содержание отдельных тезисов «примордиализма». Так, в одном из исследований бурятской идентичности [Варнавский, Дырхеева, Скрыпникова, 2003], проведенном учеными-конструктивистами, тем не менее, явственно подчеркивалась важность климатогеографических условий ее формирования, а также признавалась роль этничности как символического инструмента для достижения практических результатов. В целом, конструктивистские позиции отечественных ученых по вопросу этничности во многом продиктованы стремлением к обозначению явной роли государства и социальных институтов в формировании этничности. Подобный научный дискурс был обусловлен существующей социально-политической системой в Советском Союзе, в котором конструктивистская теория стройно вписывалась в организацию общественной жизни. Феномены «советский человек», «советский народ» политизированы изначально и по своей сути являются надэтническими конструкциями, роль которых заключалась в подчеркивании маловажности этнических границ. В современной России отрицание объективности существования этничности и ориентация на субъективную идентификацию личности в угоду политическим соображениям может привести к этнонигилизму, при котором национально-территориальный принцип политического устройства страны теряет всякую значимость. Тем не менее конструктивистские взгляды на сегодняшний день в нашей стране с учетом политической конъюнктуры получили широкое распространение.

Заметный след в развитии конструктивистской теории оставили труды Ф. Барта, посвященные исследованию влияния этнических границ на процесс формирования этнической идентичности. Содержание концепции Ф. Барта, изложенной в его работе «Этнические группы и границы» [Этнические группы ... 2006], во многом изменила исследовательский ракурс конструктивистов. Ученый убедительно показал, что этническая идентичность есть результат поддержания границ отличных друг от друга общностей, а формирование границ в свою очередь детерминировано сферой социального взаимодействия. Ф. Барт опирался на примеры племенных кочевых сообществ, которые, несмотря на высокую мобильность в пределах обширных территорий, тем не менее, сохраняли устойчивые этнические границы. Эмпирической базой его исследований выступили результаты анализа отношений между кочевыми племенами и оседлыми крестьянами севера Пакистана: крестьяне приобретали у кочевников рогатый скот

и договаривались о его выпасе на их территории. Впоследствии, когда стада становились многочисленными, то крестьяне понемногу перенимали обычаи кочевников и их образ жизни, который позволял успешнее вести дела скотоводства. При этом исследователи отмечали устойчивую тенденцию к смене этнической идентичности - крестьяне, перенявшие опыт скотоводства, стремились стать полноправными кочевниками не только в заимствовании определенного образа жизни в целях оптимизации контроля над частной собственностью, но и в желании интегрироваться в их общество и следовать его обычаям. В данном случае сферой социального взаимодействия выступает деловая область отношений между кочевниками и крестьянами, а этнические границы совпадают с формой производства.

Таким образом, Ф. Барт рассматривает этничность как набор культурных отличий или особенностей, характерных для конкретной группы, которая определяется этническими границами. Этническую группу Ф. Барт соотносит как с народом, так и с его составной частью, а этническая граница выступает конструктом сознания членов группы. Члены этнической группы в ходе исторически обусловленного процесса культурного воспроизводства и повседневных социальных практик выделяют ряд признаков, отличающих их от членов иной группы, и являющихся по своей сути маркерами этнической границы. Центральной композицией концепции Ф. Барта выступает определение стратегии исследования этничности и культурного многообразия с позиций их организационного качества, акцента не на эмпирическое выражение этничности, а на ее функциональное значение. Таким образом, основным фактором формирования этничности Ф. Барт полагал индивидуальное сознание этнофора, которое, обуславливая социальное поведение членов этнической группы, порождало систему распределения социальных ролей. Культурное единство этнической группы выступает не как ее определяющая характеристика, а как результирующее значение ее развития, экзистенциальный смысл ее бытия. Отказываясь в дальнейшем от интерпретации культуры как характерного для конкретной этнической группы признака, Ф. Барт выдвигает идею о категоризации этнических групп сквозь призму их качества как социальных организаций. То есть, внутренняя организационная структура этнической группы опосредована процессом самоотнесения ее членов и отнесения «чужаков» к иным этническим группам. Категоризация членом этнической группы множества окружающих его индивидов по принципу «свои»-«чужие» и использование этой

этнической идентичности в процессе социального взаимодействия в конечном итоге и определяет организационные качества конкретной группы. То есть, идентификатором членства в этнической группе становятся социально-задаваемые факторы, основанные на феномене категориального приписывания, а не наборы культурных различий [Социальная и культурная дистанции ... 1998]. Выделение этнических категорий этнофорами как при идентификации себя с членами определенной этнической группы, так и при соотнесении других индивидов с иными этническими группами основано не на суммировании эксплицитно выражаемых объективных различий, но лишь на подчеркивании тех из них, которые самими этнофорами воспринимаются как значимые. Иными словами, этнические границы участвуют в организации социальной структуры, обуславливают содержание социальных практик и поведенческих паттернов индивидов, окрашивают фон социальных отношений на основе сознательных актов этнического категоризирования. Оно в свою очередь проявляется в выделении этнофором значимых различающих характеристик в поведении индивида, члена иной этнической группы, каких-либо значимых культурных особенностей. Данный процесс определяет сохранность и внутреннюю консолидацию этнических групп: структурные особенности процесса межэтнического взаимодействия обусловлены наличием культурных различий. Наличие в социуме основных этнических категорий, предписывающих своим носителям определенные паттерны поведения, выполнение социальных ролей, по мнению Ф. Барта, является движущей силой распространения культурных различий.

В русле концепции Ф. Барта, развивая его идеи, работали ученые У. Ханнерц и Э. Грили. Первый высказал предположение о том, что стремление к обозначению этнических границ, в условиях культурной диффузии, является не чем иным, как источником выживания отдельной этнокультуры в полиэтничном социуме [Hannerz, 1992]. Поддерживая У. Ханнерца, Герберт Дж. Г. выразил свое отношение к американской нации: «Американцы воспринимают себя как людей, подверженных культурному нивелированию, и неважно, правы они или нет, они всегда ищут пути установления своей обособленности от других» [цит. по: Sollors, 1996, с. 25].

Современный период зарубежных исследований проблем этничности в рамках конструктивистской традиции связан с появлением труда Р. Брюейкера «Этничность без границ». Ученый предлагает отказаться от уже ставших классическими взглядов на этничность с позиций «группизма» и сосредоточится на этнических категориях.

В своих статьях Р. Брюбейкер представляет ключевое понятие в качестве переменной, трансформирующуюся под влиянием внешних условий. Таким образом, социальный контекст может определять этническую окраску социальных взаимодействий [Брюбейкер, 2012]. Развивая идеи Ф. Барта и Р. Брюбейкера, американский ученый А. Виммер в своих исследованиях перемещает фокус исследования с этнических групп на этнические границы, выделяя их категориальный и социальный аспекты. В целом, эмпирический исследовательский дизайн, предлагаемый ученым, «деэтнизирован» – А. Виммер обосновывает необходимость анализа социальных контекстов, детерминирующих возникновение этнических границ [Хофф, 2015]. Одними из важных конструктивистских научных трудов последних лет можно считать исследования К. Чандры, в которых вскрываются основные недостатки конструктивизма, связанные, в первую очередь, с нечеткой обозначенностью объекта исследования [Чандра, 2012]. Концептуальная модель этничности, предложенная ученым, основывается на мысли о ее связи с наследованием членства в воображаемых сообществах. Базовым понятием концепции К. Чандры выступает этническая идентичность «...как тип социальных категорий, в которых «базирующиеся на происхождении» (descent-based) атрибуты оказываются необходимыми для членства» [прив. по: Варшавер, 2022, с. 39]. Особое внимание в раскрытии понятия идентичность исследователь уделяет реальному либо воображаемому происхождению, под которым понимается причастность индивида к воображаемому сообществу при условии изначальной принадлежности к нему его родителей [прив. по: Варшавер, 2022].

КРИТИКА КОНЦЕПЦИИ «КОНСТРУКТИВИЗМА»

Конструктивистская концепция формирования этничности в ученой среде в силу специфичности основных положений получила неоднозначную оценку. Так, критиками отмечалась спорность тезиса о формировании у членов отдельной общности воображений, представлений о ней как об особом субстанте на основе конструируемых интеллектуальной референтной группой дискурсивных, символических и идейных продуктов творческой мысли. В частности, В. В. Коротева считала, что «...воображение объединяет лишь тех, кто обладает сходным жизненным опытом и подтверждает существующие деления» [прив. по: Арутюнян, 1998, с. 45].

Стоит согласиться с тем, что многие идеи, которые «социальные инженеры», возможно, и хотели бы внедрить в сознание масс, так и остаются в их собственном воображении, не получая желаемого отклика у остальных членов общности в основном, в силу их абстрактности, чуждости и некомплиментарности с мировоззрением большинства. Однако иные идеи в силу своей актуальности и без основных агентов трансляции их в массы (средства массовой информации, система образования) становятся консолидирующей силой в общественном сознании, как это и наблюдалось во время кризиса на территории Чечни в постсоветский период.

Как отмечает социолог Е. А. Варшавер, исследовательские позиции конструктивистов часто были связаны со стремлением опровергнуть предлагаемый «примордиалистами» подход к объективизации существования этнических сообществ, на основе социальной или биологической детерминации, однако, при этом научная новизна исследований в текущую повестку дня не вносилась [Варшавер, 2022]. Попытки А. Виммера и К. Чандры создать собственно конструктивистский теоретический язык для описания этничности нельзя считать состоявшимися ввиду того, что в случае с А. Виммером концептуализация этничности происходит с помощью ранее введенного Ф. Бартом понятия «этническая граница», а предложенный К. Чандрой язык описания не в полной мере релевантен методологическим требованиям исследования современного этапа этногенеза, ввиду его «слепоты» к «...к огромному полю смыслов, складывающихся вокруг категорий, которые – а не категории сами по себе – и структурируют человеческое поведение» [Варшавер, 2022, с. 42].

В целом, подход конструктивистов к пониманию этничности построен на необходимости определения ее функциональных особенностей, то есть ответы на вопросы «как влияет этничность на социальную структуру и отдельно взятого индивида?», «каково ее функциональное предназначение?» позволяют рационально объяснить причину и характер объединения людей в некие абстрактные этнические сообщества. Сложность рационального толкования феномена этничности и обусловила полярность взглядов конструктивистов на ее происхождение.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В качестве методологических ориентиров для нашего исследования в конструктивистской концепции целый ряд положений представляет несомненный интерес.

Во-первых, базовое положение теории об образе этничности, представляемом результатом конструирования в общественном сознании, во многом обосновано историческим опытом формирования отдельных этносов. Однако оно не может распространяться на современные племенные сообщества с архаическим укладом жизни, находящиеся вне контекста цивилизации. Тем не менее существование так называемой «навязанной» этничности, случаи которой убедительно описывает в своих исследованиях С. Г. Кара-Мурза, служат подтверждением репрезентативности вывода о конструировании этничности если не как всеобщего принципа этногенеза, то как значительного аргумента в пользу данной теории [прив. по: Колпаков, 1995].

Во-вторых, продолжая рассуждения об участии интеллектуальных элит в формировании представлений индивидов о своей этнической принадлежности, следует отметить важную роль дискурсивных и семиотических практик как когнитивной области выражения культурных особенностей этнической общности, позволяющей этнофору познать свое историческое прошлое. Под дискурсивными и семиотическими практиками следует понимать речевые, текстовые и символичные артефакты отдельной этнокультуры, знакомясь с которыми, этнофор познает особенности ментальности своей этнической общности. Устный народный эпос, эстетика русского языка А. С. Пушкина, картины В. М. Васнецова и В. А. Серова, концепция «православие, самодержавие, народность» – всё это

суть средства конструирования русской этничности силами интеллектуальной элиты. Важность социальных конструктов этничности признавали, в том числе, ученые-примордиалисты, так В. Ю. Хотинец выделяя стадии формирования этнической идентичности, в качестве первой указывает «сказочно-мифологическую» [Хотинец, 2000]. Подобную точку зрения разделяет и Г. В. Грошева, указывавшая на расплывчатость границ между объективными основаниями становления этничности в «примордиализме» и субъективностью конструирующего воздействия в «конструктивизме» [Грошева, 2006]. Содержание и характер культурного этнического поля, воспринимаемые примордиалистами как объективные условия, по существу являются результатом усилий интеллектуальной элиты.

Таким образом, конструктивистское понимание феномена этничности основано на представлении ее сторонников о субъектном воздействии политических и интеллектуальных элит государства на исходное социальное множество для достижения ими определенных интересов. При таком подходе этничность связывается с гражданско-политическим статусом индивида (нация), когда формируется достаточно жесткая схема «государство-территория-народ». Подобное конструирование предполагает последующее стремление к категорированию акторами социального пространства и подчеркиванию этнических границ.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: АСТ, 2003.
2. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. М.: Московский философский фонд, 1995.
3. Тишков В. А. Избранные труды: в 5 т. Т. 5. Этнология и политика. Статьи 1989–2021 гг. М.: Наука, 2021.
4. Платонов О. А. Почему погибнет Америка. М.: Родная страна, 2013.
5. Колосов В. А. «Примордиализм» и современное национально-государственное строительство // Полис. 1998. № 3. С. 95–106.
6. Варнавский П. К., Дырхеева Г. А., Скрыпникова Т. Д. Бурятская этничность в контексте социокультурной модернизации (конец XIX – первая треть XX вв.). Иркутск, 2003.
7. Этнические группы и социальные границы: социальная орг. культурных различий / под ред. Ф. Барта; пер. с англ. И. Пильщиков. Москва: Новое изд-во, 2006 (Химки: Тип. «Момент»).
8. Социальная и культурная дистанции: Опыт многонациональной России / Институт этнологии и антропологии РАН; Авт. проекта и отв. ред. Л. М. Дробижева. М.: Институт социологии, 1998.
9. Hannerz U. Cultural Complexity: Studies in the Social Organization of Meaning. Department of Social Anthropology, Stockholm University. 1992.
10. Sollors W. Foreword: Theories of American Ethnicity // Theories of Ethnicity: a classical reader. N.Y., 1996.
11. Брубейкер Р. Этничность без групп / пер. с англ. И. Борисовой. М.: Высшая школа экономики, 2012.
12. Хофф С. Б. Создание этнических границ: институты, власть, сети Андреаса Виммера // Международный обзор социальных наук. 2015. № 90. С. 10–22.
13. Чандра К. Конструктивистские теории этнической политики. OUP США, 2012.
14. Варшавер Е. А. «Перестать пинать мертвую лошадь примордиализма»: актуальные повестки дня в конструктивистских исследованиях этничности // Социологическое обозрение. 2022. № 3. Т. 21. С. 31–58.
15. Арутюнян Ю. В. Этносоциология: учебное пос. для вузов. М.: АСПЕКТ-ПРЕСС, 1998.
16. Колпаков Е. М. Этнос и этничность // Этнографическое обозрение. 1995. № 5. С. 13–23.
17. Хотинец В. Ю. Этническое самосознание. СПб.: Алетейя, 2000.

18. Грошева Г. В. Категории этноса и этничности в современном научном дискурсе // Вестник Томского государственного педагогического университета. Серия «Гуманитарные науки (история)». 2006. Вып. 1 (52). С. 104–110.

REFERENCES

1. Khantington, S. (2003). *Stolknovenie tsivilizatsii = Clash of civilisations*. Moscow: AST. (In Russ.)
2. Berger, P., Lukman, T. (1995). *Sotsial'noe konstruirovaniye real'nosti = Social construction of reality*. Moscow: Moskovskiy filosofskiy fond. (In Russ.)
3. Tishkov, V. A. (2021). *Izbrannyye trudy: v 5 t. T. 5: Etnologiya i politika. Stat'i 1989–2021 gg. = Selected works. Articles 1989–2021. (5 Vols. V. 5. Ethnology and Politics)*. Moscow: Nauka. (In Russ.)
4. Platonov, O. A. (2013). *Pochemu pogibnet Amerika = Why is America going to die*. Moscow: Rodnaya strana. (In Russ.)
5. Kolosov, V. A. (1998). «Primordializm» i sovremennoye natsional'no-gosudarstvennoye stroitel'stvo = "Primordialism" and modern nation-state building. *Polis*, 3, 95–106. (In Russ.)
6. Varnavskiy, P. K., Dyrkheeva, G. A., Skrypnikova, T. D. (2003). *Buryatskaya etnichnost' v kontekste sotsiokul'turnoy modernizatsii (konets XIX – pervaya tret' XX vv.) = Buryat Ethnicity in the Context of Socio-Cultural Modernisation (Late 19th – First Third of the 20th Century)*. Irkutsk, 2003. (In Russ.)
7. Barta, F. (Ed.) (2006). *Etnicheskiye gruppy i sotsial'nye granitsy: sotsial'naya org. kul'turnykh razlichii = Ethnic groups and social borders: the social organisation of cultural differences*. Moscow: Novoe izd-vo. (In Russ.)
8. Drobizheva, L. M. (1998). *Sotsial'naya i kul'turnaya distantzii: Opyt mnogonatsional'noi Rossii = Social and Cultural Distance: The Experience of Multinational Russia*. Moscow: Institut sotsiologii, 1998. (In Russ.)
9. Hannerz, U. (1992). *Cultural Complexity: Studies in the Social Organization of Meaning*. Department of Social Anthropology, Stockholm University.
10. Sollors, W. (1996). Foreword: Theories of American Ethnicity. *Theories of Ethnicity: a classical reader*. N.Y.
11. Brubeiker, R. (2012). *Etnichnost' bez grupp = Ethnicity without groups*. Moscow: Vysshaya shkola ekonomiki.
12. Khoff, S. B. (2015). *Sozdaniye etnicheskikh granits: instituty, vlast', seti Andreasa Vimmera = Creating Ethnic Boundaries: Institutions, Power, Networks by Andreas Wimmer*. *Mezhdunarodnyi obzor sotsial'nykh nauk*, 90, 10–22.
13. Chandra, K. (2012). *Konstruktivistskiye teorii etnicheskoy politiki = Constructivist theories of ethnic politics*. OUP SShA.
14. Varshaver, E. A. (2022). «Perestat' pinat' mertvuyu loshad' primordializma»: aktual'nye povestki dnya v konstruktivistskikh issledovaniyakh etnichnosti = "Stop kicking the dead horse of primordialism": Current agendas in constructivist studies of ethnicity. *Sotsiologicheskoye obozreniye*, 21, 3, 31–58. (In Russ.)
15. Arutyunyan, Yu. V. (1998). *Etnosotsiologiya. uch. pos. dlya vuzov = Ethnosociology: textbook for higher education institutions*. Moscow: ASPEKT-PRESS. (In Russ.)
16. Kolpakov, E. M. (1995). *Etnos i etnichnost' = Ethnicity and ethnicity*. *Etnograficheskoye obozreniye*, 5, 13–23. (In Russ.)
17. Khotinets, V. Yu. (2000). *Etnicheskoye samosoznaniye = Ethnic identity*. *Ethnic identity: Aleteiya*. (In Russ.)
18. Grosheva, G. V. *Kategorii etnosa i etnichnosti v sovremennoy nauchnoy diskurse = Categories of ethnicity and ethnicity in contemporary scientific discourse*. Tomsk State Pedagogical University. Humanities series (history), 1(52), 104–110. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Согомонян Андрей Самвелович

кандидат социологических наук, заместитель начальника 22 отдела научно-исследовательского центра Военной академии РВСН имени Петра Великого

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Andrey Samvelovich Sogomonyan

PhD (Sociological Sciences), Deputy Head of the 22 Department of Research and Research Center of the Military Academy of Strategic Missile Forces named after Peter the Great

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

12.01.2023
02.02.2023
12.02.2023

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

Сетевое электронное научное издание

ВЕСТНИК
Московского государственного
лингвистического университета
Общественные науки
Выпуск 1 (850)

VESTNIK
of Moscow State Linguistic
University
Social Sciences
Issue 1(850)

Над выпуском работали:

доктор экономических наук доцент В. Н. Косторниченко
доктор социологических наук профессор И. В. Образцов
М. В. Пупышева, А. А. Азаренкова

Редактор В. А. Геронимус
Компьютерная верстка: Г. П. Лопатина
Дизайн макета: А. В. Алымов

ФГБОУ ВО МГЛУ

Подписано в печать 22.03.23
Усл. печ. л. 7,5. Формат 60х90/8
Заказ № 21/23

Адрес редакции:
119034, Москва, ул. Остоженка, 38, стр. 1
Тел.: (499) 245 33 23
E-mail: ipk-mglu@rambler.ru

В «Вестнике Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки» публикуются основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим группам научных специальностей:

- 5.4. Социология
- 5.5. Политические науки
- 5.6. Исторические науки

«Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки» является преемником сборников научных трудов с 1940 года и, начиная с 2002 года, следующих выпусков «Вестника Московского государственного лингвистического университета»: «Исторические науки», «Политические науки», «Исторические науки. Политические науки», «Общественные науки».

© ФГБОУ ВО МГЛУ, 2023

Издание зарегистрировано 10 июня 2016 г. Эл № ФС77-66050 Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Доменное имя сайта: mslu-soc.ru

Учредитель: ФГБОУ ВО МГЛУ

Перепечатка материалов возможна при обязательном письменном согласовании с редакцией издания.

Ссылка на издание обязательна.